

к 26.89

ПБЗ

ПОЛЫНКИН

*Дросковское сельское поселение.
История и люди*

*"О край мой отиловский
Над русской рекой,
• Я счастлив —
Родиться мне здесь
доблесь..."*

Выпуск 4

К 26.89

П 53

История сельских поселений
Покровского района Орловской области
Выпуск IV

Александр Полынкин

*Дросковское сельское поселение.
История и люди*

A276964

Орёл – 2013

КР - 2017

БУКОО
«Орловская областная научная
универсальная публичная
библиотека им. И.А. Бунина»

УДК 82-1
ББК 49.0
П 49

Александр Полынкин

П 49 Дросковское сельское поселение. / История и люди / – Орел:
Полиграфическая фирма «Картуш». 2013. – 150 стр., фотографии.

Богат и славен событиями и людьми Покровский край. Автору давно хотелось свести вместе информацию, которую он извлёк из различных источников по тем или иным населённым пунктам Покровского района, довести до читателей факты, известные сейчас лишь архивистам. Автор убеждён, что это будет полезно как взрослым, так и школьникам, изучающим историю.

Эта книга – четвёртая в задуманном А. Полынкиным цикле из 14 книг – «История и люди Покровского района». Первые три были посвящены Вышнетуровецкому, Берёзовскому и Топковскому сельским поселениям. Автор надеется, что и эта книга, как и три предыдущие, найдёт своего благодарного читателя.

Фото на обложке:

Лицевая сторона: Памятник Дмитрию Блынскому в д. Внуково;
2-я сторона: Храм Михаила Архангела в селе Дросково;
Дросковский Святой источник;
3-я стр. обложки: Братская могила в селе Дросково
Памятник лётчикам на месте бывшего аэродрома
Оборот: Дорога в роще «Орешник» (окраина села Дросково)

Автор благодарит Александра Васильевича Блынского и Александра Михайловича Гаврина за финансовую помощь в издании книги.

УДК 82-1
ББК 49.0

© А.М. Полынкин, 2013

5-АР-СЕ-ПО-ПО

Первые жители нашего края

Где только о нас не пишут,- захотелось сказать мне после знакомства с историческим исследованием доктора исторических наук Михаила Мацука «Город Ливны и Ливенский уезд в 1615-1616 году».

Не было бы ничего удивительного, если бы этот трёхтомник опубликовал историк - орловчанин, на худой конец - исследователь из столицы или соседнего областного центра, но книга вышла из печати в столице республики Коми - Сыктывкаре.

Любого ливенца, а, заодно, и дросковчанина (наш край ведь в XVII веке входил в состав Ливенского уезда) должно охватить законное чувство гордости: вот где о нас знают и даже книги издают.

Михаил Мацук первым из российских историков детально изучил Дозорную книгу Ливенского уезда 1615-1616 года, проанализировал её и в своём исследовании дал подробнейшую характеристику территории, населению, землевладению и освоению территории Ливенского уезда в этот период.

Книга позволила нам расширить наши знания по истории Дросковской зоны Покровского края в самом начале XVII века.

Административно наш край входил тогда в состав одного из четырёх станов Ливенского уезда - Затрудского (или Затруцкого, по названию реки Труды), располагавшегося к востоку от Ливен, за рекой Труды (напомню, на всякий случай, что стан - это административно - территориальная единица, на которые делился уезд - А.П.).

Территория стана предоставляла прекрасные возможности для занятия земледелием (чернозёмная почва, достаточное количество влаги, тёплый климат), животноводством (обилие травы в низинных местах и по берегам рек, ручьёв и речек), охотой и собирательством грибов, ягод, орехов, дикого мёда, хмеля для варки пива, рыболовством (обилие рыбы в реках и речках).

Имелось в Затрудском стане несколько лесных массивов - леса Большой и Меньший Дросковы, Большой Никольский, Ястребцовский и другие.

Именно «...плодородные почвы, тучные пастбища, обилие воды, леса, богатые пушным зверем, и разнообразная дичь- всё это делало бассейн Быстрой Сосны одним из прекраснейших уголков обширной страны, известной впоследствии, как Россия», - так охарактеризовал природные условия нашего края в те времена краевед Г.Я. Пясецкий. Однако он же и отметил основные недостатки территории: через неё проходили многочисленные пути набега крымских татар, которые «тесняясь и вытесняя друг друга, не могли оставить после себя культурное наследие».

Для защиты от их нападений в 1586 году была создана крепость Ливны, а чуть позже возник и Ливенский уезд.

Вследствие постоянной военной опасности населённые пункты Ливенского уезда и Затрудского стана, в частности, создавались группами - в

бассейнах малых рек и речек, а остальные пространства практически не заселялись.

В 1615- 1616 годах первые населённые пункты нашего края находились в бассейне двух ручьёв - Полевого Дроскова и Лесного Дроскова (напомню, что в XVII веке ручьи именовались колодезями - А.П.) и было их очень мало: одно сельцо, одиннадцать деревень и четыре починка.

Повторю слова историка Н.И.Костомарова о разнице между этими поселениями: *«Село и сельцо имели церковь, но обычно село было побольше, деревни - поселения без церквей, починки - маленькие деревушки, недавно заселённые.»*

В XVII веке существовали и другие виды населённых пунктов, но я скажу лишь о займище, потому что дальше речь пойдёт об одном из них. Итак, *«займище - поселение, имевшее, как правило, один двор на недавно заселённой земле».*

А теперь мы назовём поселения нашего края по именам, как они перечислены в Писцовой Дозорной книге г.Ливен и Ливенского уезда.

Под №1, конечно же, значится *сельцо Архангельское*, что было займище, под Дросковым лесом, на Брусовом верху (именно так именовалось достаточно долго будущее село *Дросково*, а из уточнения - *«сельцо, что было займище»*), становится понятным, что возникло оно буквально за год - два до составления Писцовой книги- А.П.).

Из одиннадцати деревень, располагавшихся в районе Большого и Меньшего Дросковых лесов и протекавших здесь Лесного и Полевого Дросковых колодезей, три деревни ещё не имели названия (то есть появились они только что - А.П.), хотя одна из этих трёх по понятиям XVII века была большой (пять поместий, восемь дворов крестьян и шесть дворов бобылей).

Остальные восемь деревень мы перечислим: *Башкатова, Драчёва, Морозова, Муратова, Погонева, Сетенева, Харечкова, Шварева*. Самой большой была деревня *Сетенева*: в ней имелись четыре поместья и семь дворов крестьян.

Из восьми этих населённых пунктов шесть существуют и до сих пор (правда, *Харечкова превратилась в Харчикову - А.П.*). Деревня *Драчева* исчезла в 1963-ем году, став составной частью деревни *Башкатова* Дросковского сельского поселения. А вот деревня *Шварева* растворилась во времени, и в списке селений Малоархангельского уезда её нет уже в XIX веке (хотя, по некоторым сведениям, это деревня Внукова Дросковского сельского поселения – А.П.)

Три починка из четырёх названия не имели, но у четвёртого оно было двойным: *Ивановский починок Гранкина* под Меньшим под Дросковым лесом, на Полевом Дроскове колодезе.

Кто же проживал в этих населённых пунктах?

Вообще в Ливенском уезде в 1615-1616-ом году жило несколько категорий населения: *служилые люди по отчеству (дети боярские), служилые люди по прибору (стрельцы, казаки, пушкарки, затынники,*

воротники, ящички), духовенство белое и чёрное (священно- и церковнослужители и монашествующие), крестьяне и бобыли помещичьи и монастырские.

В Затрудском стане имелись не все из перечисленных групп. Самой многочисленной была категория служилых людей по отчеству или детей боярских. Они испомещались правительством на свободных землях и проживали в селах, сельцах, деревнях и починках. От слов «испомещались» или «помещались» эти служилые люди назывались также помещиками. Последнее название постепенно вытеснило два первых.

Всего в Затрудском стане в 1615-1616-ом годах проживало 166 помещиков, 9 вдов и 52 недоросля (несовершеннолетних сыновей помещиков). В основном, дети боярские жили там же, где находились их поместья и имели обычно по одному двору. Лишь у 14 помещиков Затрудского стана было по два двора.

Далеко не у всех помещиков имелись крестьянские или бобыльские дворы. Только в 40 поместьях было 76 дворов крестьянских и 12 - бобыльских (всего - 88). В среднем, на одно помещичье поместье приходилось чуть более двух крестьянских или бобыльских дворов.

Получается, что большинство помещиков, не имея крестьян, должны были сами пахать и сеять или - их земли не обрабатывались вообще. Жившие в Затрудском стане дети боярские представляли собой служилую мелкоту и похожи были скорее на вооружённых крестьян, нежели на дворян. Они сочетали крестьянский труд с участием в боевых действиях, и именно эти люди позволили закрепить за Россией плодородные земли Дикого Поля, а их имена, как первопоселенцев, навечно сохранились в названиях сёл и деревень нашего края.

Из восьми деревень, первыми возникших в начале XVII века, все восемь получили имена первых помещиков. *Башкатовы, Драчевы, Морозовы, Муратовы, Харчиковы* и по сей день – одни из самых распространённых фамилий в Покровском районе. *Погоневых, Сетневых, Шворевых*, кажется, с течением времени не осталось, но, возможно, они благополучно живут в соседних районах.

Священнослужителей в 1615-ом году в нашем крае имелось только два человека: поп Семен и пономарь Иван, служившие в церкви Архангела Михаила в сельце *Архангельском (Дросково)*. Маленькая деревянная церковь в этом сельце была выстроена на средства самого попа Семена, который приобрёл для служб также образа, свечи и церковные книги. Жили поп и пономарь в домике рядом с церковью. Кроме них, в населённом пункте проживали шесть помещиков, а у одного из помещиков имелось здесь поместье, но он тут не жил (на всех помещиков за службу было выделено 1185 четей земли в трёх полях и 810 копен сена).

Вот имена этих помещиков, названные в Дозорной Писцовой книге по г.Ливнам и Ливенскому уезду: Иван Иванов сын *Мальцов*, Максим Юрьев сын *Легостаев*, Логин Яковлев сын *Легостаев*, Богдан Савельев сын

Росляков, Василий Богданов сын **Кудинов**, Фёдор Осипов сын **Легостаев**. К помещикам можно было отнести и проживавшую в сельце вдову Варвару Григорьеву жену Гревцеву и её сына Ивашку.

Крестьян и бобылей в сельце Архангельском не имелось.

В деревне **Драчёвой** - под Большим Дросковым лесом, на Лесном Дроскове колодезе проживали:

Помещики - Иван Ондрисов сын **Драчёв**; Василий Васильев сын **Михайлов**; Тимошка Степанов сын **Михайлов**; Богдан Архипов сын **Бежин**; Мартюшка Архипов сын **Бежин**; Борис Гаврилов сын **Солодилов**; Максимка Павлов сын **Лубеников**; Захар и Макар Микитины дети **Шалимовы**;

крестьянин Сенька Мануилов;

бобыли Ивашка Васильев и Пронька Григорьев.

Всего в **Драчёвой**, таким образом, проживали - девять семей помещиков, одна крестьянская и две семьи бобылей.

В деревне **Харечковой** (именно так – Харечковой - А.П.), на Лесном Дроскове колодезе, под Большим Дросковым лесом жили:

помещики - Фрол Дмитриев сын **Харечков**; Ерёмка и Петрушка Семёновы дети **Шалимовы**; Тимофей и Прокофий Ивановы дети **Борзенковы**; Андрей Кондратов сын **Харечков**; Семен Иванов сын **Харечков**.

Крестьян и бобылей в Харечковой не имелось вообще.

В деревне **Башкатовой**, под Большим Дросковым лесом, на Лесном Дроскове колодезе проживали:

помещик Терех Игнатов сын **Башкатов**; Наталья Терехова жена **Башкатова**; её сын Микифарка и дочь Овдотьица; помещик Иван Степанов сын **Извеков**; крестьяне Петрушка Степанов и Захарка Чмутов.

В деревне **Муратовой**, под Меньшим Дросковым лесом, жили семеро помещиков:

Дементий Большой Лаврентьев сын **Логовчин**, Дементий Меньший Лаврентьев сын **Логовчин**, Микифор Алексеев сын **Муратов**, Омелян Иванов сын **Муратов**, Третьяк Фёдоров сын **Черников**. Помещицья вдова Степанида Фёдорова жена **Муратова** и сын её Радко.

В деревне **Сетеновой**, на Полевом Дроскове колодезе, под Меньшим Дросковым лесом проживали:

помещики - Богдан Антонов сын **Хребтов**, Клемен Федоров сын **Левонов**, Кари и Евтюшко Федоровы дети **Левоновы**, Богдашка Романов сын **Теряев**, Михалка Герасимов сын **Меркулов**, Микифор Микитин сын **Булавин**, Купря Изотов сын **Харитонов**, Перфирко Федоров сын **Харитонов**, Радко Иванов сын **Харитонов**, Фирс Григорьев сын **Васютин**, Тимошка и Петрушка Алексеевы дети **Енины**, Михалко Панкратов сын **Калинин**, Матвей Евтехов сын **Суханов** (15 помещицких семей);

крестьяне - Фомка Сидоров, Омелянко Федоров, Богдашка Федоров, Тимошка Клименов, Филимонка Аннанин, Сенька Пантелеев, Куприк Тонков (семь семей).

Перечислив достаточно подробно состав населения отдельных населенных пунктов, подведем итоги, характеризующие население нашего края в начале XVII века. Итак, в 16-и селениях (одном сельце, одиннадцати деревнях и четырёх починках) проживали один поп, один пономарь, сто помещичьих семей (включая помещичьих вдов), двадцать две крестьянских и семь семей бобылей. Как ни странно, помещиков, т.е. владельцев земельных участков, выделенных за государеву службу, было в три с лишним раза больше, чем крестьян и бобылей. В те годы помещики сами чаще всего сами обрабатывали землю, а с течением времени такие владельцы - однодворцы превратились в государственных крестьян.

Самым большим из названных 16-и населённых пунктов являлась деревня *Сетенева*, в которой проживало 15 помещичьих и 7 крестьянских семей.

Многие из имён первопоселенцев нашего края благополучно дожили до современности. *Башкатовы, Борзёнковы, Васютины, Драчевы, Енины, Ефремовы, Извековы, Калинины, Кудиновы, Легостаевы, Леоновы (Левоновы), Лубянниковы (Лубениковы), Мальцевы (Мальцовы), Меркуловы, Михайловы, Муратовы, Морозовы, Павловы, Сухановы, Теряевы, Тучковы, Филатовы, Харитоновы, Харчиковы, Черниковы, Шалимовы* и по сей день населяют сёла и деревни дросковской зоны Покровского района, порой и не догадываясь о том, какие древние корни у их фамилий.

Время шло, и постепенно – за первыми 16-ю населёнными пунктами нашего края - появлялись и другие. Число их неуклонно росло и к середине XIX века превысило полторы сотни.

О дворянах Извековых и деревне Извековой

В 2002 году Санкт-Петербургское издательство «Наука» выпустило книгу «500 лет на службе России». Авторы её - И.Извеков, А.Извеков и С.Баранов. Это очень интересное и, пожалуй, уникальное издание. Используя огромное количество архивных источников, отец с сыном (при некоторой помощи профессионального историка) восстановили 500-летнюю историю своего рода, связав её с российской историей.

Одна из глав книги называется «Орловская ветвь», и из неё, а впрочем, из других глав тоже, мы, покровчане, можем узнать ещё об одних первопоселенцах нашего края.

Извековы - древний дворянский вяземский род XV века. В XVI веке Извековы служили при дворе Ивана Грозного. В XVII-XVIII веках они - провинциальные дворяне в различных уездах России (Вяземском, Ливенском и других). Извековы упоминаются в рукописном «Синодик» из Московской синодальной библиотеки между 1671 и 1696 годами среди «родов великих людей», так или иначе отличившихся на службе Отечеству. Герб Извековых внесён в третью часть «Общего Гербовника Российской империи».

Именно в Орловском крае, его уездах и волостях с конца XVI - начала XVII веков обосновались многие из членов семей упомянутых нами Извековых. По данным Ливенских писцовых книг, в 1678 году в Затруцком стане Ливенского уезда поселились два сына помещика Семёна Извекова, а в деревне Башкатовой, при селе Архангельском (нынешнее село Дросково-А.П.) из 11-и проживавших там однодворцев пятеро были Извековы.

Деревню же Извекову, по данным авторов книги «500 лет на службе России», основал в начале XVII века Фаддей Никитич Извеков (от деревни Извековой до деревни Башкатовой - около трёх километров, чуть больше - до села Дросково, так что, вполне возможно, Извековы поселились здесь тогда же, когда и в Башкатовой). В XVIII веке в Извековой имел усадьбу Алексей Никитич Извеков (внук Фаддея Никитича). Отставной прапорщик, он служил в Лейб-гвардии конном полку капралом и из-за болезни отправлен был, с награждением чином прапорщика, в свой дом, в Ливенский уезд, в село Губкино.

Алексей Никитич женился, и в течение семейной жизни они с женой значительно пополнили свои владения. Но одно из них по-прежнему носило родовое имя - Извекова (*ныне это населённый пункт Дросковского сельского поселения - А.П.*).

В середине XIX века во владельческой деревне Извековой в 17 дворах проживало 145 человек, в 1926 году, перед самой коллективизацией - здесь уже был 41 двор с 226-ю жителями. Из-за нехватки земли рядом с деревней три большие семьи переселились на новое место, образовав Извековские выселки (к сожалению, давно уже исчезнувшие).

По последним статистическим данным (на 1 октября 2010 года), в старейшей русской деревне Извеково, основанной вяземскими служилыми людьми, насчитывается 11 дворов с 21 жителем, реально же здесь дворов и жителей ещё меньше. Однако до сих пор в четырёх извековских дворах живут местные жители по фамилии Извековы. Не вывелся пока род, не перевёлся за 300 с лишним лет. Извековы защищали Родину в лихие военные годы и отдавали за неё свои жизни, как, например, младший лейтенант Емельян Извеков, погибший 23 февраля 1943 года, и рядовые Иван, Николай, Савелий и Федосей Извековы, павшие смертью храбрых в период с 1941 по 1944 годы.

Трудились после войны Извековы, восстанавливая разрушенное хозяйство, а потом строили, как и все мы, социалистическое общество.

Сейчас, живя в новой России, волнуются Извековы за её будущее, но Родине своей они всегда будут служить, работать на её благо и защищать в случае опасности.

О селе Дросково, о Дросковской церкви и её служителях

Сто лет тому назад на территории, где просторно раскинулся сейчас Покровский район, проживало в многочисленных населённых пунктах более 50 тысяч человек. Одних только сёл насчитывалось в нашем крае 22, соответственно – и 22 храма давали возможность православному люду обращаться к Богу в минуты скорби и радости.

Одной из самых известных и посещаемых долгие годы была церковь в волостном селе Дросково. Вот об этом храме с почти 400-летней историей, о судьбах его служителей и будет наш рассказ.

Само название села – «Дросково» - уникально: на карте Российской Федерации второго такого нет. В XVI - XVII веках шумели здесь обширнейшие Дросковы (Большой и Малый) леса, через которые протекали Дросковы же (Лесной и Полевой) ручьи. А вот почему леса и ручьи назывались так – есть несколько версий, ни одна из которых не является сколько-нибудь убедительной.

Благодаря сохранившимся до настоящего времени Ливенским писцовым книгам, мы знаем, что к 1615 году Дросково уже существовало, но называлось оно тогда *сельцо Архангельское*, по имени церкви Архангела Михаила, в том же году и появившейся.

Вот что сообщает нам *«Приправочная книга 1615 года по г. Ливнам и Ливенскому уезду»*:

«Сельцо Архангельское, что прежде было займище,- под Дросковым лесом, на Брусовом верху, а в сельце церковь Архангела Михаила, деревяна клетцки, стоит на государевой земле; строение той церкви и в церкви образы и свечи и книги и всякое церковное строение попа Семёна, да на погосте двор попов Семёнов, да двор пономарёв Иванов»...

Из этой книги мы узнали имя строителя первой (деревянной), очень скромной, церкви села Дросково, но нам, к сожалению, неизвестна его фамилия (если она у него была).

Спустя 10 лет писцовые книги 1626-1629 г.г. по Ливнам и Ливенскому уезду зафиксировали, что поп Семён по-прежнему вёл службы в Архангельской церкви, а помогали ему дьячок Митрошка Васильев и пономарь Тимошка Артемьев.

Наверняка именно такие попы, как Семён, не только прочно сидели на своих погостах, проповедуя слово Божие, но и, трудясь на земле, превращали *«дикое поле»* вокруг в *«добрые пашни»*. В этом им большую помощь оказывали служилые люди – первые здешние помещики.

Через 50 лет, в 1678 году, в сельце Архангельском проживало уже 11 однодворцев, а в местной церкви служил поп Василий (фамилия его тоже для нас осталась неизвестной).

Деревянная Архангельская церковь села Дросково благополучно просуществовала ещё 100 лет, прежде чем не произошли знаменательные для неё события.

Вот какую информацию почерпнул я из газеты «Орловские епархиальные известия» за 1 декабря 1870 года, в которой были опубликованы «Извлечения из дел Орловской Духовной Консистории»:

«В селе Дросково, Затруцкого стана, с благословения Преосвященного Амвросия Крутицкого, в 1762 году, на место ветхой деревянной церкви во имя Святого Архангела Михаила начато строение новой каменной церкви во имя Рождества Христова с двумя приделами – во имя Архангела Михаила и Великомученика Георгия. В это время при церкви считалось 450 приходских дворов. Церковной земли, коей пользовался причт, было более 500 четвертей; из ней, во время проведения большой дороги от Ливен к Орлу, отошло под дорогу, на расстоянии 7 вёрст, около 30 десятин. Строение новой каменной церкви продолжалось с 1764 по 1786 год. В пособие приходским людям священно-церковно-служители села Дросково ежегодно должны были вносить на постройку церкви по 300 рублей».

С этого времени церковь, поменяв имя, стала Христорожественской и просуществовала ещё 150 лет.

В Государственном архиве Орловской области сохранилось, к сожалению, очень небольшое количество метрических книг этой церкви. Если уж быть точных, то их осталось всего шесть – за 1846, 1847, 1850, 1852, 1858 и 1883 годы (причём, последняя – без начальных страниц).

Но, даже имея такой скромный запас первоисточников, я смог достаточно много узнать о Христорожественской церкви за эти годы. Начну с того, что приход храма был весьма обширен. Кроме самого села Дросково, в него входили сельцо Беженово (Никольское тож), сельцо Муратово и окрестные деревни – Беречка, Березовец, Башкатова, Вепринец (до постройки в нём церкви в 80-ые годы), Верховье Лесков, Гревцова (Гревцева), Громовой Колодезь (чуть позже – просто деревня Громова), Драчёва, Извекова, Лазаревка, Муратова (да, кроме сельца Муратово была ещё и деревня с таким же именем), Новосильская, Погонева, Сетенёва, Соломатовка, Харичкова, Устье Лесков, - всего 20 населённых пунктов.

Большинство прихожан были однодворцами (позже – государственными крестьянами), незначительное число составляли крепостные крестьяне, мещане, купцы и помещики.

Сколько в приходе имелось приходских дворов, мне подсчитать не удалось, но ясно одно, что по сравнению с 70-ыми годами XVIII века это число выросло более чем вдвое. И потому в Христорожественской церкви службу вели даже не два, а три полных причта, а главный из священников носил чин протоиерея и был настоятелем Дросковского храма. В 1846-1847 г.г. эту должность занимал Фёдор Михайлович Полидоров, а с 1850 и по 1883 год (без замены!) протоиереем и настоятелем Христорожественской церкви был Григорий Гаврилович Скуридин. Отец Григорий последние годы являлся, ко всему прочему, и благочинным Малоархангельского уезда (т.е. главным из священников в этой части Орловской епархии – А.П.). Он, кстати, за многолетнюю священническую деятельность в апреле 1870 года был

«пожалован орденом Св. Анны 2-ой степени». Кроме того, он был отцом довольно многочисленного семейства (два сына, пять дочерей) и дворянином, занесённым в «Дворянскую родословную книгу Орловской губернии» (оба его сына, Михаил и Пётр, также удостоились дворянства – А.П.).

В 1846 году, кроме протоиерея Фёдора Полидорова, священниками в селе Дросково были Василий Лавров и Николай Архангельский. О Николае Ивановиче Архангельском мне удалось найти интересные сведения в протоколах Орловского Дворянского депутатского собрания (ф.68, д.63).

Николай Архангельский родился в 1790 году, окончив Пензенскую семинарию, служил там же, при ней, а с 28 декабря 1818 года стал армейским священником: до 18 октября 1820 года проходил службу в Курском пехотном полку, потом – в 19-ом Егерском и Московском драгунском.

Был уволен по болезни из Московского драгунского полка приказом командира полка полковника Левенца 23 марта 1834 года. Со второй половины 1834 года и до 1846 года включительно отец Николай служил в Христорождественской церкви села Дросково.

Когда в 1834 году Н.И.Архангельский обратился в Депутатское собрание с заявлением о причислении к дворянству его детей - Перегрин, Николая и Евангела, то представил свою армейскую характеристику: *«Был в походах и сражениях, где, отличая себя неустрашимостью и находясь с крестом впереди всех, ободрял воинских чинов, за что и награждён орденом Святой Анны 3-ей степени с бантом и, сверх того, имеет серебряную медаль, за Турецкую войну 1828 и 1829 годов установленную».*

Дворянское Депутатское собрание, рассмотрев заявление отца Николая, причислило ко дворянству его детей и отметило подвижническую деятельность Архангельского на священническом посту. О его судьбе после 1846 года мне не известно, но в 80-ые годы XIX века священником и помощником настоятеля в Дросковской церкви был ещё один Архангельский – Михаил (не знаю, правда, сын ли он Николая Ивановича или просто однофамилец).

В течение двух лет (1846-1847) в Дросковской церкви дьяконовскую должность «исправлял» (то есть исполнял обязанности) «запрещённый» священник Павел Иванович Копьёв. Не знаю уж, чем он провинился и почему был отстранён от выполнения обязанностей священника, но такое было.

Стоит назвать фамилии и других служителей Христорождественского храма села Дросково во второй половине XIX века: Николай Бутягин, Николай Остроумов (священники), Михаил Руднев, Димитрий Рябинцев, Филипп Богоявленский, Павел Руденский, Александр Дагаев, Федор Леонов, Матвей Сребницкий, Василий Азбукин, Иван Коссов, Яков Тезавровский, Алексей Богданов (дьяконы, пономари, дьячки).

В конце каждой метрической книги церкви села Дросково приводилась сводная таблица по рождениям, смертям и бракам. В последнем из вышеперечисленных, 1883 году, в приходе Христорождественского храма

родилось 406 человек (201 мальчик и 205 девочек), умерло 323, а браков было заключено 57.

Кстати, когда 8 января 1852 года у священника села Дросково Василия Семёновича Лаврова и его законной супруги Елисаветы Яковлевны родился сын Филипп, то восприемниками (крёстными отцом и матерью) стали дьякон села Дросково Димитрий Стефанович Рябинцев и дочь протоиерея Григория Гавриловича Скуридина, девица Мария.

Важную роль в жизни любого храма играл и церковный староста. Эта должность была выборной, но очень почётной и ответственной. Церковным старостой Христорожественского храма села Дросково в 1902 году был местный помещик, владелец имения при деревне Башкатовой, дворянин Николай Шушлябин.

Сколько всего крещений, венчаний и отпеваний познала Дросковская церковь за 300 лет своего существования, - трудно, конечно, подсчитать. Но, если просто прикинуть, в среднем, по 300 родившихся за год, то одних крещений было за эти годы не менее 40 тысяч. Да, в это трудно поверить сейчас, но это было!

Закрыли Христорожественскую церковь в начале 30-ых годов XX века. Учитель В.С.Харчиков вспоминал, что он тогда, вместе с другими мальчишками из деревни Харчиковой, прибежал посмотреть на то, как какие-то безбожные мужики, забравшись на купол храма, зубилами срубали кресты.

В войну немцы разместили на церкви наблюдательный пункт, с которого далеко были видны окрестности. Наши лётчики регулярно, но без особого успеха, пытались его уничтожить. После освобождения села, когда начался ремонт дороги от Дросково до Сетенёво и не хватало строительных материалов, районное начальство не нашло ничего лучшего, как отдать распоряжение о взрыве церкви. Так на 60 долгих лет лишили дросковчан возможности посещать любимый храм.

В начале XXI века, усилиями оптинского старца Илия, при поддержке прихожан началось строительство нового Дросковского храма, - на том же, родовом его месте. И вот уже пять лет, как Михаило-Архангельская церковь *(так получилось, что имя храму вернули то самое, первое – А.П.)* снова открыта для молитв, крещений, венчаний и отпеваний, для общения с Богом.

А в 2013 году и само село Дросково, и его возрождённый храм отметят большой юбилей – 400 лет со дня основания. Это большая дата, дорогие земляки, и к ней надо готовиться основательно.

Дросковская история

(как князь Репнин по пьяному делу чиновника уволить не смог)

Генерал-губернатор смоленский и орловский Николай Репнин в полдень 24 августа 1780 года получил бумагу, прочитав которую, пришел в совершенное негодование.

Орловское наместническое правление сообщало сиятельному князю, что Малоархангельской округи земский исправник Волчков не заслуживает наказания за совершенный им проступок. Между тем генерал-губернатор в своем послании правлению настаивал на предании Волчкова суду за «преступное бездействие». Чем же «дряхлый старик» (земскому исправнику было уже за 70) не угодил Репнину?

История, длившаяся до этого разбора уже год, началась в селе Дросково Малоархангельской округи. Село стояло на почтовом тракте из Малоархангельска в Ливны, имело торговую лавку и почтовую станцию. Была в Дросково и единственная на несколько ближайших населенных пунктов питейная контора. С утра до вечера в питейном заведении толпился народ. Шестеро дюжих целовальников по знаку поверенного без усталости вытаскивали на свежий воздух бесчувственные тела.

Протрезвевшие на холодке через час-другой посетители (у которых оставались еще какие-то деньги) снова заходили в питейную контору. Других, еще «теплых», бездвижных, принимали стоявшие у дверей жены (им вход в заведение был запрещен). Некоторые из баб, обыскав карманы своих кормильцев, тут же, не стесняясь, таскали их за бороды. Третьи, проспав до утра, на негнущихся ногах плелись с большими головами, без гроша в кармане, по направлению к дому. Так и текла размеренная жизнь этого злачного заведения, пока вдруг у одного из посетителей питейной конторы, мужика не сильно пьющего (он позволял себе чарку-другую лишь по воскресным дням да престольным праздникам), не завелся червь сомнения, который точил его каждое посещение конторы.

Звали этого мужика Родион Енин. Односельчане уважали его за грамотность, честность, и был он выборным села Дросково (депутатом, как сказали бы сейчас). Показалось Енину, что поверенный дросковской питейной конторы Иван Корякин жульничает с вином. Шкалики и чарки, которые целовальники продавали во второй половине дня, были открытыми. Правда, Енин заметил, что такого рода посуда почти всегда выдавалась уже сильно выпившим посетителям. Родион пару раз попробовал вино из таких шкаликов и чарок и понял, что оно разбавлено водой. Но те, кто пил его, это не замечали – степень опьянения у них уже была соответствующая.

Подошел Родион как-то к поверенному Корякину и попробовал его усомнить: «Что же ты, Ванька, али совести совсем нет – мошну свою набиваешь так-то?» Взбеленился Корякин и послал Енина очень далеко. Но Родион – мужик казенный, не крепостной, горлом его не возьмешь. Отправился он к коронному поверенному Заикину (тот Корякина на работу

принимал). Рассказал Енин все, сомнения свои высказал, а Заикин ему: «А тебе прибыль с этого какая? Правду ищешь? Не найдешь ты ее тут». Понял Родион, что коронный поверенный с Корякиным заодно (да слухи ходили, что часть «пьяных» денег Заикин получает от Корякина еженедельно). Написал тогда Енин (как выборный села Дросково) прошение Малоархангельской округи земскому исправнику Волчкову, в котором просил приехать и разобраться в делах питейного заведения.

Прошел месяц, второй, третий – не приехал Волчков в Дросково и ответа на прошение не дал. Уговорил Енин нескольких дросковских мужиков, кто потрезвее, помочь ему поймать Корякина за руку, когда тот вино разбавленное в шкаликах и чарках продаст. После двух скандалов затаился Корякин на неделю, вино целовальники запечатанным стали подавать – мужики пьянее обычного от него были и денег меньше тратили.

А 19 августа 1779 года, в воскресный день, зашел Енин вместе со своими помощниками-однодворцами в питейную контору. Взяли по шкалику, но выпить не успели. Подскочили к ним мордovorоты-целовальники, сначала Родиона Енина, а потом однoдворцев дубинами по головам угостили и веревками пеньковыми руки повязали. А вот что потом случилось, описали в донесении генерал-губернатору князю Репнину его подчиненные: «Целовальников было шестеро. Из них четверо держали наказываемого, а двое секли в два кнута. Тиранство это успел остановить приехавший в контору один из тех же служащих у коронного поверенного в то время, когда иссеченного уже Енина переверотили было вверх животом для дальнейшего наказания. Страшно было смотреть на наказанных, не надеялись, что они останутся живы. Но только выборный (Р. Енин) от того бою в пятый день и умер»...

Малоархангельский земский исправник Волчков, когда ему сообщили о сем деле, долго не мог решить, что делать и как. И когда он наконец прибыл в Дросково, Корякин от суда скрылся. Целовальников арестовали и отправили в Малоархангельск. Местные стражники с ними особо не церемонились, и пока шло производство дела, трое из шести целовальников умерли в тюрьме. Оставшихся в живых уголовная палата приговорила к 50 ударам плетью каждого и взысканию с них в пользу оставшихся в живых однoдворцев по два рубля. Во время жестокого наказания умер еще один целовальник.

Когда исправник Волчков стал выяснять, кто такой Корякин и как ему доверили питейную контору, обнаружилось, что коронный поверенный принял его на работу без паспорта и за взятку. По законам тогдашним судить коронного поверенного мог только сенат, и поэтому уголовная палата отправила дело в Санкт-Петербург. Князь Репнин лично проследил, чтобы штраф не был маленьким: 25 рублей для того времени составляли солидную сумму. Но самый главный преступник – бывший поверенный питейной конторы Корякин так и не был найден.

Когда смоленский и орловский генерал-губернатор познакомился с подробностями, то решил, что только из-за земского исправника Волчкова злоумышленник сумел скрыться – время-то было упущено. Князь Репнин обратился с посланием к Орловскому наместническому правлению о примерном наказании того, кто проявил «преступное бездействие». Но ответ из Орла лишь вывел его из себя.

Репнин, конечно, догадался, в чем дело. «Дряхлый старец» Волчков многие годы подкармливал начальников в Орле, и они не оставили в беде исправника. Генерал-губернатор не мог отменить решение наместнического правления, однако и проглотить «ежа» он не желал. Потому, скрипя зубами, князь отправил в Орел второе послание: «Понеже он (Волчков) по старости лет и дряхлости не может отправлять должность исправника, то чтоб в оной впредь еще какого упущения не последовало, наместническое правление имеет приказать выбрать на его место другого предписанным в законе порядком».

15 июня 1781 года Николай Васильевич Репнин был назначен генерал-губернатором смоленским и псковским, а управление орловским и курским генерал-губернаторством было поручено князю А. Прозоровскому. Когда Александр Александрович летом 1782 года знакомился с городами губернии, то выяснил, что наибольшие «непорядки и неустройства» среди земских начальников у малоархангельского Волчкова. Узнав, что Волчкову уже исполнилось 72 года, Прозоровский приказал уволить его со службы.

Князь был очень суровым человеком, не терпевшим неподчинения. Но проследить за карьерой Волчкова не успел – сам ушел со службы в конце декабря 1783 года. Между тем только губернатору-иностранцу Францу Кличке удалось в 1785 году «уволить от всех дел за болезнями с произведением ему по смерти полного его нынешнего жалованья» исправника Волчкова.

Ну а душегуб Корякин – что ж, вполне возможно, он преспокойно занимался в это время своим любимым питейным бизнесом в одной из соседних губерний.

Как однодворцы села Енино сто лет с соседями-помещиками за землю и рошу спорили

3 июля 1780 года служитель Никита Минаев, доверенный человек помещика, премьер-майора Василия Ивановича Ракитина, владельца имения в деревне Васильевка, что находилось неподалёку от села Никольского, обратился (от лица своего хозяина) в Малоархангельский нижний земской суд. В заявлении он прописал, что *«июня 2 дня Малоархангельской округи села Енина однодворцы Григорий и Емельян, Ивановы дети, Енины, Григорий Павлов с братом с товарищи запахали господина его землю под самые дворы деревни и незаконно рубят рошу»*.

Далее Никита Минаев поведал, что *«села Енина отставной солдат Филипп Ушаков, Емельян с братом, а прочих как звать, не знает, со многолюдством, с рогатинами и цепами боевыми отнимают сохи и косы (у помещичьих крестьян-А.П.) и назад отдавать просят по двадцати копен (видимо, скошенного хлеба – А.П.) со всякой косы могоарыча»*.

Так началась эта история, втянувшая с течением времени в свою орбиту несколько поколений однодворцев и помещиков, десятки чиновников и несколько судебных инстанций, вплоть до царствующих особ.

Спустя десять лет, когда Василия Ивановича Ракитина уже не было в живых, а имение его досталось по закладной помещице Екатерине Ивановне Павловой, уже от неё в тот же суд служитель Никита Минаев подал новое объявление, что *«однодворцы села Енина, деревни Васютиной (какая по мирскому названию – Казинка) Кирило Харечков, Марка Енин со товарищи числом до тридцати запахали шесть десятин помещичьей земли и вырубил помещичью рощу – в даче Енинской (от верха Фошнянского до верха Каторжного)*.

Для изучения ситуации и выяснения, чьи же на самом деле спорные земля и роща, в Васильевке и окрестных населённых пунктах в октябре 1792 года побывал малоархангельский капитан-исправник П.Б.Логвинов. Несколько дней потратил Пётр Борисович на опросы независимых свидетелей из села Никольского, деревень Морозовой, Ступиной и Ефремовой. Показания 31 человека заняли 13 страниц большого формата. Все опрошенные под присягой показали, что *«оной лес и земля изстари состояли во владении села Енина всех жителей»*.

В ответ на помещичьи притязания однодворцы сами подали в Малоархангельский нижний земской суд заявление о завладении Катериной Павловой их землёй и рощей. Малоархангельский уездный суд согласился с тем, что претензии помещицы к однодворцам села Енина безосновательны.

Получив приятную новость, однодворцы весной 1793 года шесть спорных десятин земли снова засеяли яровым хлебом – овсом и гречей. Однако помещица не признала решение уездного суда, теперь уже её люди начали вырубать деревья в роще раздора, а сама Екатерина Павлова 30 марта 1794 года обратилась напрямую к тётке - императрице Екатерине II.

По указу царскому тяжбу начали разбирать заново - сначала в Малоархангельском уездном суде, потом в Орловской нижней расправе. Были изучены первоначальные документы: протоколы опросов, сделанные капитан-исправником Логвиновым, и заявление села Енина однодворческого поверенного Марка, Максимова сына, Енина (защитника интересов однодворцев этого села, их адвоката, как бы мы сказали сейчас).

Капитан-исправник Логвинов, до принятия окончательного решения в суде, рекомендовал спорящим сторонам воздержаться от ссор, драк и каких-либо действий. Но...

К 1797 году умерла Екатерина Великая, скончалась и Екатерина Ивановна Павлова. Её имение унаследовала дочь, Дарья Ракитина. Все дела

по управлению хозяйством она поручила вести своему родственнику, Юрию Клушину, который 19 мая 1797 года обратился с прошением уже к императору Павлу I – вернуть ему отобранные у него однодворцами села Енина рощу и 6 десятин земли.

Каков был ответ императора, нам неизвестно, но поскольку в феврале 1804 года это дело рассматривалось Орловской Палатой гражданского суда, ясно, что помещик Клушин был неудовлетворён предыдущими решениями.

В октябре 1808 года в спор между однодворцами села Енина и их соседом-помещиком был вынужден вмешаться Правительствующий Сенат. Он отправил в Орловскую Палату гражданского суда специальный документ – *«Понуждение по делу кадета Юрия Клушина о спорной Малоархангельской округи села Енина с однодворцами земле и лесе»*.

Орловская Палата гражданского суда приказала уже Малоархангельскому уездному суду *«выписанное сей Палате предписание выполнить в самом скорейшем времени и рапортовать в Палату без замедления»*...

Но каким было окончательное решение, из данного послания совершенно неясно. Ясно то, что спор *«о земле и лесе»* между однодворцами села Енина и помещиками так и не был окончательно решён, поскольку ещё через 70 лет (!), в октябре 1878 года, дело это вновь рассматривалось Орловской Палатой гражданского суда. С момента начала судебной тяжбы к этому времени прошло 98 лет.

Р.С. Васильевка, имение Василия Ивановича Ракитина, того самого помещика, с которого начался многолетний земельный спор, называется сейчас деревня Ракитина. Расположена она на шоссе Дросково-Колпна, примерно в 10 километрах от села Дросково. Осталось от некогда многолюдной когда-то деревни меньше десятка домов и почти столько же жителей.

А имя Юрия Клушина довольно долго сохранялось во втором названии деревни Ениной – Клушина. Эта деревня, как и Ракитина, через короткое время канет в Лету. Впрочем, наверняка, останутся в истории имена – те самые, упомянутые в нашем коротком рассказе «О том, как однодворцы села Енино с соседями-помещиками за землю и рощу спорили».

(Эта история написана на основании материалов из Фонда 28 Госархива Орловской области, оп.1, ед.хр.224)

Два Енино

(рассказ о двух населённых пунктах с одним названием)

Если ехать от Дросково в сторону Колпны, то километра через три на правой стороне шоссе можно увидеть два домика, прижавшихся почти к самой обочине. А чуть дальше, на значительном расстоянии друг от друга находятся ещё несколько строений небольшой деревеньки. Это Енино Второе (так официально называется сейчас населённый пункт),

расположившееся перпендикулярно шоссе Дросково-Колпна на берегу довольно глубокого оврага, по дну которого течёт небольшой ручей. Ещё лет тридцать назад крайние дома Второго Енино доходили до ручья Дроскова, но ныне последний дом деревни находится от ручья уже метрах в 400-ах. Всего же здесь (на 01.01.2011 года) - четыре дома с тринадцатью жителями.

Медленно, но неотвратимо вымирает деревенька, в которой когда-то, в её лучшие годы, проживало более 200 человек. В XVIII-XIX веках, в отличие от соседних казённых (государственных) населённых пунктов, Енина Вторая (так писалось тогда название деревни, и это правильно – А.П.) считалась частновладельческой деревней. Именно поэтому у неё было ещё два названия – Ступина и Клушина – по фамилиям местных помещиков.

Я уже написал, что крайние дома Ениной Второй выходили когда-то к ручью Дроскову, именно поэтому списки середины XIX века, говоря о месторасположении деревни (тогда – сельца Енино), называли его так: на берегу ручья Лесного Дроскова (если уж быть точным до конца, - на левом берегу по ходу течения).

А на правой стороне этого ручья, напротив деревни Ениной Второй, уютно расположились дома села Енино (Енино Первое). Село всегда было казённым, а по числу дворов в два раза превосходило деревню Енину (там – 200 жителей, по переписи 1932 года). В селе Енино в 1932 году проживало 500 человек.

Если бы мы с высоты птичьего полёта посмотрели на те населённые пункты, о которых идёт речь в нашем рассказе, то увидели бы, что, исходя от одной общей вершины, дома села и деревни расположились перпендикулярно друг другу. Село Енино – вдоль ручья Лесного Дроскова, на его правом берегу, а деревня Енина – под углом в 90 градусов к этому же ручью, вершиной катета доходя до дороги на Дросково и Колпну.

И где-то в середине гипотенузы, протянувшейся между Ениным Вторым и Ениным Первым, построили местные жители ещё в XVIII веке церковь, вначале – деревянную, а потом – каменную. Находился Михаило-Архангельский храм на возвышенном, левом берегу ручья Дроскова. В XIX веке церковь поменяла название и стала Владимирской. Под этим именем дожила она до 30-ых годов XX века, когда была закрыта для верующих, а чуть позже и разрушена.

Битый кирпич Владимирской церкви лежит сейчас в основании пруда в центре села Дросково (об этом рассказали мне старожилы села Енино).

Итак, уважаемые читатели, мы, надеюсь, выяснили, что в Покровском районе, а именно, в Дросковском сельском поселении, существуют к настоящему времени два рядом расположенных населённых пункта с одинаковым названием Енино, но один из них – село, а другой – деревня. Конечно, сами живущие в них жители не путают, кто из них где живёт, а вот даже в ближних деревнях такая путаница возникает. Поэтому я не случайно остановился подробно на некоторых моментах.

А теперь пойдём, читатель, в историю чуть поглубже. В Ливенских писцовых книгах за 1628 год названа деревня Енина, под Большим Дросковым лесом, на Лесном Дроскове Колодезе, в Большой Поляне, на Хмелевой Кулиге. Тут же назван и погост – «на поместной поросшей земле в Долгой Поляне, под Большим Дросковым лесом, на Лесном Дросковом Колодезе, поверх деревень Ениной и Васютиной». Получается, что Енино (село) появилось около 1628 года. А там, где ныне расположена деревня Енина Вторая, был вначале погост (кладбище), а чуть позже рядом возникла и церковь.

В 1678 году в деревне Ениной проживали 10 помещиков-однодворцев (эта категория землевладельцев потом превратилась в государственных крестьян). В XVIII веке число дворов и жителей в Енино (и в селе, и в деревне) увеличилось, и по данным 1866 года, когда был опубликован «Список населённых мест Орловской губернии», в казённом селе Енино имелось 39 дворов с 381 жителем. Здесь же размещалась и станковая квартира (т.е. находился центр административной единицы – стана).

В том же году во владельческом сельце Енино (Ступино тож, нынешнем Енино Втором) в 17 дворах проживали 164 человека.

В 1880 году в Санкт-Петербурге был издан статистический сборник «Волости и важнейшие селения Европейской России», в котором в Дросковской волости Малоархангельского уезда значилось село Енино (с 60 дворами и 501 жителем, церковью и ярмаркой).

Через 10 лет существования Советской власти, в конце 1926 года, село Енино стало центром сельского совета. В нём в 112 дворах проживало 657 жителей, действовали школа I ступени, библиотека и изба-читальня. В деревне Енино Второе (Клушино) 35 дворов населяли 196 человек.

Когда началась массовая коллективизация, многие енинцы отнеслись к этому с большим недоверием, в результате чего некоторые из них подверглись репрессиям. Одних только местных жителей по фамилии «Енины» (самой распространённой, конечно же) было арестовано и осуждено на сроки от 8 до 10 лет восемь человек. Семьи их раскулачили и выселили в места отдалённые, откуда они уже не вернулись.

Когда в 1932 году в Дросковском, недавно образованном районе, проводили перепись населения, то выяснилось, что, по сравнению с 1926 годом, число жителей уменьшилось более чем на 100 человек. При тогдашней рождаемости и смертности это могло произойти по одной причине – в результате массового раскулачивания и выселения зажиточных (или приравненных к ним) крестьян в Сибирь, на Урал и другие, не слишком тёплые места.

Только такими методами удалось к середине 30-ых годов обеспечить создание колхозов «Путь Ленина» и «Большевик» в селе Енино и деревне Енино. Оба колхоза до войны, как и все соседние, не слишком процветали, но не бедствовали: сказывались добросовестность и дисциплинированность енинцев.

Когда началась Великая Отечественная война, сразу же ушли на фронт те, кто по возрасту (1905-1918 годы рождения) подлежал мобилизации. Сколько именно уроженцев Енино воевало, сказать сложно из-за неполноты документов, но никак не меньше 100 человек, потому что только с фамилией «Енин» их погибло и пропало без вести на фронтах Великой Отечественной 27 человек (данные «Книги Памяти», т.9).

3 августа 1943 года погиб, освобождая родную Орловщину, Пётр Иванович Енин. При освобождении Латвии отдал свою жизнь сержант 1192 стрелкового полка Николай Прохорович Енин. Всего 10 дней не дожидаясь Победы сержант Иван Иванович Енин из 41 стрелковой дивизии: он погиб в бою у города Шторхов Бранденбургской провинции 28 апреля 1945 года.

Пока на фронтах воевали отцы, их жёны и дети оказались в гитлеровской оккупации: в конце ноября 1941 года Енино, как и соседние сёла и деревни Дросковского района, захватили фашисты. Массовых зверств в селе и деревне Енино не было, но когда в конце декабря 1941 года неподалёку у деревень Дубинкиной и Внуковой стала проходить линия фронта, и наши разведчики порой проникали сюда, то немцы усилили репрессивные меры.

Зимой 1942 года в Енино Первое проник наш очередной разведчик. Он был в гражданской одежде, и местные его не выдали, но он, к несчастью, сам натолкнулся на немцев. Может быть, ему удалось бы выдать себя за местного, если бы не внешность: слишком походил на еврея. Немцы его расстреляли у ручья и тут же похоронили.

Иван Иосифович Харчиков, 1931 года рождения, которому тогда было 11-12 лет, сам однажды видел другого разведчика, приходившего в их дом на окраине Енино. По словам тёщи Ивана Иосифовича, Марии Гавриловны Ениной, к ней в дом приходили две девушки-разведчицы (скорее всего, это была армейская разведка 13 армии, потому что в конце 1941-начале 1942 года в ней действовало много девушек, в том числе и из местных).

Ваня Харчиков был мальчиком наблюдательным, он сумел сообщить разведчикам интересные данные о месторасположении немецких пушек в Енино. Эти тяжёлые орудия (их батарея стояла за домом Сергея Енина) сильно досаждали нашим и очень долго оставались неуязвимы, потому что действовали очень хитро.

В полукилометре от настоящей батареи немцы поставили другую – ложную, на которой стволы пушек изображались брёвнами. Когда настоящая немецкая батарея давала залп, тут же у лжебатареи зажигались толовые шашки, создавая видимость пороховых газов от пушечных залпов, и наша артиллерия начинала долбить именно эту фальшивую батарею. Только незадолго перед началом февральского (1943 год) наступления Красной Армии этот гитлеровский секрет был раскрыт.

По окраине Енино проходила вторая линия фашистской обороны зимой 1943 года, и семью Харчиковых из их дома, находившегося на краю села, выгнали. Они перешли в чужую хату в центре селения.

В феврале началось наступление наших войск. Части 73 стрелковой дивизии несколько дней ожесточённо прогрызали немецкую оборону у Погонево, Внуково, а потом – у Васютино, а за Енино гитлеровцам зацепиться не удалось. Опасаясь окружения и не успев поджечь дома, они спешно отступили.

Спешно-то спешно, но, как показали дальнейшие события, успев заминировать свои долговременные блиндажи. Уже в марте мать Вани Харчикова сказала сыну: «Давай посмотрим, что там с нашим домом и сараем». Подошли осторожно, осмотрели родовую усадьбу. Дом, единственный в этой стороне, сгорел от зажигательных пуль, а вот сарай остался цел.

Собрались было уходить, да заметили следы к немецкому блиндажу, на свежем снегу выделялись хорошо. «Вань, давай посмотрим, может, что для хозяйства сгодится», - предложила мать, но перед входом предупредила сына, чтобы ничего руками не трогал.

Зашли осторожно, посмотрели. Почти ничего уже здесь не было – голые двухъярусные нары да чугунная печь, вмёрзшая в земляной пол.

«Вот бы её нам, Ваня, дом-то наш сгорел, а в сарае как без печи жить будем», - сказала мать. Иван согласился, что это хорошо, но из мёрзлой земли печь можно выдолбить только ломом. Мать со вздохом сожаления согласилась: «Ну что ж, выходим». Ваня развернулся и сделал несколько шагов к выходу, успев стать на ступени (мать была сзади), когда раздался страшный взрыв, и брёвна блиндажа обрушились на мальчика. Он потерял сознание и очнулся уже тогда, когда его освободили прибежавшие на взрыв солдаты, собиравшие на поле боя немецкие трофеи.

Несколько дней Иван был в шоке, болели ноги и грудь от ударов брёвен, но – просто чудо – осколки мощной противотанковой мины пощадили его. А вот от матери не осталось ничего. Лишь весной бабушка Ивана нашла ступню своей дочери. Эту ступню и похоронили на местном кладбище. Так Иван Харчиков остался сиротой (отца и деда в 1937 году увезли НКВД-шники). Так ушедшая, вроде бы, на запад война страшно напомнила о себе.

В апреле 1943 года в селе Енино по домам (по 4-5 человек) расселились лётчики из авиаполка, базировавшегося на аэродроме рядом с селом Дросково. Жили они здесь до августа, пока наши не освободили Орёл. Местные жители были свидетелями, как один из лётчиков (вроде бы, по фамилии Курочкин) сумел посадить свой самолёт, будучи смертельно раненным. Его потом похоронили на енинском кладбище, рядом с ещё одним лётчиком, погибшим раньше.

Вот когда лётчики улетели – тогда закончилась для жителей Енино прифронтовая жизнь. Но война продолжалась, и полтора года ещё в деревню Енино Второе и село Енино Первое шли «похоронки».

Оставшиеся в живых фронтовики-енинцы в 45-ом, 46-ом пришли с фронта и впряглись в восстановление хозяйств – колхозов «Путь Ленина» и «Большевик». К середине 50-ых годов енинские колхозы объединились с

соседними в одно большое хозяйство: оно называлось вначале колхоз имени Кагановича, а затем (после развенчания Сталина и его помощников) – «Заветная мечта».

Большинство енинцев работало на благо построения социализма и коммунизма, не щадя себя и своего здоровья – те же Иван Иосифович Харчиков и Дмитрий Сергеевич Енин (40 лет трудился водителем и комбайнёром). Старались они для государства, для колхоза, часто, - в ущерб себе. Заработали колхозные пенсии и многочисленные болячки (у Дмитрия Сергеевича Енина его натруженные баранкой автомобиля и комбайна руки не могли потом сжиматься в кулак, и приходилось ему сильно напрягаться, чтобы скрюченными пальцами что-то делать).

Умерли в Енино последние участники Великой Отечественной войны, да и молодых почти не осталось.

Да и кого могла прельстить жизнь в селе Енино Первое, если сюда в плохую погоду добраться можно только на тракторе (а ещё лучше – на танке, как во время войны). А ведь по прямой до Дросково каких-то четыре километра.

Не дошли в своё время у наших властей до дорог их указующие руки, зато до крайности *дошли* жившие здесь люди. И стали разбегаться и разъезжаться, хотя бы туда, где есть хорошая дорога, магазин, школа, в общем, человеческая, нормальная жизнь.

Доживут ли село Енино Первое и деревня Енино Второе до своего 400-летия, не знаю, не уверен, но почти наверняка, года через два-три населённые пункты с многовековой историей сами уйдут в эту историю, как ушли уже в вечность и те два ветерана, с которыми я беседовал несколько лет назад – Иван Иосифович Харчиков и Дмитрий Сергеевич Енин.

О некоторых жителях села Дросково в 1857 году

В тексте, который ты, читатель, сейчас прочтёшь, авторских слов не будет. Это цитата из газеты «Орловские губернские ведомости» за 10 апреля 1857 года (№16):

«Продаётся усадебное место государственного крестьянина Михаила Егорова Хапилова – при селе Дросково и больших дорогах: почтовой из города Ливны в город Малоархангельск и транспортной – в Орёл, между владениями казённого крестьянина Бутусова и орловского купца Полякова.

Мера места: в ширину по дороге – 90, в длину – 106 аршин. Продаётся за 15 рублей серебром.

На этой усадьбе стоят оставшиеся после пожара стены из дикого камня в виде лавок, под которыми – выход. Их стоимость – 50 рублей серебром.

Усадьба и постройки продаются за неуплату Хапиловым долга умершему помещику Николаю Григорьеву Шушлябину в 285 рублей 71 ¼ копейки».

О Дросковском народном училище

В 1868 году по распоряжению российского правительства, для развития грамотности среди крестьянского населения, стали создаваться двухклассные народные училища. В Малоархангельском уезде Орловской губернии первое такое училище появилось в волостном селе Дросково.

Понятие «класс» в XIX веке и в настоящее время не равнозначны. В российском образовании XIX века первым классом считались первые три (или два) года обучения, а четвёртый и пятый годы являлись вторым классом.

Двухклассное училище давало учащимся начальные знания по русскому языку, арифметике, чтению, геометрии, естествознанию, физике, географии и русской истории.

8 сентября 1869 года на одном из своих заседаний Малоархангельское уездное земство рассмотрело вопрос о Дросковском двухклассном училище. 42 земских гласных единогласно решили, что «училище это, устроенное при содействии правительства, может быть действительным рассадником будущих учителей для крестьянского сословия».

Но, согласившись с важностью и нужностью создания такого учебного заведения, гласные констатировали, что необходимо материально поддержать тех крестьянских детей, которые способны к учению и хотят учиться, но не имеют возможности из-за отсутствия средств.

Поэтому выборщики приняли решения о выделении Дросковскому народному училищу, начиная с 1870 года, 250 рублей ежегодно, - на обучение нескольких наиболее бедных, но способных учеников.

Однако земство определило и условия получения такой материальной помощи: мальчики крестьянского сословия, окончившие курс, должны обязательно принять на себя звание учителей в крестьянских школах, по крайней мере, на три года (наверное, отсюда берёт начало советская система отработки педагогами на селе именно трёх лет после окончания пединститутов – А.П.)

В Дросковском народном училище в 1904-1905 годах обучалось 187 мальчиков и 7 девочек. Кроме обычных предметов, дети изучали здесь столярное и токарное дело (для этого имелись станки, приобретённые гласным Н.Д.Языковым, опекуном этого училища). Знакомились дети также и с кузнечным ремеслом в находившейся рядом кузнице.

За 40 с лишним лет своего существования Дросковское народное училище смогло подготовить несколько десятков народных учителей, которые несли нашим землякам искры знаний в тех школах, куда их потом направляли.

Об истории административно-территориального деления Дросковского края

В 1861 году в уездах Орловской губернии были образованы волости, ставшие низшей административно-территориальной единицей крестьянского самоуправления. В этом же году на территории Малоархангельского уезда появляется *Дросковская волость*, просуществовавшая (то укрупняясь, то разукрупняясь) до 1928 года.

Некоторое время при Советской власти, с 28 января 1919 по 14 февраля 1923 года, она называлась *Чудновской*, а последние пять лет, до ликвидации волостного деления, вновь именовалась Дросковской.

Сельсоветы (как органы местного самоуправления) появились на постоянной основе в 1918 году. В границах Дросковского района в довоенный период и в первые послевоенные годы было 8 сельских советов (Беречковский, Верхососенский, Верхнежёрновский, Внуковский, Дросковский, Ивановский, Смирновский, Топковский).

Территория современного Дросковского сельского поселения в довоенный период включала земли и населённые пункты трёх из перечисленных сельсоветов: Дросковского, Беречковского (частично) и Внуковского.

20 марта 1955 года Беречковский сельсовет был упразднён, деревни Березовец, Беречка, Волчьи Дворы и п.Филатовка из его состава вошли в состав Дросковского сельсовета, а деревни Вепринец, Громово, Лазаревка, Муратово 1-ое, Муратово 2-ое, посёлки Нахаловка, Усть-Лески и Верх-Лески были переданы Верхнежёрновскому сельсовету.

21 декабря 1973 года Дросковский и Внуковский сельсоветы объединились в один Дросковский сельсовет в центре в селе Дросково. С этого времени и существует в современных границах Дросковское сельское поселение – самое крупное из сельских в составе Покровского района.

Смутьян Енин

(о событиях в Дросково весной 1918 года)

Начальные дни и недели существования Советской власти в Дросковской волости – очень интересный и малоизученный период. В моих руках оказался один любопытный документ, найденный в Государственном архиве Орловской области, который позволяет пролить свет на непростую ситуацию, сложившуюся в Дросково с местными органами власти. Документ небольшой по объёму, поэтому я процитирую его полностью:

**«Протокол
общаго схода граждан Дросковской волости
Малоархангельского уезда 10 апреля 1918 года.**

На собрание явилось «» человек. Председателем схода был избран председатель Малоархангельского Уездного Совета Афонин, товарищем председателя (*то есть, заместителем – А.П.*) – член Уездного Совета Переяславский, секретарём – Гревцев и с участием: начальника штаба Красной Армии Фошненской волости Воробьёва, председателя волостного исполнительного комитета Фошненской волости Сухинина, Колпенского исполнительного комитета Иванова, начальника штаба Красной Армии Куприанова и Городецко-Петровской волости исполнительного комитета Бакаева

На повестку дня постановлено:

1. О делегате культурно-просветительного отдела Енине

Единогласно постановлено: о товарище Енине в том, что он наставлял револьвер на председателя Совета и совместно с кулаками и купцами под своей организацией настаивал разогнать Совет. Принимая во внимание, что вышеназванный Совет работает во имя бедной пролетарии по всей справедливости и бедных граждан, все меры принимает удержать Совет, верный как избранник и защитник.

Поэтому мы настаиваем на том, чтобы довести до сведения Орловского губернского Совета о том, что Енин внёс у нас такую смуту, что граждане отказываются обрабатывать землю. Настойчиво просим не высылать нам контррагитаторов, требуем предать (Енина) к народному суду – суду совести и справедливости.

2. О перевыборе Совета

Единогласно постановили: оставить на своих местах весь Совет

Председатель общаго собрания - Н.Афонин,
товарищ председателя – М.Переяславский
за секретаря – Н.Черников

Несколько слов о Дросковском районе

Мы, покровчане, вышли в своё время из Дросковского района, и целых семь лет, до 1935 года, существовал один Дросковский, без Покровского, а потом ещё 27 лет оба района мирно соседствовали друг с другом на карте Орловской области.

30 июля 1928 года, в составе Орловского округа Центрально-Чернозёмной области, возник Дросковский район. Вот что он представлял собой на 1 октября 1929 года (по сведениям статистиков ЦЧО):

Площадь - 1147,3 км²

Число сельских советов - 27

Число населённых пунктов - 276

Число жителей – 63193

Плотность населения - 55,08 на км²

К 1 января 1932 года в результате небольших территориальных изменений площадь Дросковского района уменьшилась до 1100 квадратных километров, а число сельских советов сократилось до 17.

На 1 января 1932 года в 268 населённых пунктах района проживало 68 925 человек (и это – без жителей Александровского, Алексеевского, Каменского и Столбецкого сельских советов, входивших в состав Свердловского района – с ними общее число достигало 82 290 человек – А.П.).

Перечислю сельские советы Дросковского района на тот период и число жителей в них: Берёзовский (4373 человека), Беречковский (4188), Верхососенский (4950), Владимирский (3192), Внуковский (4527), Вышне-Туровецкий (5406), Даниловский (3691), Дросковский (4780), Жёрновский (4783), Ивановский (3873), Липовецкий (3486), Покровский (3356), Протасовский (1751), Ретинский (4761), Смирновский (4244), Топковский (3414), Успенский (4131).

Когда в июне 1934 года Центрально-Чернозёмная область была ликвидирована, а на её территории образовались Воронежская и Курская области, Дросковский район вошёл в состав последней.

18 января 1935 года в Курской области появилась новая сеть районов, в числе прочих был образован Покровский (из части территорий Свердловского и Дросковского районов).

После этого в составе Дросковского района осталось 8 сельсоветов, и он оказался меньше вновь образованного Покровского (в нем насчитывалось 13 сельсоветов).

В таком виде оба района просуществовали до конца 1962 года, когда были расформированы, а их территории вошли в соседние районы.

В январе 1965 года Покровский район снова появился на карте Российской Федерации, а вот Дросковскому не повезло: как меньший по размерам, он был поглощён большим соседом.

В довоенных и послевоенных газетах Дросковского и Покровского районов частенько печатались материалы, посвящённые соревнованиям между ними в той или иной отрасли. Большинство наших известных земляков, в том числе писатели и поэты Дмитрий Блынский, Александр Харчиков, Виталий Бабаев, - родом из того, Дросковского ещё района.

Ныне же история Дросковского района стала составной частью истории Покровского, но не затерялась в ней.

Дросковский сельсовет в 1935 году
(Из справки
по мелиоративно-гидро-геологическому обследованию
Дросковского сельсовета Дросковского района Курской области)

Дросковский сельсовет расположен в центральной части Дросковского района (районный центр – село Дросково) и граничит: с северо-запада – с Топковским и Беречковским сельсоветами, с северо-востока – с Жёрновским сельсоветом и Ливенским районом, с юга – с Внуковским сельсоветом и с юго-запада – с Внуковским сельсоветом.

Территория Дросковского сельсовета представлена водораздельным пространством, с наивысшей абсолютной отметкой 251,921м над уровнем моря (пирамида «Лазаревка») и изрезана оврагами и балками, по которым текут ручьи, с наименьшей абсолютной отметкой уреза воды 188м над уровнем моря (урез воды в ручье Дросково, устье у колхоза «Начало»).

От водораздельного плато, где расположен районный центр с.Дросково, овраги и балки расходятся в разных направлениях. Территорию Дросковского сельсовета реки не прорезают. Населённые пункты в большинстве расположены у ручейков и выходов родников. Дросковский сельсовет объединяет в себе 9 колхозов с общей занимаемой площадью 7 559, 81га. Село Дросково является райцентром всего Дросковского района, где находится МТС, объединяющая 8 сельсоветов. От железной дороги (ближайшая станция – Русский Брод) село расположено в 25 км, сообщение автотранспортное.

Геологическое строение

В пределах территории сельсовета имеются следующие отложения сверху вниз:

1. послетретичные,
2. юрские,
3. отложения девонской системы

Гидрогеология

Территория сельсовета пересечена системой балок и оврагов, к чему приурочены выходы вод на дневную поверхность, которые заболачивают тальвеги балок, дают начало ручьям и питают их водою. В Дросковском сельсовете протекают два ручья наиболее значительные. Один идёт с северо-запада на юго-восток от деревни Сетенёва к п.Рячицкий. Ручей за территорией сельсовета впадает в реку Фошня. Второй ручей идёт с севера на юг от районного центра Дросково к колхозу «Красная нива» и также за территорией сельсовета впадает в реку Фошня. Описываемые ручьи берут своё начало и пополняются за счёт обильного выхода родников из водоноса

юрских отложений, но всё же многоводными ручьи считать нельзя. Они где идут заболоченностью, где плёсами и где текут неширокими и неглубокими ручьями. Но летом не пересыхают, а зимой не промерзают. Вода в ручьях прозрачная, без запаха, средней жёсткости, пригодна для хозяйственных и технических надобностей. По долинам ручьёв имеется в некоторых местах заболоченность, которую необходимо осушить отводящими канавами, как уже начал делать колхоз «Красная нива».

Дросковский сельсовет объединяет в себе 9 колхозов:

1. «Крылья Советов» (с.Дросково)
2. «Свободный труд» (д. Новосильская)
3. «Пятилетка» (д.Башкатова,)
4. «Красная нива» (1-е Беженово, Драчёва)
5. «Отрадное поле» (п.Новая деревня, 2-ое Беженово)
6. «Авангард» (д.Лазоревка)
7. Им. 16-ого стрелкового полка (д.1 Сетенёва, 2 Сетенёва и 3 Сетенёва)
8. «Победа» (д. Погонево)
9. «Начало» (п. 1 Рячицкий, 2 Рячицкий, п.Орлы, п.Ситкин, п.Колубань, 1 Крутенький, 2 Крутенький)

Р.С. К 1944 году число колхозов Дросковского сельсовета уменьшилось до семи (колхозы «Красная нива» и «Пятилетка» объединились, укрупнённый колхоз стал называться «Пятилеткой»; прекратил существование колхоз «Отрадное поле», вошедший в состав колхоза имени Сталина соседнего Ивановского сельсовета).

Овражная сеть

Территория Дросковского сельсовета иссечена балками и оврагами, расходящимися от села Дросково (водораздел) в разные направления.

№	Название балки или оврага	К бассейну какой реки принадлежит справа или слева
1	Возгровка	Справа к реке Кунач
2	Большой верх (с отвершком Минаичев), устье - Винная (без вершины)	Справа к реке Кунач
3	Студёный	Справа к реке Труды
4	Дубровка (в вершине балки находится салотопка)	Справа к реке Труды
5	Гусиный – устье Каменный (отвершки – Заказ и Крутенький), от вершины до средней части расположена деревня Лазоревка	Справа к реке Труды

6	Широкий (с отвершками Осинник и Запольный), недалеко от балки – селение Сетенёва	Справа к реке Труды
7	Карабец	Слева от реки Фошни
8	Калубань	Слева от реки Фошни
9	Сухой	Слева от реки Фошни
10	Масловская	
11	Барская	
12	Дросковский ручей	
13	Ближний верх и Низ	
14	Другой верх	
15	Колубань – колхоз «Начало» (отвершек – Крутой)	
16	Погоневская балка (с отвершками – Киреев, Застопная, Третий), (идёт от колхоза «Победа» к колхозу «Начало»), в верхней части и в устье балки расположены селения	Слева от реки Фошня

Плотины имелись – в колхозе «Авангард» (пос. Надежда), постройка 1935 года; в колхозе «Свободный труд» (в усадебном центре, балка Барская, плотина построена до революции, длина – 40 метров).

События Великой Отечественной войны на территории Дросковского сельсовета

О периоде фашистской оккупации Дросковского, Беречковского и Внуковского сельсоветов

Из «Акта районной комиссии по установлению и расследованию злodeяний немецко-фашистских захватчиков в период временной оккупации Дросковского района Орловской области от 29 декабря 1944 года»

Мы, нижеподписавшиеся, председатель исполкома райсовета Киселёв С.Х., секретарь РК ВКП (б) Сканченко Д.Т., начальник РО НКВД Андронов и народный учитель Шишков М.Ф., на основании имеющихся материалов составили настоящий акт о зверских действиях террористического разгула гитлеровских бандитов в период временной оккупации Дросковского района с 20 ноября 1941 года по 15 февраля 1943 года.

Ворвавшись на территорию района, немецкие бандиты, помимо грабежей и отбора всякого имущества, проводили террор среди населения района. *Расстреливали людей в одиночку и целыми группами*, и особенно преданных партии и правительству и производили всякого рода насилия и издевательства над ними. Террористические злодейские действия немецких оккупантов в Дросковском районе выразились в следующем...

В деревне Беречка того же сельского совета СС частью (так в оригинале текста – А.П.) немцев расстреляны 20 человек: Шалимов Захар Данилович – председатель колхоза «Победа», Шалимов Дмитрий Данилович – председатель колхоза «Свой труд», Шалимов Иван Данилович – колхозник-активист, Фурсов Борис Васильевич и другие.

В Дросковском сельском совете в селе Дросково 16 января 1942 года полевой полицией была выброшена из дома на улицу разутая и раздетая гражданка Кононова Прасковья Аксёновна, которая через несколько часов замёрзла.

В деревне Погоневой живым сожжён ни в чём не винный гражданин Енин Матвей Иванович.

Многих граждан немецкие палачи поубивали в подвалах, где таковые укрывались от обстрелов во время боя, как-то (так в тексте – А.П.), в деревне Беречка того же сельского совета в одном из подвалов расстреляна целая группа колхозников – Сапелкин Иван Фёдорович, Сапелкина Мария Фёдоровна и другие...

За весь период оккупации гитлеровские палачи расстреляли мирных граждан – 197 человек, повесили – 4 человека, умерло после истязаний и пыток – 7 человек, убито во время бомбардировок 26 человек, погибло военнопленных – 11 человек. Всего погибло 245 человек. Подвергались пыткам и насилиям 14 человек. Угнано в немецкое рабство 329 человек...

Бои местного значения

С зимы 42-го года до зимы 43-го года в первый раз по территории нашего района пролегла линия фронта. Она тянулась примерно на протяжении 30 километров, проходя от села Корсунь, Верховского района, между селами Трудки и Ворово, между деревнями Дубинкина и Сетенёва, спускаясь к юго-западу и уходя на территорию Колпнянского района.

В течение всего 1942 года советские и немецкие войска время от времени организовывали попытки прощупать позиции друг друга. Вспыхивали то тут, то там бои местного значения.

Так, в середине января 1942 года две роты 132 стрелковой дивизии, базировавшиеся в деревне Дубинкиной, предприняли дерзкую операцию в районе деревни Погонево. Бойцы этих рот (в одной из них служил наш земляк из деревни Журавец Е. Комаров) скрытно приблизились к деревне, используя овраги. А затем они залегли на окраине. Вскоре увидели, как отсюда в сторону Дросково направился большой конный обоз. Когда

головная часть его уже начала продвигаться мимо леса, командиры рот отдали команду: «Огонь!»

Фашисты не ожидали нападения, поэтому и отстреливались довольно беспорядочно. Но, опомнившись, сумели собраться, а затем открыли ответный огонь из пушки. Однако долго им продержаться не удалось.

Наши бойцы, развернувшись в цепь, пошли в атаку. И фашисты, оставив убитых, раненых и свыше сорока подвод, поспешили скрыться в лесу.

Лошадей, оставленных гитлеровцами, наши бойцы отправили в тыл, а имущество (это были в основном награбленные одежда и обувь) раздали жителям деревни. Когда это было сделано, снова пришлось сражаться. Фашисты пошли в наступление со стороны Сетенево. Но три атаки оказались для них безуспешными. Они были отбиты с большими потерями. Эти две роты могли бы некоторое время удерживать позицию у деревни Погонево, но на рассвете поступил приказ – отойти к деревне Дубинкиной, на основные позиции.

Начиная с конца января и в феврале 1942 года части 132-й стрелковой дивизии, занимавшие оборону севернее деревень Манино, Начало, Дубинкиной, В-Жерновца, начали оборудовать свои позиции: строить блиндажи, рыть окопы и траншеи. Но время от времени бои возобновлялись. Это были, как сообщали тогда сводки Совинформбюро, «бои местного значения».

Бой у деревни Дубинкиной (как собаки Ливны спасли)

В последних числах декабря 1941 года в ходе Елецкой наступательной операции, проводившейся на правом крыле Юго-Западного фронта, 143 и 132 стрелковые дивизии, двигаясь вдоль шоссе Ливны – Орел, освободили от гитлеровцев село Демидово (Ливенский район) и деревню Дубинкину (Дросковский район).

Казалось, еще немного, «еще чуть–чуть» и районный центр Дросково (до него оставалось шесть километров) тоже будет освобожден. Но сил у поредевших дивизий для этого уже не осталось (в каждой из них вместо 8 тысяч состава, как положено по нормам, осталось чуть более двух тысяч солдат и офицеров).

Однако и фашисты, измотанные в ходе месячных боев и потерявшие значительную часть живой силы и техники, резервов для организации контрнаступления здесь не имели.

В результате фронт остановился, а его линия пролегла между деревнями Дубинкиной и Сетеновой, по полям и оврагам, где наши и немцы, закопавшись в снег, наблюдали друг за другом, время от времени прощупывая позиции противника то стрельбой, то разведывательными вылазками.

Бойцы 143 стрелковой дивизии через неделю были переброшены на другой участок, а в Дубинкиной, на передовых позициях, остались две неполных роты 132 стрелковой (дивизией тогда командовал будущий маршал Советского Союза С. Бирюзов).

Именно им пришлось пережить самое тяжелое время – январь и февраль 1942 года.

Расположились солдаты дивизии по домам жителей деревни (до войны это был довольно большой населенный пункт: 50 дворов, в которых проживало 285 человек).

В доме Елизаветы Ефросимовны Луниной разместился взвод не совсем обычных солдат – каждый из них прибыл с собакой. Командира взвода Лукина сопровождала огромная овчарка, а у бойцов были псы небольшого роста, короткошерстные, неизвестной местным жителям породы.

Лукин и красноармейцы нашли для себя место в хате (хотя спать им пришлось на полу), а собак определили в сенцы.

Дети хозяйки – дочь Маша и младший сын Коля – к собакам отнеслись вначале с опаской, особенно к овчарке, поскольку ростом она не уступала им самим, а о силе и говорить нечего. Однако все псы оказались покладистыми, добродушными по отношению к детям, позволяя во время игр делать с собой что угодно, вплоть до катания на них.

А иногда Маша и Коля, как и соседские дети, даже отбирали у животных вкусные сухарики, которыми тех кормили (для ребят это было настоящее лакомство).

Честно говоря, дети сразу заметили, что солдаты питались похуже, чем собаки, особенно в первые январские дни: замерзшую буханку хлеба бойцы распиливали ножовкой на восемь аккуратных кусочков, деля потом и крошки, оставшиеся на столе. Этот скудный рацион дополняла ложка сахара – и все на целый, очень холодный день.

Поэтому местные жители делились с солдатами всем съестным, что у них было (а как же иначе?). Но все же иногда особо изголодавшие красноармейцы залезали в деревенские подвалы, подъедая картошку и соленья. Владельцы подвалов шума по этому поводу обычно не поднимали – у многих такие же по возрасту, дети были на фронте, и, кто знает, может быть, и им еды где-то там не хватало – так пусть поедят досыта, так считали пострадавшие.

Ротные командиры постарались с первых дней наладить дисциплину и порядок. Отправляя солдат на передовую, инструктировали их, наставляя быть внимательнее. Несколько раз молодые ребята, находившиеся там, слишком громко спрашивали пароль у сменявших их солдат (почти за километр было слышно – в самой деревне). По этой причине немцы (даже в темноте) обстреливали позиции рот на звук, и двое красноармейцев были тяжело ранены.

После таких уроков подобных ляпов больше не было. В середине января бойцы обеих рот приняли участие в операции в районе деревни Погонево, находившейся левее их позиций и занятой гитлеровцами.

Используя овраги, наши солдаты скрытно приблизились к окраине и залегли, поджидая большой конный обоз гитлеровцев, который направлялся к селу Дросково.

Атака была внезапной, и поэтому фашисты отстреливались довольно беспорядочно. Потеряв несколько убитых и раненых, оставив весь обоз, немцы поспешно отступили к лесу.

Когда они вернулись с подкреплением, обе роты 132 дивизии, забрав трофеи, благополучно вернулись к Дубинкиной.

Трофейных лошадей отправили в тыл, а одежду и обувь из обоза бойцы раздали местным жителям.

После этого случая гитлеровцы взбеленились, и почти каждый день обстреливали позиции рот, регулярно делая вылазки, в ходе которых у нас были раненые и убитые.

Для того, чтобы по возможности точнее знать планы гитлеровцев, следить за их передвижениями, Лукин приказал устроить в деревне Дубинкиной наблюдательный пункт. На высокую раскидистую березу каждый день влезал один из бойцов и из бинокля изучал немецкие позиции.

Лазание на дерево и спуск лучше всего получались у молоденького 18 летнего солдата, детдомовца Коли Воронина. Он же оказался самым наблюдательным. Потому Лукин, оценивший Воронина за эти качества, стал посылать на наблюдение только его.

Воронин, каждый раз перед отправлением на задание, если встречал кого-то из деревенских девчонок, говорил ей: «Война закончится, вернусь сюда и женюсь на тебе. Ждать будешь?»

Пошутит, маскхалат наденет – и на дерево. Когда же у немцев объявился снайпер, Коля на свое дерево начал влезать только в сумерках.

Таким же путем и спускался, только когда темнеть начинало.

Благодаря наблюдениям Воронина обстрелы и вылазки немцев перестали быть опасными.

Такая сравнительно спокойная жизнь продолжалась до 23 февраля 1942 года. Очередную годовщину Красной Армии на передовой, конечно, отмечать не собирались. Просто утром бойцов собрал командир, напомнил о празднике и сказал, что встретить его надо боевыми успехами.

А в полдень начались события, которые превратили 23 февраля не в праздник, а в тяжелые и страшные военные будни.

С передовой привели девчонку. Лет 12, хорошо, по деревенским понятиям одетая: пальтишко, варежки, валенки, чистенькая, умытая. Стал было Лукин ее допрашивать, как вдруг его овчарка на девчонку прыгнула, схватила зубами руку и стала ее трепать.

Схватил Лукин своей огромной ручищей собаку за ошейник, но только с большим трудом смог оторвать ее от девочки. Прибежал «особист» (он тут,

на передовой, время от времени появлялся), стал расспрашивать. И выяснилось, что девочка подослана немцами: ее проинструктировали узнать, сколько в деревне солдат и какая у красноармейцев здесь боевая техника.

А овчарка Лукина среагировала на специфический запах – пока девочку немцы обучали шпионскому делу, она этим запахом очень сильно пропиталась.

Только маленькую шпионку увезли в штаб, в Демидово, и усилили наблюдение за передовой, как к ротному командиру прибежал посыльный: немецкий снайпер застрелил наблюдателя Воронина.

Было около трех часов дня.

Лукин и два красноармейца побежали на окраину деревни, к той самой березке, Николай лежал лицом вверх, одна рука была без варежки, аккуратная круглая дырочка во лбу казалась нарисованной красной краской. На лице Воронина застыло какое-то страдальчески – удивленное выражение: «Неужели это в меня попали?»

Впрочем, долго печалиться у тела погибшего не пришлось. Дважды еще успел выстрелить снайпер со стороны Сетенево, и один из сопровождавших Лукина бойцов упал, схватившись за бок. Его быстро оттащили за дом, а потом на санях отправили в медсанбат в Демидово.

Этими двумя событиями День Красной Армии не закончился. Наблюдавшие на передовой за немецкими позициями у деревни Погонево красноармейцы сообщили, что оттуда слышится рокот моторов.

Вскоре поступило второе донесение – 10 немецких танков при поддержке пехоты движутся на позиции двух рот 132 стрелковой дивизии. Цель их была очевидна – захватить позиции наших войск на дороге, оседлать шоссе Орел - Ливны и прорваться по нему на Демидово, а потом и дальше, на Ливны.

Неожиданностью для советских солдат стало время немецкого наступления – 16.00. Никогда до этого гитлеровцы не пытались наступать в вечернее время.

А тут вдруг...

Надо было принимать срочные меры.

Ротный вызвал Лукина. «Ну что ж, Иван Кузьмич, пришла твоя пора. Покажи, чему научил ты солдат и собак». «Разрешите идти?» – «Иди!»

Лукин бросился к дому Луниных, к своим красноармейцам.

Через пять минут каждый из бойцов, выведя свою собаку на улицу, стал готовить ее к бою. На спину каждой привязывался большой и широкий пояс со взрывчаткой.

И тут началось такое, что потом с ужасом вспоминали и красноармейцы, и местные жители. Собаки не дергались, не вырывались, они послушно стояли, пока им цепляли вокруг туловища пояс. Но они были – пронзительно, долго, страшно. На вой сбежались все находившиеся в деревне.

«Как женщины на похоронах» – сказал кто-то из дедов, вытирая рукавом выступившие на глазах слезы.

Подкатили четверо саней. Собаки сами, без команды запрыгивали в них. Рядом примостились собаководы – красноармейцы.

Под свист пуль и разрыв снарядов (все это летало и разрывалось на окраине и в самой деревне) лошади умчали истребителей танков на передовую.

Было 17.00. Красное солнце исчезало за горизонтом...

Я не знаю, что и как происходило там, на линии столкновения советских и фашистских войск, потому что рассказываю все со слов Марии Васильевны Белевкиной (тогда – Луниной Марии – А.П.), а она в бой не ходила...

Примерно через полчаса оттуда, куда умчались сани с собаками, стали раздаваться взрывы – один, второй, третий, перемежавшиеся со страшной стрельбой. Ближе к полуночи все затихло, а с раннего утра 24 февраля бой продолжился.

И снова взрывы – четвертый, пятый, шестой. Небо, морозное и солнечное – быстро заволокли черные тучи от горящих танков и от чего – то еще непонятного.

Бой продолжался до позднего вечера, и немцы не выдержали, отступили к Погоневой.

Ближе к ночи вернулись в Дубинкину истребители танков. Из 14 человек их осталось ровно половина, и один из живых нес на руках своего тяжело раненного в бою пса. Остальные собаки остались там, на поле боя между двумя деревнями.

Точнее будет сказать, что от 12 собак не осталось вообще ничего, потому что, бросаясь под танк, они подрывали его вместе с собой. Один пес, уже, будучи под танком, вдруг резко развернулся и бросился к своему хозяину.

Танк раздавил их обоих, и, повредив гусеницу, долго рычал, вращаясь на одном месте, пока его не успокоили двумя гранатами соседи погибшего бойца.

Единственный доставленный с поля боя пес скончался на руках своего хозяина, который похоронил его в саду, рядом с могилой Коли Воронина и могилами погибших в этом бою солдат.

На следующий день деревенские мальчишки, несмотря на запрет, тайком пробиравшиеся на место сражения и вернувшиеся потов в деревню, рассказывали, что там, на черном от копоти поле, стоят семь подбитых немецких чудищ.

Остатки взвода истребителей танков вывели во второй эшелон, в Ливны, а на их место через два дня прибыл новый взвод – с такими же низкорослыми и дружелюбными собаками.

Впрочем, об их судьбе нам ничего неизвестно. Одно знаю точно.

Самым танкоопасным направлением на этом участке фронта считалось шоссе со стороны Дросково на деревню Дубинкину и далее на Ливны.

После боя 23-24 февраля 1942 года и героической гибели половины взвода истребителей танков и всех собак немцы танков здесь больше не применяли.

P.S. А линия фронта между Дубинкиной и Сетеновой простояла неизменной еще год и три месяца. Только в феврале 1943 года были освобождены от фашистов райцентры Дросково и Покровское, большинство сел и деревень края. Но сделали это уже другие дивизии.

Освобождение села Дросково и населённых пунктов Дросковского сельсовета

Брянский фронт гремел на территории Орловской области, в том числе и в нашей местности. Его командующему М.А. Рейтеру было приказано: «Окружить и разгромить орловско-брянскую группировку противника». Для выполнения этого приказа две армии фронта – 48 и 13, должны были, начав наступление, выйти на линию Дросково-Малоархангельск-Фатеж.

Когда в феврале 1943 года 48 армия начала второй этап освобождения Покровского района, в ее состав входили 6 гвардейская, 41, 73, 143, 399 стрелковые дивизии, а на 1 апреля 1943 года (т.е. к концу наступления, при переходе к обороне) – 16 Литовская, 73, 137, 143, 399 стрелковые дивизии.

Немцы, защищая свои позиции, создали за год позиционных боев сильные узлы сопротивления и опорные пункты. Они захватили высоты, с которых могли вести наблюдение на 5-10 километров, подступы к своей обороне густо заминировали. Пояс минных заграждений достигал глубины 5-6 километров. За ним тянулась линия малозаметных препятствий – на невысоких колышках висела колючая проволока. Дальше шли проволочные заграждения и система дотов и дзотов. На важнейших направлениях гитлеровцы установили пулеметы, минометы, орудия.

За 15 месяцев оккупации фашисты особенно преуспели в укреплении своих позиций на Дросковском узле обороны, прикрывавшем шоссейную дорогу Орел-Ливны. Здесь даже соорудили вторую линию обороны – на уровне деревень Ефремово, Непочатая, Саламатовка. Используя высокие берега протекающего ручья, силами согнанного местного населения гитлеровцы соорудили и противотанковый ров.

Наступлению наших частей сильно мешала погода. Зима выдалась суровая. 6 ноября 1942 года выпал снег и ударили морозы. Снежный покров достигал местами более метра, что очень затрудняло действие артиллерии.

26 января 1943 года командующий 48 армией отдал приказ по армии, в котором указал время наступления – 4 февраля.

73 стрелковой дивизией командовал генерал-майор Д.И. Смирнов, ставший позже Героем Советского Союза. Дивизия была развернута на рубеже деревень Ушаково, Ракитино, Морозово, Васютино, Внуково, поселка Березовый. Общая протяженность фронта дивизии составляла более 30 километров.

Командующий 48 армией генерал Романенко поставил перед 73 дивизией задачу прорвать оборону немцев в районе деревень Внуково, Васютино, Непочатая, Саламатовка, Грачевка, Извеково и выйти на

шоссейную дорогу Орел-Ливны с захватом села Дросково. Предполагалось отрезать группировку немецких войск, стоящих в этом селе, а затем ликвидировать ее.

Полки дивизии - 392, 413 и 471 - перешли в наступление. Ожесточенные бои разгорелись вначале у первой линии обороны гитлеровцев: Ракитино, Васютино, Внуково. Прорвав ее, бойцы атаковали и вторую, сильно укрепленную, изрытую окопами линию обороны у деревень Ефремово, Непочатая, Саламатовка.

Большую помощь наступавшей пехоте оказали артиллеристы. Хотя и пришлось тащить свои 45 и 76-миллиметровые орудия по снежному полю да еще под огнем противника, но поддержали они наступление точным огнем, подавляя доты и дзоты.

По воспоминаниям генерала Смирнова, только убитыми дивизия потеряла 490 человек. Большая часть этих потерь – в результате страшных, доходивших до рукопашных, боев за деревни Непочатая и Саламатовка. Огромное поле на окраине Саламатовки оказалось буквально усеяно телами советских и немецких солдат. Ценой большой крови Непочатая и Саламатовка были, наконец, взяты. В Непочатой бойцы дивизии захватили склад оружия, артиллерийских снарядов и сотни тысяч патронов.

Если судить по алфавитной книге безвозвратных потерь офицерского состава 73 дивизии, то можно установить, за какие деревни или села района бой был достаточно серьезен, и когда населенный пункт освободили. Деревня Васютино, к примеру, была освобождена 8 февраля, Непочатая – 10 февраля, Саламатовка – 12 февраля 1943 года.

С прорывом второй линии обороны дивизия продолжала вести бои за деревни Грачевка, Моховое, Ивановка, Извеково, с тем, чтобы отсечь группировку противника, находившуюся в Дросково. Поняв это, гитлеровцы, не считаясь с потерями, пытались отбить атаки воинов 73 дивизии. Цеплялись за каждый холм и овраг...

Ранним утром 13 февраля подразделения 471 стрелкового полка ворвались в Дросково. В тот же день были освобождены Сетенево и Погонево. О взятии Дросково стало известно на следующий день из сообщения Совинформбюро. А 17 февраля 1943 года об этом же событии написала газета Брянского фронта «На разгром врага». В селе 73 дивизия захватила склады снарядов и продовольствия.

Взятием тогдашнего райцентра Дросково был обеспечен выход на шоссе на дорогу Ливны-Орел. Тесня противника и не давая передышки (хотя там и находилась знаменитая 45 пехотная дивизия, бравшая Брест в начале войны), бойцы 73 стрелковой двигались в направлении Кунача, Зиновьевки, Липовца. Так наступала 73 стрелковая дивизия, по соседству с которой вели наступление и другие части 48 армии.

Последствия фашистской оккупации
(Из докладной записки секретаря обкома ВКП (б) по пропаганде
секретарю обкома ВКП(б) и члену Военного совета Брянского
фронта А.П.Матвееву об освобождении Дросковского района.
Не позднее 21 февраля 1943 года)

С 7 по 15 февраля (часть) территории Дросковского района была освобождена от немецких оккупантов. Райцентр Дросково освобождён 13 февраля.

Секретарь райкома ВКП(б) тов. Сканченко и председатель райисполкома тов. Попков начиная с 5 февраля следовали за частями Красной Армии и последовательно вступали в населённые пункты по мере их освобождения от фашистов частями Красной Армии. Райком ВКП(б) и исполком райсовета, как и другие оперативные органы Советской власти, начали свою деятельность с 9 февраля в селе Ракитное (*ошибка, скорее всего, это деревня Ракитина – А.П.*), как только оно было очищено от фашистских войск. С освобождением Дросково районные организации перебазировались 14 февраля на территорию Дросковского с/совета.

15 февраля район ещё не был освобождён полностью (за Верхнюю Сосну шли бои), а в основной массе сёл была восстановлена Советская власть...

К 19 февраля эта работа закончена по всему району, не считая колхозов на территории 10-километровой отселённой немцами полосы...

Немецко-фашистские мерзавцы за время своего продолжительного хозяйствования уничтожили (сожгли и взорвали) все общественные постройки: школы, больницы, общественные дворы, а также населённые пункты: Беречка, Филатовка, Волчьи Дворы, Усть-Лески, Нахаловка, Березовец, Муратовка 1-ая и 2-ая, Лазаревка, Высокое, Рубленый Колодезь, Шалимовка, Верхний Жерновец, Кадинка, Кадинские Выселки, Дубинкино, Морозово, Внуково, Васютино, 2-е Енино, 1-ое Енино, Поганево, 1-ое, 2-ое и 3-е Сетенево, Непочатая, Саламатовка, Манино, Дубовый, Березовец, Алексеевский, Колубань, Ситкин, Орлы, 1-ый и 2-ой Крутенький, а также весь райцентр – Дросково. Убытки надо исчислять многими миллионами рублей.

Райком ВКП(б) и райисполком провели и проводят ряд мероприятий по восстановлению деятельности района и организации всемерной помощи Красной Армии.

Почти во все сельсоветы были посланы представители районной власти по организации населения на работы по очистке дорог, учету имущества, необмолоченного хлеба, посевных площадей озимого, наличия семян к весеннему севу, лошадей, коров и другого скота, а также для разъяснения населению текущего момента и его задач по организации всемерной помощи Красной Армии. В Дросковском сельсовете, как только было объявлено о

выходе на расчистку дорог, вышло на дороги более 700 человек. В этот же день во всех сельсоветах работало более 2000 человек...

Ключник Л.И.

(ГАОО, Ф.П-52. Оп.2. Д. 547. Л. 25-26 об. Подлинник, рукопись)

Герой Советского Союза Михаил Борисович Харчиков

Самый старший по возрасту из всех 11 Героев Советского Союза, покровчан, – Михаил Борисович Харчиков. Он родился 21 ноября 1903 года в селе Енино, но ещё до революции его родители навсегда покинули родные места, в поисках лучшей жизни они оказались в Сибири.

Там Миша Харчиков закончил семилетку и, почти сразу же – административно-хозяйственную школу. В 26 лет он вступил в члены ВКП (б), работал вначале в Омске на овчинно-шубном заводе, а потом – в пригородном совхозе «Красноярский».

Отслужив в 1925-1927 годах в Красной Армии, Харчиков вернулся в родное хозяйство. В начале 1941 года Михаил Борисович вновь был призван в армию, а уже в ноябре того же года он – на фронте.

В 1943 году окончил курсы усовершенствования офицерского состава. Воевал на Волховском фронте, вначале политработником, затем строевым офицером в стрелковых подразделениях.

Фронтная биография нашего земляка-Героя оказалась связана с северо-западным участком советско-германского фронта. Соединение, в котором он служил, получило высокую оценку за боевые отличия в Свирско-Петрозаводской (21 июня – 9 августа 1944 года) и Петсамо-Киркенесской (7 октября – 1 ноября 1944 года) наступательных операциях Карельского фронта.

Летом 1944 года капитан Харчиков М.Б. - командир стрелковой роты 60-го стрелкового полка (65-я стрелковая дивизия, 14-я армия, Карельский фронт). В ночь на 23 июля 1944 года в районе станции Лоймола рота капитана Харчикова, используя складки местности, скрытно заняла исходную позицию для захвата важной высоты. Воины роты стремительно ворвались в расположение противника. В коротком ночном бою было уничтожено до взвода вражеских солдат, а двадцать восемь - взято в плен. В этом бою капитан Харчиков лично уничтожил восемь финских солдат и пленил шестерых.

26 июля 1944 года в бою за полустанок Мустакаллио рота капитана Михаила Харчикова под сильным пулемётно-миномётным огнём врага штурмом овладела укреплённой позицией и разгромила вражеский гарнизон, взяв при этом двадцать шесть пленных. Получив подкрепление, противник шесть раз предпринимал контратаки, пытаясь вернуть полустанок. Но бойцы отважного командира роты огнём из автоматов и гранатами отразили натиск врага, нанесли ему потери и удержали занятую позицию.

Капитан Харчиков отличился также и 8 октября 1944 года при прорыве обороны противника в районе горы Большой Кариквайвишь на Кольском полуострове и форсировании реки Титовка (Кольский район Мурманской области).

Когда наступавшие подразделения 60 стрелкового полка были вынуждены остановиться под ураганным огнём противника, командование ввело в бой роту Харчикова. Его бойцы стремительно преодолели систему инженерных укреплений противника и под его артиллерийско-миномётным огнём ворвались в опорный пункт, овладев системой траншей и дотов врага.

Затем в течение нескольких часов рота Харчикова отбила многочисленные контратаки противника, нанеся ему большие потери. Используя успех роты, другие батальоны полка продолжили наступление и вскоре отбросили противника с занимаемых им позиций.

23 марта 1945 года за проявленное в боях на Кольском полуострове мужество и героизм капитан Харчиков был удостоен звания Героя Советского Союза.

В 1946 году Михаил Борисович ушёл в запас, вернулся в Сибирь, где работал вначале директором совхоза, а потом – директором маслозавода. С 1957 года жил в Омске, где и умер 11 марта 1977 года. Похоронили его на Северном кладбище города. Думаю, будет правильно, если одну из улиц села Дросково назовут именем знаменитого земляка, единственного Героя Советского Союза - уроженца Дросковского сельсовета.

Опередивший Матросова (Герой Советского Союза Буран Нсанбаев)

В конце января 1943 года, используя результаты сокрушительного разгрома противника под Сталинградом, советские войска провели ряд успешных операций почти на всём протяжении фронта – от Ленинграда до Кавказа. Наступательные операции как бы накладывались одна на другую: на юге – Ростовская, Ставропольская, Краснодарско – Новороссийская, на севере – прорыв блокады Ленинграда и ликвидация Демянского плацдарма гитлеровцев.

В этот же период (вторая половина января – февраль 1943 года) осуществлялись Касторненско-Малоархангельская и Орловская наступательные операции, в результате которых планировалось «окружить орловскую группировку врага, истребить его живую силу и технику, освободить город Орёл и районы области и водрузить над ними Советское Красное Знамя».

Наступление, в котором участвовали 61, 48 и 13 армии Брянского фронта, с самого начала развивалось не по намеченному плану. Гитлеровцы, создавшие в 1942 году на этом участке фронта мощную линию обороны, оказывали ожесточённое сопротивление.

«Геройски отдал свою жизнь...»

771 стрелковый полк 137 стрелковой дивизии, входившей в состав 48 армии, в ночь с 5 на 6 февраля был остановлен у покровской деревни Лески сильным артиллерийским и ружейно-пулемётным огнём противника. Командир полка подполковник Гордиенко приказал отложить наступление до утра.

То, как удалось, всё-таки, прорвать немецкие позиции, я узнал из документа, хранящегося в Центральном архиве Министерства обороны в городе Подольске. Цитирую:

«6 февраля 1943 года 1 батальон 771 стрелкового полка 137 стрелковой дивизии наступал на деревню Лески (Покровского района Орловской области). В 10 часов утра, после мощной 40-минутной артиллерийской подготовки, батальон дважды атаковывал деревню Лески, но, неся потери, не добился успеха, и был вынужден отойти на исходную позицию. Продвижению батальона мешал сильный пулемётный огонь, который вели фашисты из каменного дома, превращённого в сильный укреплённый дзот, находившийся в центре деревни.

Исимбаев Буран попросил своего комбата разрешения ему пойти взорвать дзот. Командир разрешил. Исимбаев два раза под сильным пулемётным огнём подползал к дзоту, забрасывал его гранатами, но подавить пулемётный огонь врага не смог. В третий раз комсомолец Исимбаев решил пожертвовать собой, но освободить путь для продвижения пехоты вперёд. Он обвязал себя гранатами, взял две противотанковые гранаты и под сильным пулемётным огнём подполз к двери дзота, бросился во внутрь его.

Огромный взрыв дзота послужил сигналом для атаки. В результате батальон, перейдя в наступление, занял деревню Лески и успешно продолжал дальнейшее наступление. Во взорванном ДЗОТе бойцы насчитали 28 трупов немецких солдат и офицеров. Здесь же было найдено тело комсомольца Исимбаева Бурана.

Исимбаев Буран горячо любил свою Родину и во имя её освобождения от немецких захватчиков геройски отдал свою жизнь. Подвиг Исимбаева достоин присвоения ему посмертно звания Героя Советского Союза.

Командир 771 стрелкового полка подполковник Гордиенко».

Этот наградной лист прошёл все военные инстанции, вплоть до командующего фронтом генерала К.Рокоссовского, который 3 июня 1943 года написал в заключении – «Достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Бурану Исимбаеву этого звания вышел 23 сентября 1943 года. И лишь спустя 20 лет вдруг выяснилось, что настоящая фамилия Героя – вовсе не Исимбаев, а Нсанбаев.

Тайны Бурана

Туман загадок вокруг героя, пожертвовавшего 6 февраля 1943 года своей жизнью ради товарищей, закрутился с самого начала. Впервые о его подвиге сообщила красноармейская газета «За Родину» («дивизионка» 137-ой стрелковой – А.П.) 13 февраля 1943 года, то есть спустя неделю после боя у деревни Лески. Но в том номере было названо только имя героя – Буран. И только 14 марта (*прошло больше месяца!*) журналист газеты «За Родину», лейтенант Д.Кабаков, публикует большой материал «Бессмертный подвиг Бурана Исимбаева», в котором впервые называет фамилию миномётчика 771 стрелкового полка.

Такого рода подвиг бойцами 137 стрелковой дивизии был совершён впервые, и потому командир полка Гордиенко уже 7 апреля 1943 года представил Бурана Исимбаева посмертно к званию Героя Советского Союза. Однако командующий 48-й армией генерал Романенко наложил резолюцию: «Наградить орденом Отечественной войны 1-й ст. Описать подвиг для родных и районных организаций в армейской газете».

И приказом Военного совета армии № 26/Н от 19.4.43 г. Буран Исимбаев удостоился первоначально ордена Отечественной войны I степени. Когда же в армейской газете появился обстоятельный материал о подвиге Бурана, штаб фронта запросил наградной лист на присвоение ему звания Героя Советского Союза. Таким образом, за один подвиг Исимбаева наградили дважды.

Когда в Казахстане в 1963 году выяснили (*но как – до сих пор неизвестно*), что настоящая фамилия героя – другая, то в Указ Президиума Верховного Совета СССР было внесено изменение, и теперь фамилия его звучит как *Нсанбаев*. Однако в литературе и на интернетских сайтах о Героях Советского Союза встречается и такое написание, как - «*Нысанбаев*» (так называется, к примеру, улица в честь героя в казахском городе Атырау – А.П.).

Есть у Бурана Нсанбаева и ещё одна тайна. На сайте ОБД «Мемориал» имеются два документа разных лет, подписанные двумя разными военными Покровского района Орловской области, в которых названы два разных места захоронения Бурана Нсанбаева - Лески и Дросково, хотя за этот период (1992-1997) никаких переносов останков павших не было. В Покровском районе упоминалось также и третье место захоронения Героя – в селе Верхний Жёрновец. Однако ни в одной из этих братских могил Бурана Нсанбаева нет в списках захороненных.

В ноябре 2009 года я работал с документами 137 дивизии непосредственно в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске. Но и там, пересмотрев десятки списков безвозвратных потерь по дивизии за период с января по апрель 1943 года включительно, я не обнаружил человека по фамилии «Исимбаев» или с какой-либо похожей фамилией, погибшего 6 февраля 1943 года у деревни Лески. Так что эту тайну ещё предстоит раскрыть.

Память

А вот о подвиге, совершённом на орловской земле Бураном Нсанбаевым, *(он сделал это, как и Матросов, тоже в феврале 1943-ого, но три недели раньше – А.П.)*, знают и в России, и в Казахстане.

На месте его гибели в деревне Лески воздвигнут обелиск, в селе Дросково поставлен памятник Герою. Есть материалы о нём в нескольких школах Покровского района и в областном Военно-историческом музее.

На родине Героя, в Казахстане, именем Бурана Нсанбаева названы школы в селе Коктогай Индерского района Атырауской области *(бывшее село Зелёное Новобогатинского района Гурьевской области, неподалёку отсюда он родился – А.П.)* и в посёлке Бирлик. В родном селе установлен ему памятник, а в областном центре одна из новых улиц получила имя Героя.

В 2008 году в селе Коктогай прошли мероприятия, посвященные 90-летию со дня рождения знаменитого земляка. В школе, носящей его имя, прошёл митинг. К бюсту Бурана Нсанбаева в центре села были возложены живые цветы.

А в год 65-летия Победы в Великой Отечественной войне небольшая казахстанская делегация побывала в Покровском районе, посетила место подвига Героя и убедилась, что о сыне казахского народа не забывают на Орловщине – ведь мы вместе сражались и победили фашизм.

Иван Внуков – наш земляк-генерал

Никогда не думал уроженец Орловщины Иван Внуков, что доведется ему многие годы провести в Средней Азии. Но так уже сложились обстоятельства, что уроженец Средней России в 1923 году оказался в Туркестане, где воевал с басмачами в Ферганской и Самаркандской областях до 1927 года, совершив множество переходов через безводные пустыни.

Из тех краев в тридцатом году уехал в Москву на курсы усовершенствования при штабе РККА. Уехал вместе с женой Анной и трехлетней дочерью Эмилией - из знойной Азии в прохладный Ленинградский военный округ. После нескольких лет службы в штабе округа Внуков был назначен начальником штаба 104-й горнострелковой дивизии. В составе этой дивизии подполковник принял участие в советско-финской войне (с декабря 1939 по март 1940 года) и за «образцовое выполнение задания в борьбе с белофиннами» получил свою первую награду – орден Красной Звезды.

Когда началась Великая Отечественная война, 104-я стрелковая сражалась с врагом на Карельском фронте. И довольно успешно. В августе 1941 года полковник Внуков (редкое событие тех лет – А.П.) был награждён орденом Красного Знамени. Когда обстановка на фронте стабилизировалась, командование сочло возможным командировать И.И. Внукова на учебу в Академию им. Ворошилова. Уже оттуда его направили на Западный фронт в 45-й стрелковый корпус на должность начальника штаба.

Здесь наиболее полно раскрылся военный талант нашего земляка, его умение «четко разрабатывать предстоящие операции, обеспечивая их успешным выполнением». Подтверждение тому – награды. За полтора года войны к предыдущим наградам прибавились три ордена Красного Знамени и орден Кутузова II степени.

После войны генерал-майор И.И. Внуков проходил службу в Приморском и Киевском военных округах – командовал 184-й Краснознаменной, орденов Суворова II степени и Кутузова II степени, дивизией, возглавлял оперативный отдел штаба армии, руководил штабом стрелкового корпуса.

Ушел он в запас рано, одолели болезни. В послужном списке сказано: *«Уволен в запас с правом ношения военной формы, с особыми отличительными знаками на погонах».*

Почетный гражданин Орла (рассказ о Дмитрие Павловиче Еськове)

В 2007 году в Орловском издательстве «Вешние воды» вышла из печати (уже третьим, дополненным изданием) книга «Почетные граждане города Орла». Ее авторы, сотрудники областного краеведческого музея - наша землячка А. Гольцова и директор книжного издательства А. Лысенко.

В книге - около двухсот страниц. В ней содержатся 44 рассказа обо всех почетных гражданах города Орла – с момента принятия Положения о звании «Почетный гражданин города Орла» в 1967 году.

Имена многих из них широко и давно известны. К примеру, Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян, генерал армии, участник освобождения города Орла в 1943 году А.В. Горбатов, знаменитый летчик, Герой Советского Союза А.П. Маресьев и многие другие.

Но среди почетных граждан города Орла есть и наш земляк – уроженец деревни Усть-Лески бывшего Дросковского района Дмитрий Павлович Еськов.

Он родился 10 июля 1922 года в крестьянской семье Еськовых (в деревне Усть-Лески – тогда ещё Малоархангельского уезда Орловской губернии). После окончания в 1940 году Дросковской средней школы (большая редкость в те годы для жителей села) Дмитрий Еськов поступил в Орловское бронетанковое училище имени М.В. Фрунзе. В связи с началом войны был произведен ускоренный выпуск из училища. 19-летнего лейтенанта Д.П. Еськова назначили командиром танка Т-34 в 49-ю отдельную танковую бригаду.

В декабре 1941 года бригада в составе 16-й армии Западного фронта участвовала в контрнаступлении под Москвой, и тогда Дмитрий Еськов сумел отличиться.

В феврале 1942 года Еськов стал командиром взвода танков Т-34 в 438-м отдельном батальоне 49-й армии, дважды был ранен в бою за город Юхнов,

стал кавалером ордена Красного Знамени и получил звание старшего лейтенанта.

В августе 1942 года, командуя уже ротой тяжелых танков «КВ» в Ржевско-Сычевской операции, Дмитрий Павлович снова отличился. За это он был награжден орденом Красной Звезды.

К весне 1943 года Еськов превратился в опытного командира, не раз отличавшегося в боях. В начале лета того же года Дмитрий Павлович, досрочно получивший майорское звание, был назначен заместителем командира 13-го отдельного гвардейского тяжёлого танкового полка прорыва, в составе которого Еськов потом сражался до конца войны.

Полк в это время перевели на Брянский фронт, и Дмитрий Павлович вскоре вместе с ним принял участие в наступательной операции «Кутузов».

Как известно, она началась 12 июля 1943 года. И уже в первый день боёв по прорыву обороны противника отличились танкисты гвардии майора Еськова. Именно ему пришлось возглавить атаку, когда часть танков 13 гвардейского, не найдя безопасных проходов в минных полях, подорвалась на противотанковых минах, и наступление на некоторое время захлебнулось.

Вот какое донесение было отправлено в штаб 3 Армии:

«Оставшиеся ходовые 7 танков были организованы в общую группу под командованием гвардии майора Еськова Д.П., который сумел быстро и правильно оценить сложившуюся тяжёлую обстановку. Он повёл группу танков в обход высоты 248,0 с севера и тем самым обеспечил прорыв обороны противника на глубину всей его первой позиции, завершив боевой день окружением и пленением во взаимодействии с частью сил соседней 250 стрелковой дивизии до 200 солдат и офицеров противника в роще «Топор».

В ходе трёхнедельных боёв 13 отдельный гвардейский тяжёлый танковый полк прорыва понёс большие потери, и на самых подступах к Орлу в его составе осталось только 5 КВ. Понесли потери и другие танковые части, поэтому перед самым штурмом Орла командование приняло решение объединить их под общим руководством командира 17 танковой бригады полковника Б.В.Шульгина.

В одном из танков своего полка принял участие в освобождении Орла и Дмитрий Еськов. Как член экипажа танка под №10 он со своими товарищами-танкистами ворвался в город в районе железнодорожного узла. Преодолев спуск с железнодорожного полотна, танки двинулись по Пушкинской и Московской улицам. Однако, поскольку сопровождавшая танки пехота отстала, гитлеровцы сумели опомниться: по броне танков защёлкали пули, из домов посыпались гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Один танк Т-34 подорвался на фугасе на Московской улице, другой (Т-70) – задымил на Пушкинской.

В этих условиях майор Еськов объявил себя старшим, объединил все танки в две группы, каждая из которых двигалась по своей улице, используя построение в виде клина. Это обезопасило танки от гранат, бутылок и автоматных пуль с чердаков, верхних этажей и крыш. Таким образом, уже

сравнительно спокойно, танкистам удалось дойти до реки Оки, мост через которую был взорван буквально перед самым подходом наших танкистов.

В этих условиях было решено занять круговую оборону в районе перекрёстков Московской, Пушкинской, Рабочей и Курских улиц, поскольку сопротивление противника в городе ещё не было сломлено: продолжались обстрелы из окон и с крыш зданий. А осколками брошенной гранаты были ранены трое танкистов, в том числе лёгкое осколочное ранение получил гвардии майор Еськов. Этот осколок, кстати, так и остался в голове танкиста до конца жизни. Он не мешал, и врачи не стали его даже извлекать, чтобы не делать на лице лишнего шрама.

Боевые действия танкистов в городе закончились утром 5 августа. Всего из 45 начавших наступление наших танков в город прорвались только 19. Вот так отчаянно сопротивлялся враг. Погибших танкистов похоронили в Первомайском сквере, который позже был переименован в сквер Танкистов и превратился в величественный мемориал, хорошо известный всем орловчанам.

А гвардии майор Еськов, награждённый за Орёл вторым орденом Красного Знамени, продолжил свой путь дальше - на Брянщину, в Белоруссию, на Украину, в Прибалтику. Ещё дважды он был ранен и несколько раз награждён.

После войны Дмитрий Еськов закончил Бронетанковую академию имени Сталина, служил в Ульяновске. К этому времени здесь обосновалось Орловское бронетанковое училище. В 1952 году ему присвоили звание полковника.

С 1965 по 1975 годы Дмитрий Павлович Еськов работал начальником первого отдела управления кадров тыла МО СССР, затем советником командира танковой бригады в Афганистане.

Восемь боевых орденов и двенадцать медалей украшали китель полковника в отставке.

15 июля 1993 года Дмитрию Павловичу Еськову было присвоено звание «Почетный гражданин города Орла». Жил наш герой войны в последние годы в Москве, но в родном городе бывал неоднократно, всегда находил время, чтобы встретиться с земляками.

К сожалению, Дмитрия Павловича уже нет рядом с нами. Он скончался весной 2000 года. В Галерее Почётных граждан города Орла, размещившейся в Зале Славы на втором этаже здания городской администрации, портрет полковника Еськова – один из самых заметных.

Слава и её кавалер

Чтобы вполне оценить труд сапера на войне, надо, по крайней мере, представить себя красноармейцем за несколько минут до наступления. Как ты себя будешь чувствовать, если знаешь, что, поднявшись из укрытия, натолкнешься вначале на проволочные заграждения высотой более чем по пояс, затем тебя ожидает поле, засеянное противопехотными и

противотанковыми минами. За этим полем последует проволочное заграждение, такое же, как первое. После него – опять минное поле.

Если ты сумеешь преодолеть эти преграды, встретишь третью линию проволочного заграждения – спиральную проволоку Бруно. Это густая бесконечная колючая спираль диаметром около метра, намотанная на деревянные козлы. Проволока скручена кругами, и, когда режешь ее, она распускается, как пружина, запутывая уже прорезанные бреши и лазы.

Ты сумел преодолеть и эту спираль, видишь перед собой насыпь немецкого окопа, но если безоглядно ринешься к нему, то обязательно наткнешься на еще одно скрытое препятствие – спотыкач. Это тоже проволочное заграждение, на кольшиках высотой по щиколотку, так что его почти не видно в траве. Он опасен тем, что встречается в самом неожиданном месте – и перед окопами, и на минных полях.

Ты уже представил себе атаку, читатель? Тебе еще не страшно?

Так вот, первыми бойцами, преодолевшими укрепленную полосу обороны противника, всегда становились саперы. Именно им предстояло за несколько минут до начала наступления прорезать проходы в проволочных заграждениях и разминировать минные поля.

Одним из таких саперов в годы Великой Отечественной войны и был наш герой – полный кавалер орденов Славы Иван Максимович Черкасов.

Крестьянский парень из села Трубицино Покровского района, после семилетки он уехал на Украину, где многие из его земляков уже работали шахтерами.

После полугода обучения в ФЗО, в 16 лет Черкасов начал работать проходчиком на шахте № 5 в г. Чистякове Донецкой области. Только-только появились здесь врубовые машины, и молодой шахтер за короткое время освоил одну из них. Многое удивляло крестьянского парня в шахте – штреки и штольни, большая глубина, вагонетки, лошади, годами жившие под землей.

Постепенно втянулся Иван Черкасов в новое для него дело, от старых мастеров опыта поднабрался. Да тут война началась.

Эвакуировали шахтеров из Донбасса в августе 1941 г. Так оказался Иван почти в родных местах – в Ельце, откуда, несмотря на молодость (лишь 18-й год шел парню), призвали Черкасова в Красную Армию.

Так началась военная служба. 181-й запасной стрелковый полк, 533-й отдельный саперный батальон, 12-й отдельный саперный десантный батальон и, наконец, 116-й отдельный саперный батальон – в этих воинских частях служил и воевал покровский уроженец.

«Судьба берегла его для необыкновенного», - сказал кто-то из писателей об одном из своих персонажей. В полной мере эти слова можно отнести к Ивану Максимовичу Черкасову. Да, судьба берегла его. Еще не дойдя до фронта, повстречался сапер лицом к лицу со смертью, да мимо она прошла, лишь ледяным дыханием опалила. А было это под Ливнами, на реке Сосне, где во время начавшегося весной 1942 года ледохода Черкасов с товарищами

взрывал лед, пытаясь спасти от разрушения временный железнодорожный мост, стоявший на деревянных опорах. После нескольких взрывов эти опоры не выдержали, и мост рухнул вниз вместе с саперами. Многие из взрывников погибли, а чудом спасшегося Черкасова сняли со льдины подоспевшие с берега однополчане.

Во второй раз смерть напомнила о себе уже летом 1943 года, при форсировании Неручи. Пришлось тогда Ивану на пару с товарищем разминировать огромное минное поле рядом с рекой. Первая, вторая, пятая – сколько их, проклятых мин, вынули из земли уже начавшие дрожать от усталости и напряжения руки – они сбились со счета.

Вот и берег Неручи рядом, да раздался вдруг негромкий хлопок, на который оба успели среагировать – упали лицом вниз. Это сработала немецкая противопехотная шрапнельная мина, прозванная нашими бойцами «лягушкой» за ее способность подпрыгивать на высоту более метра, а уж потом взрываться, разбрызгивая во все стороны несколько сот смертоносных свинцовых шариков.

Кто из двоих зацепил растяжку мины – они так и не поняли, но смерть прошла над их головами. Лишь один из шариков впился в правую ногу Черкасову (кстати, до сих пор шарик так и сидит в ноге – вот уже 60 с лишним лет). А шедший сзади в двадцати шагах третий сапер среагировать не успел – картечью, как косой, разрезало его на две половины. Пришлось при его похоронах класть в братскую могилу отдельно верхнюю и нижнюю части туловища.

Провела судьба Ивана благополучно через деревни и села родной Орловщины (освободить которую ему пришлось зимой и летом 1943 года), через Брянщину, Белоруссию, Польшу. Больше десятка только крупных мостов довелось возводить под сильнейшим огнем противника саперу Черкасову, организуя переправу пехоты, артиллерии и танков на вражескую территорию. А сколько мин разминировали сам Иван и его 1-е отделение 1-го взвода 1-й роты 116-го отдельного саперного батальона, он не считал. Но несколько тысяч, точно.

Командир батальона, майор Плотников ценил Ивана Черкасова, ставил его отделение в пример и отправлял на самые трудные и ответственные задания. Одним из таких было проведение разведки боем на границе Новосильского и Залегощенского районов, когда сержант Черкасов со своими бойцами сумел незаметно проделать проходы во вражеских позициях, ворвался в немецкие окопы и взорвал один из очень досаждавших нашим войнам дотов. Все отделение благополучно вернулось к своим, Черкасову за мужественные и умелые действия вручили орден Красной Звезды.

Главными же наградами сапера Ивана Черкасова стали ордена Славы. Все они были им получены за умелую организацию переправ через большие реки. Первой из них стала река Сож (крупный приток Днепра), на которой стоит город Гомель. Отделение Черкасова вместе с другими соорудило всего

лишь за несколько часов (под непрерывным обстрелом противника) понтонный мост, который помог быстрой переправе наших войск и захвату плацдарма на вражеском берегу.

За умелую организацию переправы через Вислу в Польше (южнее Варшавы, на знаменитом Сандомирском плацдарме), где Черкасову пришлось строить настоящий деревянный мост на опорах, он удостоился ордена Славы второй степени. А за форсирование Одера в апреле 1945 года сапер Черкасов получил и высшую, первую, степень почетнейшего солдатского ордена, став его полным кавалером.

Войну старший сержант закончил в Берлине, за участие в штурме которого он был награжден медалью «За взятие Берлина». Так получилось, что 9 мая 1945 года война для Черкасова еще не закончилась – его в числе других направили на Дальний Восток – громить милитаристскую Японию. Как одному из самых лучших воинов 41-й стрелковой дивизии орденосцу доверили участвовать в Параде Победы 24 июня.

В августе 1945 года старший сержант освобождал от японских самураев Курильские острова и Южный Сахалин. На Дальнем Востоке закончилась наконец-то для Ивана Максимовича Черкасова Вторая Мировая война.

Тяжелый груз ее, грязь, пот и кровь он смыл как будто, искупавшись в одном из горячих минеральных источников на острове Кунашир. «Как заново родился», - вспоминает Иван Максимович.

Демобилизовался Черкасов из армии в 1947 году. Сначала жил и работал он в селе Дросково, куда из Трубицино перевёз старенький родительский дом. А через несколько лет, устроившись работать фельдшером на районный узел связи, переселился Иван Максимович в посёлок Покровское, где и живет на улице Комсомольской до настоящего времени.

Почти 50 лет отработал Иван Максимович в районном узле связи, и в его трудовой книжке только одна запись о месте работы, зато огромное число благодарностей.

Как ветеран Черкасов – постоянный гость в школах и Покровском техникуме, где рассказывает о себе, о товарищах, о войне.

Не забывают об Иване Максимовиче районные и областные власти, вручая ему благодарственные письма и подарки к 9 мая и к 5 августа. Самый памятный из них – автомобиль «Нива», подаренный губернатором области Е.С.Строевым в 1999 году.

Кроме Парада Победы 1945 года Черкасов еще трижды – в 1985, 1995 и 2005 годах – участвовал в юбилейных парадах на Красной площади (правда, на последнем он уже не шёл в общем строю, а находился среди почётных гостей на трибуне).

4 октября 2009 года заслуженный связист России Иван Максимович отметил свой 85-летний юбилей, а 9 мая 2010 года – и 65 лет Великой Победы, которая была завоевана Черкасовым и его товарищами.

Колхоз имени Кагановича в 50-ые годы XX века

Трудной была жизнь колхозной деревни в первые послевоенные годы. Да и в 50-ые годы XX века колхозникам жилось не намного лучше. Мы это покажем на примере одного из колхозов Дросковского района – имени Кагановича (центром его была деревня Внуково).

Отчетное собрание по итогам 1952 года здесь проходило 9 февраля 1953 года. С отчетом выступил председатель колхоза И.В. Внуков.

«План весеннего сева, - сказал он, - выполнен на 100 процентов. Расширен сев озимой пшеницы на 14 га, в общей сложности, озимый сев 1952 года превысил посевной план 1951 года на 102 процента».

Все остальные пункты постановления по итогам собрания свидетельствовали только о недостатках: весенний сев длился полтора месяца, урожайность составила 4,9 центнера с гектара, план хлебозаготовок не выполнен, семенами колхоз обеспечен только на 35 процентов, фуража нет, очень низкий урожай картофеля, план развития общественного животноводства не выполнен по всем видам, надой молока на одну фуражную корову составил всего 712 литров, наблюдался большой падеж скота (50 коров, 92 овцы, 48 свиней, столько же лошадей, 515 голов птицы). Очень мало колхозники получили на трудодень (даже стыдно на собрании было назвать эту цифру – сколько граммов).

Председатель Внуковского сельсовета, выступая на отчетном собрании, сказал, что *«за год изменений в лучшую сторону никаких, за что ни возьмись – все плохо».*

Хотя отчетное собрание (как ни странно) признало работу правления удовлетворительной, председателя колхоза сменили. Было избрано новое правление во главе с Н.С. Ушаковым.

Ему удалось немного улучшить положение хозяйства по сравнению с 1952 годом. Увеличился валовой сбор зерна, были выполнены планы сдачи государству хлеба, картофеля, мяса, молока, засыпаны семена на всю посевную площадь и на 15134 рубля возрос доход.

Но вместо планового валового сбора зерна – 16577 центнеров - было получено всего лишь 7279 (меньше 50 процентов), не выполнены планы по животноводству. На трудодень выдано всего 300 граммов хлеба. Низкой оставалась и трудовая дисциплина.

17 марта 1954 года состоялось объединение колхоза имени Кагановича с сельхозартелью «Большевик» (председатель Дубовиков М.А.). Выступивший на объединенном общем собрании председатель Дросковского райисполкома А.А. Томилин сказал, что при мелком коллективном хозяйстве нельзя получать высокие результаты, а потому надо объединяться.

На собрании было избрано новое правление укрупненного колхоза во главе с И.А. Блынским.

Новый председатель, Иван Арсентьевич Блынский, родился в многодетной крестьянской семье. Мать умерла, когда ему было 2 года. Отец воспитывал пятерых детей один. Иван закончил семилетку, поступил в

Новозыбковский сельхозтехникум, но не доучился год, так как началась война. Старший сержант Блынский принял в ней участие авиационным механиком в авиачастях на Западном, Сталинградском и других фронтах.

После войны Иван Арсентьевич закончил Новозыбковский сельскохозяйственный техникум, получил диплом агронома и был направлен в родной Дросковский район. Работал главным агрономом райзо, заведующим. А в марте 1954 года по решению РК КПСС, вместе с рядом других работников, был направлен на руководящую работу в укрупненный колхоз имени Кагановича.

Иван Арсентьевич оказался не простым человеком. Не все колхозники были в восторге от нового председателя. Но Блынский держал свое обещание и постепенно превращал колхоз в передовое хозяйство, часто действуя жесткими административными мерами.

Результаты работы нового председателя стали видны уже на первом году. Вот что говорилось в постановлении общего собрания колхозников, проходившего в феврале 1955 года и подводившего итоги 1954 года: *«В результате укрепления колхозов «Большевик» и имени Кагановича значительно организованнее и качественнее прошли сельскохозяйственные работы. Весенний сев проведен за 6 дней, план сева пшеницы выполнен на 145 процентов, перевыполнен план сева конопли и картофеля. Колхоз досрочно к 8 августа выполнил план заготовок и закупок хлеба государству.*

На трудодень выдано 3 килограмма хлеба и 84 копейки».

Были выполнены планы развития общественного животноводства, улучшилась трудовая дисциплина. 108 колхозников выработали больше 300 трудодней. 48 передовиков получили денежные премии и подарки. Денежный доход хозяйства составил 476 605 рублей (в 1953 году – 145 248 рублей).

И хотя низкой оставалась средняя урожайность зерновых (8-9 центнеров с гектара), мала была производительность в животноводстве, где допустили падеж скота, и не уделялось внимания подсобным отраслям, результат по сравнению с 1953 годом был настолько разителен, что общее собрание колхозников признало работу правления за 1954 год хорошей.

На общем собрании в феврале 1955 года колхоз имени Кагановича объединился с колхозом «Путь Ленина». и стал вторым по величине площадей и числу жителей колхозом Дросковского района.

На 1 января 1956 года в хозяйстве было 490 дворов с наличием 1015 членов колхоза. А всего на территории хозяйства проживало 1700 человек (из них 493 трудоспособных). Колхоз делился на структурные подразделения – бригады во главе с бригадирами. Всего из насчитывалось восемь: первая бригада – деревня Внуково, вторая – Морозово, третья – Манино, четвёртая – Погонево, пятая – Енино 2-ое, шестая – Васютина, седьмая – Енино 1-ое, восьмая – Ракитина.

После этого укрупнения колхоз под председательством И.А. Блынского работал надежно и стабильно.

Был досрочно к 17 августа выполнен план хлебопоставок, заготовок и закупок по молоку, мясу, шерсти и картофелю. Построили зерносклад на 2000 центнеров, 2 свинарника на 400 голов, здание правления, коровник на 60 голов, гараж. Впервые в 1955 году посеяли новую культуру – кукурузу, основная масса которой пошла на силос.

Денежный доход составил 1 207 000 (на 491 000 рублей больше, чем в 1954 году).

Но все эти успехи колхоза под председательством И.А.Блынского достигались жёсткой дисциплиной и требовательностью руководителя.

Все трудоспособные члены колхоза в течение года должны были выработать определенный минимум трудодней. В 1952-1956 годах он составлял для мужчин от 225 до 250 трудодней, для женщин – от 150 до 175. Конечно же, в колхозе были передовики, которые всегда вырабатывали этот минимум и даже больше. Вот, к примеру, в 1955 году рекорсмены по числу трудодней: Иван Устинович Леонов (881 трудодень), Тимофей Матвеевич Семенов (798), Яков Алексеевич Дубовиков (797), Александра Васильевна Блынская (721), Аким Илларионович Енин (715).

Но всегда находились те, кто по тем или иным причинам минимум трудодней не вырабатывал. Список недисциплинированных колхозников выносился на общее собрание или на заседание правления, а затем принималось решение. В 1955 году не выработали минимума 85 человек. Только очень у немногих из них члены правления колхоза нашли причины невыходов на работу уважительными, часть предупредили, а остальных привлекли по закону или оштрафовали на 3-5 трудодней.

Штрафовали и за разного рода нарушения: за то, что не уберут картошку – вычет пяти трудодней и убытки отнести за счёт виновных, за то, что конюх дал лошадей для поездки в Колпну – штраф – 15 рублей и т.д. и т.п.

Рабочий день рядового колхозника начинался с наряда, который он получал от бригадира. Вообще-то, колхоз имени Кагановича, как и многие хозяйства 50-х годов XX века, был многоотраслевым: выращивали пшеницу, рожь, гречиху, ячмень, чечевицу, кукурузу, свеклу, картофель, коноплю, овощи, яблоки, разводили крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, лошадей, пчел.

Колхозники работали, конечно же, и на своих приусадебных участках. Правление строго следило за размером каждого участка, и если он вдруг оказался больше – немедленно отрезали лишние сотки земли. Трудно приходилось тем жителям, у кого не оказывалось трудоспособных, их могли лишиться огорода. Из колхоза уехать было непросто – существовали многочисленные препятствия при получении паспорта, который у колхозников отсутствовал.

Во второй половине 50-х годов жизнь на селе стала меняться в лучшую сторону. Крестьяне получили возможности как для развития личного хозяйства, так и для получения паспорта. Они могли теперь покидать родные места – чтобы уехать в город на учебу или работу в города.

О Дросковской школе

Когда в 1996 году Дросковской школе тоже исполнилось 60 лет, в районной газете «Сельская правда» поделился своими воспоминаниями выпускник 1946 года В.С. Харчиков, учитель физкультуры этой школы. Вспомнил он, как учились в ту далекую пору, когда школа «располагалась в нескольких зданиях на территории нынешней Дросковской больницы». Как ребята ходили пешком по десять и более километров, носили книги «в сумках или пачками под мышкой, перевязанные крест-накрест веревкой».

Было тревожно. В сороковом только закончилась война с Финляндией. Поэтому в школе, кроме учебных предметов, изучали устройство винтовки, противогаза. По плакатам знали силуэты наших и немецких самолетов. Учились перевязывать раны.

...Директором был тогда Владимир Филиппович Пенченко.

20 ноября 1941 года в Дросково вошли немецкие части. Полтора года жили в немецкой оккупации. Школа было разрушена.

Занятия возобновились лишь после изгнания фашистов в сентябре 1944 года. Ходили в деревню Новосильевка. Сидели на самодельных скамейках. Образование было платным. Не хватало учебников. Писали между строчками старых книг самодельными чернилами. Учились в хатах до тех пор, пока районный центр не вернули на прежнее место, в село Дросково.

Отдельное двухэтажное здание для школы появилось в 1954 году. В 1962 году в строй были введены пристройка со спортзалом, интернат на 100 мест, стадион, а чуть позднее - хоккейный корт. В 2012 году школа капитально отремонтирована, произведена перепланировка прилегающей территории, приобретено новое оборудование.

В 1968 году здесь, усилиями замечательного учителя физкультуры, Владимира Семёновича Харчикова, был создан единственный в области спортивный клуб «Олимпия», а в 1995 году - единственный на Орловщине музей спортивной славы. Чуть позже появились и другие отделы музея.

Директорами Дросковской школы были: Иван Фёдорович Семенов, Анастасия Онуфриевна Фролова, Иван Иванович Черников, Федор Перфильевич Сафронов, Иван Иванович Агрызков, Петр Григорьевич Паньков, Иван Филиппович Сенач.

Более четверти века руководил школой участник Великой Отечественной войны Михаил Яковлевич Ефремов. После него работали Владимир Иванович Калинин, Валентина Георгиевна Павлова, Ольга Григорьевна Коваленко. Сейчас (с 1 сентября 2011 года) во главе школы – её выпускник, Михаил Валентинович Ретинский.

Коллектив школы гордится тем, что в ней работала ещё в 20-ые годы XX века известная российская художница Антонина Софронова, учились члены Союза писателей СССР: поэт Дмитрий Блынский, прозаик Александр Харчиков, журналисты Виктор Бабаев, Людмила и Михаил Смагины.

О детском саде села Дросково

В книге приказов по Дросковскому районному отделу образования (она хранится в архиве Покровской районной администрации) есть короткий приказ №9 от 1 июля 1956 года:

«В связи с открытием детского сада в райцентре приказываю –

1. Шалимову Альбину Николаевну, окончившую Елецкое педучилище (дошкольное отделение), назначить воспитателем.
2. Ушакову Марию Сергеевну – уборщицей.
3. Савичеву Наталью Михайловну – поваром.

Зав. РОНО – М.Ефремов».

Рассказы о дросковчанах

Георгиевский кавалер Афанасий Шатохин

Фотография

Когда весной 1943 года жители деревни Погонево (ныне – Покровского района), изгнанные фашистами из родных домов, в течение года находившихся на самой линии фронта, возвратились в свою, месяц назад освобождённую советскими войсками деревню, увидели они, что остался в их селении только один целый дом, да и тот без окон и дверей. В нём, отремонтированном, заработала осенью Погоневская начальная школа. А самим жителям деревни пришлось первое время жить в выкопанных на скорую руку землянках или (в лучшем случае) – в оставленных немцами уцелевших блиндажах.

Строя их, гитлеровцы разобрали большинство деревянных домов погоневских колхозников. Так что, небольшая семья, состоявшая всего лишь из двух женщин, - 17-летней сироты Маши Шатохиной и её родной незамужней тётки Евдокии Теряевой, два послевоенных года обитала вроде бы на своём месте, даже со своими стенами и потолком, но в пропахшем немецким духом чужом «бункере» (так до сих пор Мария Афанасьевна Шатохина называет немецкое сапёрное сооружение).

Но прибыл однажды на побывку в родную деревню старший брат Маруси, Дмитрий Шатохин. Он, фронтовик, всю войну прошёл, скорее, даже проехал «с огоньком» - пулемётчиком в 33-ем отдельном дивизионе бронепоездов и продолжал служить где-то в Эстонии.

Митя и предложил сестре и тётке: «Хватит вам в этой немецкой халупе ютиться, пора в дом перебираться, тем более, его есть из чего построить». И, не откладывая дело в долгий ящик, начал, с помощью женщин, курочить ненавистный фашистский «бункер». Когда работа уже в самом разгаре была, то, убирая мусор разобранного полностью блиндажа, закричала вдруг Маша: «Папа, папочка!» Вздрогнули даже брат и тётка: что это с нею, какой папа,

ведь умер Афанасий Демьянович Шатохин незадолго до войны и похоронили его скромно на Дросковском кладбище?

Но тут Маруся всё объяснила: «Смотри, Митя, тётя Дуня, смотри!» Глядят они, а в руках у радостной Маши то фото, которое уже и не надеялся никто увидеть. Не так много бумаг и каких-либо документов было у Шатохиных, но все они оставались в доме, когда тётю и племянницу немцы из него выгнали. С тех пор прошло уже несколько лет.

И тут вдруг, слегка пострадавшая, но всё-таки, целая, единственная фотография любимого отца, георгиевского кавалера Афанасия Шатохина, в госпитале после ранения. Радость? Конечно, да ещё какая!

И нахлынули на родных воспоминания: «Митя, помнишь?» «А ты, Маруся?»

Отец

Афанасия Демьяновича Шатохина перед войной в Погонево «знала каждая собака». И не потому, что он был начальник или грамотей какой-то, а просто как мастера «золотые руки». По плотницкой, столярной части, по кладке дома или печи, - всё умел Шатохин. И я не просто так сказал – «каждая собака»: животных Афанасий Демьянович тоже любил, всегда умел найти к ним нужный подход, и «братья меньшие» отвечали ему взаимностью. Лошадь Лучка, которая была у Шатохиных в период их единоличного хозяйствования, а потом в колхоз перешла, без всякого кнута, по голосу, понимала, что надо делать – хозяин её любовью и лаской всему научил.

И в семье Афанасия Демьяновича до поры-до времени всё ладно шло: верная и любящая жена Анна четверых деток ему родила – двух сыновей и двух дочерей. Но в 1925 году случилось большое горе: Анна Андреевна Шатохина умерла. Спасая картошку в погребе, куда зашла вода, несколько часов простояла в ледяной воде. Простудившись, получила двустороннее воспаление лёгких, от которого уже не оправилась.

Старшему сыну Пантелею шёл тогда пятнадцатый год, а младшей Маше ещё и двух лет не исполнилось. После того, как 40 дней прошло, и год минул, сердобольные погоневские женщины советовали Афанасию Демьяновичу жениться – ведь не поднимет он без женских рук своих малолеток.

Отмалчивался Шатохин, поскольку знал, что Анну ему никто не заменит. Да ещё тут родная сестра покойной жены, Евдокия, которую в деревне «монашкой» звали, в разговоре с Афанасием сказала: «Не брошу я племянников и племянниц, тем более, крёстную Машу». Жила Евдокия Андреевна по соседству, и пока Афанасий Демьянович с разными делами управлялся, за сыновьями и дочерьми его присматривала.

А как приходили поминальные дни, особенно на пасху, говорил Шатохин: «Ну что, дети, пойдём мамку навестим». Единственная оставшаяся в живых из этих детей, 88-летняя Мария Афанасьевна, вспоминает: «Мне, как младшей, даст яичко, младшему брату – пасху, а сестре Анне – мешочек с пшеном. Придём на кладбище в Дросково (а до него – четыре километра), я

на могилку матери яичко положу, брат пасху покрошит, а сестра пшеном холмик посыплет. Отец стоит и что-то шепчет, обращаясь к могилке. И слёзы старается незаметно вытереть».

Вот так и жили Шатохины. И ничего – выдюжили, хотя порой Афанасию Демьяновичу совсем несладко приходилось по причинам, связанным с его прошлым. Во-первых, отец его, Демьян Шатохин, был зажиточным крестьянином, по деревенским меркам, кулаком -20 десятин земли имел. И вся она по наследству Афанасию досталась. И пусть потом сам наследник всё своё добро в колхоз передал, косились на него – «из кулаков, ведь, по социальному происхождению».

И, во-вторых, царские «побрякушки» с гордостью долгое время носил на крепкой своей груди Афанасий Демьянович, да ещё по 30 рублей от царя получал за них года два или три. Раз так, будь ты самый трудолюбивый – пошлют тебя, куда других не посылают, где потяжелее и погрязнее.

Но Шатохин не роптал, он честно выполнял свои обязанности: кормить-то детей и выводить их в люди - надо было! Однако, в 1937-ом самого добросовестного труженика погоневского колхоза «Победа», всё-таки, посадили как «врага народа». Не знаю, какие обстоятельства сыграли роль, но выпустили Афанасия Демьяновича Шатохина через год, не нашли (да и не могли найти) доказательств его «вражьей деятельности». А он за этот длинный, без любимых детей, год не раз вспоминал о врагах настоящих, тех, с которыми на фронте лицом к лицу сталкивался.

Война

В первый раз в царскую армию призвали Шатохина в 1901-ом. Три года отслужив, подумывать уже Афанасий о возвращении домой стал, но началась русско-японская война. Тогда и довелось ему, будучи на Дальнем Востоке, схлестнуться с японцами, вояками умелыми и злыми. А когда в 1914 году только-только Первая Мировая разгоралась, Афанасия Демьяновича Шатохина, уже женатого и двумя малыми детьми обременённого, снова мобилизовали.

Оказался он в 94 Енисейском пехотном полку, одном из самых знаменитых российских воинских соединений, отличившемся в русско-турецкую войну, на Шипкинском перевале. С началом Первой Мировой полк входил в состав 24 пехотной дивизии, которая принимала участие в ожесточённых боях, развернувшихся под Варшавой осенью 1914 года. Немцы пытались столицу Царства Польского взять, а русские войска изо всех сил отбивались.

Весь октябрь, ноябрь и первую половину декабря 1914 года 94 Енисейский пехотный полк сражался на берегах реки Равки, притока Вислы. Так, 11 октября, с раннего утра до позднего вечера енисейцы, переправившись через Равку, атаковали фольварк Марианов, за которым стояли немецкие орудия. К вечеру, ударив «в штыки», солдаты Енисейского полка ворвались на батарею, захватив 5 орудий и 3 пулемёта.

Через неделю, 18 октября, германцы в течение дня подвергли позиции 24 пехотной дивизии такому ожесточённому, не прекращаемому ни на минуту обстрелу, что вынудили к отступлению 94 Енисейский пехотный и два соседних полка. Отход был до линии бывших окопов, а потери за день в трёх полках составили до 30-40 офицеров и 2000 рядовых, вышло из строя 6 орудий, в том числе тяжёлых. В эти критические часы, когда требовалось полное самообладание, и отличился ефрейтор 10 роты 94 Енисейского пехотного полка Афанасий Шатохин.

Вот что было записано в приказе о награждении его Георгиевским крестом 4 степени (№89 129): *«За то, что в боях под городом Варшавой вынес из боя тяжело раненых офицеров своей роты, под сильным артиллерийским огнём, и вернулся обратно в строй».*

Долго везло Шатохину, но в 1916 году везение закончилось – попал по ранению в госпиталь. Вот тогда-то и сфотографировался единственный раз в жизни, вместе с некоторыми соседями-товарищами по палатам и с ухаживавшей за ними медсестрой. Посмотри на это фото, читатель.

Дети

Афанасий Шатохин скончался в конце мая 1940 года. Последние дни сильно мучился болями в животе, но очень надеялся, что всё пройдёт, в больницу обращаться не захотел.

Младшей дочери Марии, которая готовилась к сдаче выпускных экзаменов, сказал: «Иди и не волнуйся, поправлюсь». Но...не дождался Афанасий Демьянович любимой младшенькой из школы.

Похоронили георгиевского кавалера на приходском Дросковском кладбище. Земляной холмик да деревянный крест – вот и все памятники тех лет.

Детей своих Шатохин успел к этому времени вырастить, троим же, – и среднее образование сумел обеспечить. Старший сын Пантелей рано покинул родной дом, уехал в Москву и стал там журналистом, писал под псевдонимом «Виктор Шилов». В 1937 году он единственный раз приезжал на родину, в Погонево. Это было как раз перед его служебной командировкой в Китай. А потом следы Шилова-Шатохина затерялись: то ли там, на Востоке, то ли в сталинских лагерях.

Дмитрий, второй из сыновей, храбро отвоевав и отслужив, вернулся на родину. Жил в селе Дросково, где и похоронили его несколько лет назад.

Нет уже на белом свете и старшей из сестёр, Анны, ставшей вдовой в 1941 году, с четырьмя маленькими детьми на руках. Она (пример отца был перед глазами) тоже сумела их вырастить.

Жива из четверых детей георгиевского кавалера одна Мария Афанасьевна Шатохина, ветеран войны и педагогического труда. Тогда, на похоронах, горько плача по отцу, пообещала она себе, что отцовскую фамилию обязательно оставит, даже если замуж выйдет. Обещание сдержала. Четверо её детей – Гаврины, - по мужу, Михаилу Семёновичу, недавно

скончавшемуся, последнему фронтовику из села Дросково. А она, по всем документам, записана с отцовской фамилией – Шатохина.

И главная цель, которая осталась сейчас, на исходе жизни, у Марии Афанасьевны – поместить на могиле отца его фотографию, сделанную благодаря современным компьютерным технологиям. На этом фото бравый георгиевский кавалер изображён уже отдельно от своих товарищей (вот оно, в руках дочери георгиевского кавалера).

Думаю, мечта эта скоро осуществится.

«Пока я жив, обо мне не пиши...»
(памяти В.А.Васютина)

Василий Алексеевич Васютин умер, как пишут обычно в таких случаях, после тяжёлой и продолжительной болезни, в понедельник, 20 ноября 2000 года.

Ушла из жизни живая энциклопедия истории Покровского края. И в 75 лет он сохранял ясный ум и замечательную память, но не слушались, отказывали руки и ноги. Последние два года Василий Алексеевич редко уходил далеко от дома, а в конце жизни и вообще квартиры не покидал.

Он не любил, когда его мучили боли, и не любил, что бы кто-то видел его страдания. Поэтому в такие минуты никого к себе не приглашал. Однако, когда ему становилось легче, иногда звонил сам: «Ты что же деда забыл, давно не заходишь?». В ответ на мои оправдания прерывал: «да, ладно, я понимаю, работа. Но зайди, проведай, а если есть что новенького почитать – принеси».

И я, если было что принести, тут же показывал новинку Василию Алексеевичу. Он с огромным удовольствием прочёл трёхтомные мемуары У.Черчилля о Второй Мировой войне, воспоминания Павла Судоплатова и сына Берии – Серго. Всю жизнь ветеран собирал военные мемуары, каждую книгу прочитывал от корки и до корки и не то что каждого командующего фронтом знал, но и большинство командующих армиями в разные периоды войны.

Я по-хорошему завидовал в этом ему. Не могу сказать, что мы дружили с Василием Алексеевичем (он годился мне в отцы), но хорошими знакомыми 20 лет мы были точно. А сблизила нас история: я по профессии – историк, а Васютин помнил мало-мальски значимые события из истории Покровского и Дросковского районов в 1940-1980-ые годы. Причём, я однажды убедился, что его память не знает границ: названия более чем пятидесяти колхозов нашего края, существовавших в первые послевоенные годы, он перечислил мне, не задумываясь, а когда я обнаружил документы по этой теме, то убедился, что ни в одном названии ветеран не ошибся.

Встречались мы с Василием Алексеевичем нерегулярно, но таких встреч набралось достаточно, чтобы и о его биографии, и о событиях района я сумел узнать много нового и интересного. После каждого разговора с ним основные

моменты беседы я старался записать. И в результате через судьбу одного конкретного человека стала яснее видна судьба всей нашей великой Родины и края.

Когда я только начинал записи бесед с Васютиным, он сразу меня предупредил: «То, что касается района, - используй, но обо мне, пока я жив, не пиши». Не хотелось мне слушать в этом Василия Алексеевича, но он настоял.

И вои теперь его нет в живых, но многое из того, что он рассказывал, сохранилось в коротких, выразительных записях. Некоторые из эпизодов, рассказанных Василием Алексеевичем, достаточно откровенны (да и в выражениях он не стеснялся), о других время говорить ещё не пришло (живы пока их действующие лица). Но и того, что можно рассказать, хватит на несколько газетных полос.

5 мая 1923 года в посёлке Орлы, Малоархангельского уезда Орловской губернии, в многодетной крестьянской семье Алексея Михайловича и Феодоры Карповны Васютиных, родился шестой ребёнок, - сын, названный Василием. До него у Васютиных уже появилось на свет пятеро детей – три брата и две сестры.

Отец, Алексей Михайлович Васютин, среди соседей, да и всех односельчан выделялся талантами: и с землёй умел обращаться, и с пчёлами у него ладилось, и по столярному делу специалистом классным был. К началу 20-ых годов XX века он и на Украине успел побывать (на шахте работал), и гражданскую войну пережить (воевал Васютин в Красной Армии).

О братьях и сёстрах Василия Алексеевича – отдельный разговор. Здесь только упомяну, что все четыре брата и одна из сестёр воевали. Протасу Алексеевичу довелось испытать горечь отступления и плен, Федору Алексеевичу досталось в 1942-ом – он получил тяжёлое ранение и был демобилизован. Дмитрий Алексеевич пропал без вести в августе 1941 года на Брянском фронте.

Младший Васютин, Василий, рос, донашивая вещи своих старших братьев и под их постоянным присмотром.

До конца 1920-ых годов Алексей Михайлович Васютин жил единоличником, а когда началась коллективизация, в колхоз вступать не спешил. Но однажды в дом к ним явился уполномоченный: «Лёш, в колхоз вступать собираешься?» Алексей Михайлович не стал упорствовать (поскольку перед глазами был пример: нескольких середняков их деревни уже отправили в места отдалённые) и рисковать семьёй.

Колхоз «Начало», как и многие колхозы Дросковского района, не очень-то процветал (одно время председателем в нём был Федор Васютин), но Васютины жили лучше других за счёт пчёл, которыми продолжал заниматься и в колхозные времена Алексей Михайлович.

Благодаря мёду одевались Васютины более-менее сносно и учились все. Двое из детей получили высшее образование, что для орловской довоенной

деревни было невиданной роскошью. Младшему сыну, любимцу Васе, отец в честь окончания школы подарил велосипед – четвёртый в деревне (сгорел он потом во время оккупации).

Может быть, Василий Васютин тоже бы пошёл учиться в институт (в школе-то он учился очень хорошо), но как раз в день их выпускного бала -22 июня – началась Великая Отечественная война. И уже 14 сентября 1941 года Дросковский райвоенкомат призвал рядового Васютина в Красную Армию.

Не сразу он попал на фронт. Вначале была учебная часть в Средней Азии, в Ашхабаде, где на трёхмесячных курсах Василий Алексеевич получил воинскую специальность радиста. Потом, до октября 1942 года – служба в погранотряде на границе с Афганистаном, участие в трёх групповых задержаниях нарушителей. Что такое пустыня, верблюды, саксаул, - сержант Васютин узнал именно здесь.

С октября 1942-ого по февраль 1943-его в Свердловске шло формирование полков 70-ой Армии (на базе погранотрядов), и уже в марте Васютин оказался почти на фронте – командиром отделения взвода охраны самого командующего Центральным фронтом К.К.Рокоссовского (на его командном пункте на станции Свобода Курской области). Несколько раз видел Василий командующего достаточно близко и запомнил на всю жизнь: высокий, вежливый, интеллигентный – таким остался будущий маршал в памяти младшего командира Васютина.

С апреля 1943 года началась и боевая служба. Радист роты дивизионной разведки 167-ой стрелковой дивизии, вооружённый ППШ и тяжёлой рацией, Василий Васютин несколько раз ходил через линию фронта. Иногда до 40 километров проникали разведчики вглубь вражеской территории. Доводилось и «языка» брать. А в одной из вылазок за линию фронта погибла медсестра Саша Бурьяненко, невеста Васютина. «Василий, я умираю», - успела прошептать она и затихла у него на руках.

Василий Алексеевич освобождал Троснянский и Дмитровский районы Орловской области, Белоруссию, участвовал в освобождении Варшавы, Гданьска, Кюстрина и закончил войну в Берлине. Из запомнившихся эпизодов – встреча с маршалом Г.К.Жуковым на I Белорусском фронте и вручение партийного билета в здании рейхстага в столице побеждённой Германии.

Награды и звания тоже не обошли стороной Василия Алексеевича. Начав войну рядовым, закончил её капитаном с несколькими орденами и медалями («За взятие Берлина» и «За победу над Германией» были последними).

Не захотев судьбы профессионального военного, офицер-фронтовик Васютин вернулся домой в декабре 1946 года. Некоторое время работал «избачом» (заведующим избой-читальней), потом – пропагандистом и долгое время – заведующим отделом пропаганды и агитации в Дросковском и Покровском райкомах партии, умело проводя линию КПСС по всем направлениям. За это время судьба сводила его со многими интересными

людьми, и о многом он успел мне рассказать. Но ограничусь только одним эпизодом.

Летом 1954 года пришёл в Дросковский райком Дмитрий Блынский. «Василий Алексеевич, помогите», - обратился он к Васютину. А дело было в том, что будущий известный поэт сумел пройти творческий конкурс в Литературный институт имени Горького. Но там просили предоставить документы о среднем образовании, которых у Блынского просто-напросто не оказалось. Он ведь после окончания 7 класса Дросковской школы учился в Федоскинском художественном училище и, не закончив его, был призван в Советскую Армию, то есть остался вообще без какого-либо диплома.

Василий Алексеевич и бывший тогда заведующим Дросковским роно Михаил Яковлевич Ефремов решили, что помочь Дмитрию нужно обязательно. Выписали дубликат аттестата, якобы утерянного при переезде, и Блынский, счастливый, уехал в Москву. Уже в 1957 году имя молодого поэта узнали не только на Орловщине, но и в стране – после выхода его первого сборника «Сердцу милый край».

Когда Дмитрию приходилось в последующие годы бывать на родине, он обязательно заходил и к Василию Алексеевичу. «Я Ваш должник», - и в шутку, и всерьёз не раз говорил ставший известным поэт.

С кем только не сталкивала судьба Васютина за годы его работы в райкоме. Здесь, в Дросково, и в Покровском бывали Герои Советского Союза: Дмитрий Смирнов, - командир 73 стрелковой дивизии, разведчик Роберт Клейн, земляки Иван Мишин, Андрей Умников и многие другие. Для каждого из них всегда находилось доброе слово и хорошее угощение. А о каждом из них остались в районе тёплые воспоминания – и заслуга в этом, конечно же, Василия Алексеевича Васютина.

После ухода из райкома КПСС некоторое время Васютин работал секретарём райисполкома, директором центральной библиотечной системы, а уже будучи на пенсии, трудился в СПТУ-31. В районной газете регулярно печатались его статьи по исторической и военной тематике. Часто выступал Василий Алексеевич на митингах у братской могилы (оратором он был замечательным).

Всю жизнь связанный с политикой, Васютин всегда внимательно следил за новостями в стране и в мире, критически отнёсся к горбачёвской перестройке, к ельцинским реформам, но и Сталина резко критиковал за многие перегибы, особенно в военном деле.

Ветеран войны и труда Василий Алексеевич Васютин умер в понедельник, 20 ноября 2000 года. Он всю жизнь был и в старости остался неверующим. И меняться, как некоторые из современных политиков, не захотел.

Всю свою жизнь занимался Василий Алексеевич историей, теперь же он и сам ушёл в историю и, хочется верить, останется в ней навсегда.

Артиллерист Илья Шалимов

В четырёх километрах от села Дросково находится деревня с очень красивым поэтическим названием – Извекова. Своим именем она обязана первому поселенцу с такой же фамилией (смотри, читатель, рассказ «О дворянах Извековых и деревне Извековой» - А.П.).

От Извековой идут в разные стороны несколько дорог – даже до Дросково можно добраться тремя. Первая - вдоль небольшого оврага, вторая, которую зимой регулярно чистят, называется «общая», а третья выходит к грачёвскому повороту, а оттуда – на шоссе Грачёвка – Дросково. Зимой дороги от Извековой часто бывают заметены, и потому обычно чистят одну – «общую», стремящуюся вдоль посадки к шоссе Грачёвка – Дросково.

Домов в Извековой сейчас немного, и ещё меньше их в той части, где находится пока опустевший с недавних пор дом Шалимовых. Небольшой, аккуратный, зелёного цвета, с пристройками вокруг, похожий скорее на симпатичное дачное строение, дом этот стоит здесь уже свыше 50 лет.

О хозяине его, Илье Ивановиче Шалимове, умершем в 1991 году, я и хочу рассказать.

Я был знаком с Ильей Ивановичем, хотя, в отличие, скажем, от Василия Алексеевича Васютина, общались мы редко, в основном, во время районных игр «Зарница» и «Орлёнок», неизменным руководителем штаба которых долгие годы являлся подполковник Шалимов. Я же отвечал за подготовку команд «зарничников» и «орлят» своей Покровской школы. Вот на районных финалах этих соревнований мы и встречались. Не потерявший военной выправки, в военной форме, руководитель военной подготовки Дросковской средней школы И.И.Шалимов всегда выглядел подтянуто и импозантно (именно это слово наиболее точно отражает внешний вид бывшего кадрового офицера – А.П.).

Я знал, что подполковник Шалимов, участник Великой Отечественной войны, отличился не раз в боевых делах – об этом сами за себя говорили его награды, однако подробностей военного прошлого Ильи Ивановича при его жизни так и не узнал: он не особо вдавался в эти самые подробности.

И лишь когда старого артиллериста не стало, мне довелось познакомиться с личным делом офицера Шалимова, хранившимся в Покровском райвоенкомате. Многие рассказала мне о муже Клавдия Никитична Шалимова, его вдова, тоже, к сожалению, недавно ушедшая из жизни.

Илья Иванович Шалимов родился 3 августа 1918 года в семье крестьянина-бедняка Ивана Даниловича Шалимова. До революции Иван Данилович работал на одной из шахт Донбасса и во время аварии потерял ногу и глаз. Получив инвалидность, он поселился на родине, в Извековой, где жили его братья, занимался сельским хозяйством.

(Один из братьев был председателем колхоза в родной деревне, другой – в соседней Беречке. Во время войны, когда Извекову оккупировали фашисты, их, всех троих, как коммунистов и активистов Советской власти, расстреляли.

Сведения о братьях содержатся в «Книге Памяти» (том 9, стр. 247-248). Дмитрий Данилович, Захар Данилович, и Иван Данилович Шалимовы были казнены оккупантами в один день, 25 февраля 1942 года – А.П.)

В 1926 году Илья Шалимов пошёл в школу. Закончив в 1935 году семь классов, стал курсантом особого кавалерийского дивизиона Народного Комиссариата Обороны (это воинское подразделение находилось в Москве). В 1936 году Шалимов поступил в Пензенское кавалерийское училище, из которого через год он был переведён в находившееся в этом же городе артиллерийское училище.

Так определилась сама собой дальнейшая судьба парня из покровской деревни Извековой. В 1939-1940 годах закончивший артиллерийское училище лейтенант Шалимов был вначале командиром учебного взвода, а затем командиром взвода разведки в 88 артиллерийском полку 80 артиллерийской дивизии, в составе которой принимал участие в походе на Западную Украину и в советско-финской войне.

В апреле 1941 года Илью Ивановича направили в Киевский военный округ - на должность командира батареи 655 артполка 212 моторизованной дивизии, расквартированной в г.Броды. В составе этой дивизии лейтенант Шалимов 22 июня вступил в войну, участвовал в боях у Лешнова и под Черкассами, где 22 августа 1941 года был тяжело ранен.

После трёхмесячного лечения в госпитале Илья Иванович оказался в 396 стрелковой дивизии (вначале – 48, а затем – 51 армии Крымского фронта), вместе с которой принимал участие в боях при форсировании Керченского пролива.

Катер Шалимова был подбит фашистами. Часть его бойцов утонула, но самого лейтенанта вытащили из воды друзья-товарищи. Он добрался с ними до суши и успешно сражался у Владиславки и на Акмайских позициях.

Чуть позже, когда 396 и 236 стрелковые дивизии были объединены, старший лейтенант Шалимов стал начальником штаба артиллерии нового воинского формирования. Эта дивизия храбро сражалась впоследствии на Северном Кавказе (станция Апшеронская, гора Лысая, хутора Бакинские).

С марта 1942 года уже капитан Илья Шалимов учится на курсах начальников штабов артиллерийских полков, а потом – снова участие в боях, теперь – в составе 35 стрелкового корпуса 63 и 3 армий Брянского фронта. Довелось Илье Ивановичу прорывать оборону врага на Орловском направлении (операция «Кутузов»), освобождать Белоруссию и Польшу.

В качестве начальника штаба 49 гаубичного артиллерийского Краснознамённого орденов Кутузова и Александра Невского полка Резерва Главного командования майор Шалимов принимал участие во взятии города Данцига и в форсировании Одера.

Войну наш земляк закончил в Германии. Храбро сражался Илья Шалимов на войне – доказательством этому стали орден Красного Знамени, два ордена Отечественной войны 1 степени, орден Отечественной войны 2 степени, медали «За боевые заслуги» и «За оборону Кавказа».

После окончания войны ещё 12 лет прослужил офицер в Советской Армии, стал подполковником, закончил Центральные артиллерийские ордена Ленина Краснознамённые офицерские курсы (по профилю артиллерийских полков).

В конце 1957 года подполковник И.И.Шалимов был демобилизован и ушёл в запас с правом ношения военной формы. Поселился на своей родине, в Извековой. В небольшом, но уютном домике свыше 40 лет прожил он в мире и согласии со своей женой и двумя сыновьями – Владимиром и Евгением.

Умер Илья Иванович, как истинный офицер, - в год распада Советского Союза. Клавдия Никитична ушла из жизни 15 лет спустя, и уютный зелёный домик, обсаженный при жизни хозяев со всех сторон цветами, опустел. Никого не стало в доме.

Супруги Шалимовы и один из их сыновей лежат теперь рядом, на извековском кладбище, благоустройством которого в своё время много занимался Илья Иванович Шалимов – выходит, для себя постарался!

Последний бой рядового Марыченкова

Знаешь ли ты, читатель, что русское слово «землекоп» и пришедшие к нам из французского слова «сапёр» и «минёр» - практически синонимы? Но если в русском языке землекоп обозначает человека, углубляющегося в землю сугубо в мирных целях, то иноземные слова пришли к нам для того, чтобы показать, как эту же землю, только с помощью взрывчатых веществ, можно использовать для уничтожения человеческих жизней.

Николай Марыченков родился и вырос в покровской деревне Степанищевой, в той её части, что издавна гордо именовалась Ригой, и с детства знал, как относиться к земле, чтобы она являлась «землём-кормилицей», поскольку его родители и предки, начиная с XVII века, были потомственными крестьянами.

А вот о том, что «земля-матушка» может становиться смертельно опасной, рядовой Марыченков узнал, когда в мае 1982 года начал проходить обучение на курсах специалистов кинорозыскной службы (именно так она названа в его военном билете – А.П.) в Центральной школе служебного собаководства, располагавшейся в подмосковном городе Дмитрове. Группу курсантов, в числе которых находилось и 15 орловчан, учили находить общий язык с собаками, которые должны были – по запаху тола – обнаруживать укрытые в землю мины.

Когда при разговоре с Николаем я спросил его, почему он оказался единственным из покровчан, попавшим в эту школу, то услышал простой до

банальности ответ: «Так я зоотехник по специальности, да и деревенский к тому же». Да, после окончания Ивановской восьмилетней школы, как и многие из друзей-товарищей, решил Марыченков связать свою жизнь с сельским хозяйством и поступил на зоотехническое отделение Глазуновского сельскохозяйственного техникума. Успешно закончив его в марте 1982 года, уже в мае, будучи призванным в Советскую Армию, он усердно изучал азы розыскного дела.

В первые дни ноября выпускникам курсов сообщили, что большинству из них, в том числе девяти орловчанам, предстоит выполнять интернациональный долг в Афганистане.

То отправление за границу Николай Марыченков запомнил навсегда, потому что трижды из-за траурных мероприятий, в связи со смертью Л.И.Брежнева, их вылет откладывали.

Но 25 ноября 1982 года, всё-таки, хоть и с задержкой в две недели, очередной «борт» из Союза с группой сапёров-кинологов приземлился в аэропорту Баграм, поблизости от которого, в больших солдатских палатках, вновь прибывших и разместили. Здесь располагалась известная уже многим в Афганистане и не раз отличившаяся в боях воинская часть под № п/п 53 701, а вообще-то это был 345 отдельный гвардейский, парашютно-десантный полк. В этом прославленном воинском соединении начиналась боевая биография многих известных личностей России: генералов А.Лебеда, В.Востротина, П.Грачёва. Ставший позже Героем Советского Союза и Министром обороны России Павел Грачёв был вначале заместителем командира, а потом и командиром 345 парашютно-десантного, который состоял из трёх десантных батальонов (по три роты в каждом), разведроты, роты связи и сапёрной роты, в которую и зачислили рядового Марыченкова с его псом Пиратом.

Так началось для парня из орловской деревни выполнение интернационального долга в азиатской стране Афганистан, о которой он впервые услышал под новый, 1979 год и с которой отныне будут связаны 1 год, 4 месяца и 27 дней его жизни, разделённой с тех пор Николаем на три неравные части: до «Афгана», в «Афгане» и – после него.

Каждый из воевавших (пехотинец, артиллерист, танкист, моряк) наверняка скажет, что именно его воинская специальность опаснее других, но я глубоко убеждён: одну военную профессию согласятся назвать самой опасной все, кто служил и воевал. И эта специальность – сапёр. Почему? Да потому, что сапёр может погибнуть даже тогда, когда не слышно свиста пуль и разрывов снарядов – не обезвреженная мина в любой момент отправит его на небеса.

Целый год воевал Николай Марыченков вместе с верным своим Пиратом. Во многих переделках побывали они – и в рейдах, и в «прочёсываниях», и в ночных окружениях небольших банд «духов», и в засадах, и в поисково-разведывательных операциях. Долго везло напарникам – псу и его проводнику-сапёру: не один десяток мин обезвредили.

Везение закончилось под новый, 1984-ый, год. Нет, не ранило тогда Николая – свалился он от болезни, которой (из-за климатических и антисанитарных условий) почти все наши солдаты в «Афгане» переболели, - от гепатита (а в просторечьи - «желтухи» - А. П.). Новый год встретил в госпитале. Для окончательной поправки дали солдату 20 дней отпуска. Сколько было радости у родных – отца с матерью, братьев, невесты Ольги, когда пожелтевший от болезни Николай заявился в январе 1984 года домой.

Отпуск пролетел как один день. Возвратившемуся в свою роту Марыченкову сообщили, что его Пирата передали в другую сапёрную часть, чтобы не сидел без дела, а ему теперь придётся миноискателем да щупом работать. Жаль было Николаю своего друга-пса, но что уж... до «дембеля»-то три месяца осталось.

Приказ о демобилизации пришёл в начале апреля. После его оглашения Николай Марыченков узнал, что улетит в Союз с первым «бортом» - 21 апреля. Как раз в этот день заканчивался срок перемирия с одним из лидеров афганской оппозиции, «панджшерским львом», Ахмад Шахом Масудом, который и контролировал значительную часть провинции Баграм. К этому времени советское командование, в очередной раз, решило избавиться от непокорного и удачливого в боевых делах Масуда (это прозвище, кстати, в переводе на русский язык и означает «счастливчик» - А. П.). Он за время перемирия сумел прибрать к рукам ещё часть северных территорий Афганистана и значительно увеличил численность своих отрядов.

В ночь с 12 на 13 апреля одна из рот 345 парашютно - десантного полка начала движение в горы, к тоннелю Саланг, чтобы освободить заблокированную там моджахедами (в нарушение ранее достигнутых с Масудом договорённостей) автомобильную колонну с грузами из Союза. Впереди роты, как и всегда, вооружённые автоматами АКСУ и щупами, шли трое гвардейцев-сапёров: орловец Марыченков, туляк Исаев, рязанец Комаров. Пока было темно, моджахеды стреляли наугад, чаще – трассерами, подсвечивая пространство. Сапёры, оторвавшись от своих на пару десятков метров, никак себя не проявляли, упорно поднимаясь всё выше и выше, стараясь добраться до обозначенной в приказе высоты в 2900 метров. Несколько раз пули ударяли совсем рядом, там, где они только что прошли, и у ребят мелькали мысли: «Пронесло! Опять пронесло!» Часам к девяти утра им удалось забраться на 2400.

Но вот тут сапёрам пришлось прекратить движение, залечь и начать сооружение примитивного каменного бруствера, который бы хоть чуть-чуть защитил от бешеного, непрерывного огня душманов, поливавших дорогу свинцом, словно водой из шланга.

Конечно, сапёры и сами не лежали просто так, отстреливались, как могли, хотя делать это приходилось наугад. Подоспели, подтянулись товарищи, но им тоже пришлось залечь. Откуда-то сзади-сбоку услышал Марыченков голос своего друга Андрюхи, весельчака и гитариста из Нижнего Тагила: «Ребят, меня, кажется, зацепило».

А ещё через мгновение страшная боль пронзила тело Николая: разрывная пуля ударила ему в правое бедро. Не растерялся подоспевший медбрат – перетянул ногу жгутом как мог высоко и стал оттаскивать раненого сапёра вниз и подальше от огня. Потом несли его спешно на плащ-палатке, грузили в приземлившийся на помощь вертолёт. «Вертушка» доставила Марыченкова в Баграм, где в местном госпитале ампутировали ему раненую ногу. Так стал сапёр инвалидом, и афганская война для него закончилась.

Потом были Кабульский, Ташкентский и Подольский военные госпитали, заживление раны, реабилитация. В Подольске, кстати, встретился Николай с раненым в том же бою Андрюхой-гитаристом. Обрадовались друг другу десантники, обнялись крепко.

Пока рана заживала, передвигался Николай на костылях, а к моменту выписки в июле 1984 уже осваивал протез. Из дома за героем-«афганцем» приехали отец с братом.

Не успели ещё в семье Марыченковых как следует нарадоваться возвратившемуся Николаю, как он ещё раз чуть Богу душу не отдал: вторично «достала» его афганская хвороба – «желтуха». И так же, как и тогда, на войне, пришлось бывшего сапёра спасти по воздуху: санитарный самолёт из Орла подоспел вовремя. Месяц в областном центре провёл он на койке в больнице имени Боткина.

Отощавший, даже не пожелтевший, а позеленевший прибыл Николай Марыченков в родной дом. Полгода сил набирался, а потом сказал – «Всё, хватит, пора и за дело браться!»

С января 1985 года начал он работать зоотехником в колхозе имени Ильича, и с этого времени жизнь десантника понемногу наладилась. Ждавшую Николая два года службы и войны верную невесту Ольгу не испугал жениховский протез: её любовь только окрепла. В апреле 1985 состоялась свадьба, и вот уже более 25 лет живут супруги Марыченковы в мире и согласии. Трёх детей родили – дочь Галину и сыновей, Ивана и Николая.

Вышедшая замуж в 2008 году Галина подарок родителям преподнесла – внука Семёна. Так что бывший сапёр-десантник уже стал дедом, и не армейским, а настоящим.

Старший сын Иван отслужил в армии и сейчас работает, а младший Коля ходит в девятый класс Дросковской средней школы.

С общественной работой, которой 13 лет Николай Марыченков отдавался всей душой, он распрощался в 1998 году, когда крепко поругался с руководителем местной агрофирмы, пришедшей на смену бывшему колхозу: не сошлись они с генеральным директором, с которым, кстати, вместе учились в Глазуновском техникуме, во взглядах на то, как надо работать с людьми. От агрофирмы «Дросково» через несколько лет остались одни воспоминания – так же, как от возглавлявшейся Марыченковым и приведённой им в образцовое состояние молочно-товарной фермы.

Обанкротившийся гендиректор сбежал куда-то в соседний район. Так что Николай, получается, ушёл от такого руководителя вовремя и с тех пор применяет свои зоотехнические знания только в личном хозяйстве: у семьи Марыченковых есть лошадь, полтора десятка овец (в том числе и романовской породы), коза с козлятами, куры, утки.

Когда, закончив наш долгий с «афганцем» разговор, мы с ним из дома стали выходить на улицу, то в малюсеньких сенцах увидел я умилительную картинку: вместе трапезничали щенок и котёнок, а рядом хозяйка поила из соски двух козлят, родившихся всего лишь день назад и помещённых в картонную коробку из-под печенья. А во дворе, куда мы вскоре вышли, важно разгуливали куры и утки самых разных мастей и пород, наблюдала за которыми из приоткрытой двери сарая симпатичная вороная лошадь.

«Николай, не трудно за всем этим хозяйством ухаживать?» - спросил я, намекая на протез и зная, что не совсем уж он удачен по конструкции, поскольку хромает при ходьбе бывший сапёр достаточно сильно. «Да ничего, топчусь».

Но я-то давно знаю, что не только топчется, а практически всё по хозяйству сам старается делать, хотя и жена, и дети всячески помогают.

И ещё одно, о чём я хотел бы сказать отдельно – об «афганском» братстве.

Наших земляков-покровчан, прошедших через пекло Афганистана в период с января 1980 по февраль 1989 года, насчитывалось более 70 человек. Первым из них увидел незнакомую горную страну и принял участие в боевых действиях сержант Виктор Зубков (это произошло как раз в январе 1980 года). За ним последовали другие.

Самой большой по численности покровской группой пополнились ряды сражавшихся в Афганистане летом-осенью 1982 года. Это были молодые ребята, призывники 1963-1964 годов рождения (почти два десятка пацанов, прошедших, в основном, шофёрскую подготовку – А.П.). И именно среди них оказались наибольшие потери. Все четверо погибших в Афганистане уроженцев Покровского района – 1963-1964 годов рождения: Виктор Кузнецов, Юрий Юров, Геннадий Голованов, Владимир Гладких. Двое из призывников того периода – герой моего рассказа Николай Марыченков и Виктор Тимонин – стали инвалидами войны. Из шестерых перечисленных пятеро были награждены орденом Красной Звезды (трое – уже посмертно).

Ещё шесть покровчан, за мужество и героизм, проявленные в боях в течение полутора-двух лет их пребывания на «выжженной земле Афганистана», удостоены медалей: С.Березин и С.Хорев – «За отвагу», А.Овсянников, В.Паршиков, Л.Паршутин, А.Шалимов – «За боевые заслуги».

Большинство «афганцев», отвоевав, вернулось в родные места. На 1 января 1991 года их проживало в Покровском районе 57 человек. За 20 лет умерло уже больше 10 участников войны в Афганистане – не каждому из них удалось вписаться в современную российскую действительность.

Оставшиеся в живых живут по-разному – не хочу вдаваться в подробности. Однако все они, начиная ещё с 1987 года, стали собираться на встречи у себя в районе. Первое время – на День Победы, а с 1990 года, с первой годовщины вывода наших войск – уже 15 февраля. За эти мирные годы сложилась у них традиция проведения таких встреч. Поздоровавшись, обнявшись, садятся в автобус (об этом договариваются каждый раз с администрацией района) и едут на могилы четырёх своих друзей-товарищей, встречаются с их матерями. Потом возвращаются в Покровское. Когда в райцентре действовал краеведческий музей, в котором воинам-«афганцам» была посвящена отдельная экспозиция, обязательно заходили в музей, поскольку значительная часть экспонатов была подарена ими. Ну а потом – завершающая часть, где обязательно будут выпиты фронтовые 100 граммов, помянуты ещё раз погибшие, и состоится очередной долгий разговор об Афганистане.

Почти на все такие встречи обязательно приезжает и Николай Марыченков (если со здоровьем всё в порядке), для него общение с боевыми друзьями – святое дело. Есть у него друзья и в столице, с которыми он, хоть и реже, чем с покровскими, но встречается тоже.

В 2009 году на очередное собрание покровчан-«афганцев» Николай не попал, поскольку кавалера ордена Красной Звезды, сапёра-десантника Марыченкова пригласили в Москву, на торжественный приём в Кремль, по случаю 20-летия вывода советских войск из Афганистана. И о том, что там было, кого из старых друзей увидел, он потом рассказал покровчанам – ведь «афганское» фронтовое братство никогда не уйдёт в Лету, поскольку оно скреплено совместно пролитой горячей кровью молодых русских парней, многие из которых ушли в мир иной, не дожив даже до двадцати.

Деятели культуры

Земский врач и просветитель Федор Софронов

Федор Васильевич Софронов, отец известной русской художницы А.Ф. Софроновой, родился в Орле 1 сентября 1859 года. *«После окончания Киевского университета, - работал врачом в Малоархангельске, Дросково, Орле. При участии Ф.В. Софронова открывались новые больницы, устраивались народные чтения и театральные спектакли».*

Врач-просветитель, оставивший светлый след в нашем крае, в московском журнале «Вопросы философии и психологии» на рубеже XIX-XX веков он опубликовал ряд научных статей: «Соотношение общественных сил», «Теория познания на основе критического эмпиризма» и другие. В 1902 году выпустил книгу «Механика общественных идеалов», в середине 1920 – 30-х годов написал книгу «Эйнштейн без математики. Общедоступное изложение теории относительности». (Рукопись – в фондах Тургеневского музея в Орле).

Кроме того, он был еще и поэтом. В 1889 году в Киеве под псевдонимом Ф.В. Орловский издал «Стихотворения» (1885-1888). Многие стихи сохранились в семейном архиве. «В поэзии Софронов оставался мыслителем.

В стихах, навеянных родной природой, мы встречаем созвучия с поэзией Бунина и других земляков-классиков:

*Покой в полях, очнувшись от зноя,
Покоем дышит влажный сенокос...
Зеркальный пруд обвеян сном покоя,
Не дрогнет лист склонившихся берез...
Но серой лентою, в лощинах залегая,
Дорога тянется упрямо, мерно вдаль –
И тянет вдаль меня... Клубится пыль седая, -
И жаль себя, мучительно мне жаль.*

Печаль о прошлом вызывала забытая усадьба:

*Вы слышали рассказы о том,
Как, едва лишь смеркается день,
Появляется в доме пустом
Бесконечно печальная тень?*

Федор Васильевич Софронов, по словам его внучки И.А.Евстафьевой, «Был далеко неординарной личностью», писал статьи, стихи, совершил большое путешествие по Германии, имел отличную библиотеку, мою мать, будущую художницу, научил читать в четыре года, в селе Дросково он проработал врачом с 1888 по 1908 год. *«По своей натуре, - пишет внучка, - дедушка был живой и деятельный человек. Он построил новую большую больницу, заботился о предотвращении пожаров, занимался благотворительностью, очень многим вернул зрение, делал сложные глазные операции.*

За 20 лет Фёдор Васильевич завоевал среди дросковчан и жителей окрестных деревень непререкаемый авторитет не только как первоклассный врач, но и общественный деятель.

Сохранилась афиша с программой любительского спектакля, поставленного любителями театра из села Дросково 11 августа 1905 года. В программе перечислены три небольшие одноактные пьесы-шутки, в том числе – знаменитый «Медведь» А.П.Чехова. Две роли в этом спектакле играла одна из дочерей Софронова – Лидия (известная в будущем русская актриса). Режиссёром театральных представлений был сам Ф.В.Софронов.

В каком помещении ставились спектакли – нам неизвестно, но каждый раз – с большим успехом.

Местным властям такая разносторонняя деятельность Ф.В. Софронова начинает казаться неблагонадежной, и в 1908 году по распоряжению губернатора его лишают земства. Семья переезжает в Орел»

В годы гражданской войны, когда жить в городе стало голодно, Фёдор Васильевич с семьёй снова вернулся в Дросково. С декабря 1919 по 1923 год жил он здесь и работал в Дросковской больнице.

Последние годы жизни Софронов провёл в Малоархангельске, где и умер в августе 1936 года.

Трудно человеку без мечты и без веры. Жажду света будил в людях своим словом поэт, врач и ученый Федор Васильевич Софронов.

Художница Антонина Софронова

Как много известных писателей вспоил на своих мелких водах Орел, мы знаем из слов Николая Семеновича Лескова. А вот что касается художников, то здесь орловскому краю повезло меньше. Обычно упоминают Григория Мясоедова (уроженца села Паньково Новодеревеньковского района), Николая Жукова и Василия Мешкова (уроженцы Ельца, ныне Липецкой области), нашего современника А.И. Курнакова.

И редко кто из орловчан вспомнит известную в 20-е годы XX века художницу-авангардистку Антонину Софронову, дочь земского врача Фёдора Софронова.

Разносторонность интересов Федор Васильевич Софронов привил трём своим дочерям. Младшая – Антонина (близкие чаще называли ее Нина) тоже писала стихи, занималась музыкой, но закончила в 1909 году женское коммерческое училище в Киеве (там, где учился отец). Училище было закончено блестяще – с золотой медалью, но дальнейший выбор профессии Антонина Федоровна осуществляла не в сфере коммерции, а между музыкой и живописью.

В 1909 – 1910 годы она училась в Орловской музыкальной школе, но, не закончив ее, уехала в Москву и поступила в художественную школу Ф.И. Рерберга. Закончив ее, Антонина Софронова занимается в студии живописи и рисования И.И. Машкова (1913 – 1917 г.г.).

За время обучения в этой студии Нина Софронова многое успела и многому научилась. Легко и крепко она рисовала обнаженную натуру, натюрморты, один из которых в 1914 году был принят на выставку «Бубнового валета».

В 1915 году Софронова выходит замуж за художника Генриха Блюменфельда, а в 1917 году у них рождается дочь Ирина. Во время учебы в Москве каждое лето Антонина приезжала в гости к родителям, которые с 1909 по 1919 год жили в Орле.

В годы гражданской войны для семьи Софроновых начались тяжелые испытания – в Орле, после заболевания тифом, умерли ее мать – Александра Николаевна и племянница – Наташа. Федор Васильевич Софронов после этих трагических событий, опасаясь все усиливающихся в Орле голода, холода и эпидемий, увозит всю семью – дочерей и внуков в село Дросково, где он ранее проработал более двадцати лет земским врачом.

Вместе с отцом переезжает в Дросково Антонина Федоровна с маленькой дочкой Ириной. Муж, Генрих Матвеевич Блюменфельд, в то время преподавал в Пензенских художественных мастерских, где и скончался в апреле 1920 года от прогрессирующего туберкулеза.

Тяжелые это были времена для художницы Софроновой. Лишь работа спасала ее от тяжелых раздумий. Около года Антонина Федоровна давала уроки рисования в Дросковской школе, а по вечерам и на каникулах занималась творческим делом.

Вот несколько цитат из ее дневника этого периода:

12 июля 1919 года (с. Покровское).

«Классический час русской природы – час заката, сумерек. Час наибольшей насыщенности тонов, цветов, божественной тишины, ароматности воздуха, четкости звуков, значительности слов, лиц, движений».

1 апреля 1920 года (с. Дросково).

«Утром встаешь и видишь нежный сизый туман на полях. Сквозь талый снег все шире проступают черно-фиолетовые пятна земли. Белое кружево на темном бархате. От солнца на деревьях как бы налет золотистой пыли».

10 мая 1920 года (с. Дросково).

«Прохлада и тишина действуют успокоительно. Сажу на ступеньках в саду. Пахнет цветущими яблонями. Слушаю пение баб. Простое и монотонное, оно кажется высокохудожественным по своей слитности с пейзажем».

Именно в этот период Антонина Федоровна много рисует пейзажи и пишет портреты своих близких. Но почти ничего из Дросковского периода не сохранилось. Портрет Федора Васильевича Софронова дольше других существовал в семье Евгении Федоровны, но и он сгорел во время войны – в Мценске в 1941 году.

Осенью 1920 года Антонина Федоровна Софронова, с согласия отца и сестры, оставив маленькую дочь на их попечение (дочь приехала к матери через 5 лет), уезжает из Дросково в Тверь.

С 1921 года Антонина Федоровна уже навсегда переселяется жить и работать в Москву, где преподает живопись и рисунок, сотрудничает в качестве оформителя в журналах и книжных издательствах. Но летом художница всегда выезжает на природу – в Орел, в Подмосковье, на Украину, на Кавказ. Во время войны Антонина Федоровна эвакуируется на Урал, но в 1943 году возвращается снова в Москву.

И все время – работает, работает, работает. В 1962 году, к ее 70-летию в Центральном Доме литераторов организуется большая персональная выставка. 14 мая 1966 года Антонина Федоровна Софронова умерла в Москве, где и была похоронена.

Что же оставила после себя художница Софронова? Прежде всего – весь богатый сельский «сбор» наблюдений и впечатлений от природы средней полосы России, который, живя в деревне, крепко отстоялся в ее душе, донесла она до своих полотен 20-30-х годов.

В собрании Орловского музея изобразительных искусств есть рисунки из серии 1924-1925 годов, которые условно можно назвать «Типы улиц».

Многие специалисты считают, что одних этих рисунков достаточно, чтобы упрочить за Софроновой место в истории русского искусства. А в произведениях 20-30-х годов она предстает уже сложившимся мастером со своим почерком, участвует в выставках - в СССР и за границей.

В 1930 году Софронова – участница выставки «Группы 13», где публике были предоставлены ее московские пейзажи. М. Милашевский, один из организаторов выставки, писал о ее картинах: *«Как очарователен бархат черных красок Софроновой и легкая «горчинка» всей ее гаммы»*. К несчастью для Антонины Федоровны, выставка «13» 1931 года получила плохую прессу, а ее участников называли «13 блаженными» и «13 кустарями-одиночками», после чего вход на многие выставки для них был закрыт. Именно с 30-х годов имя художницы Софроновой становится все менее и менее упоминаемым в печати.

Однако Антонина Федоровна продолжает плодотворно работать, много иллюстрирует классику – А. Блока, А. Белого, А. Грина.

Дочь художницы, тоже художница, И.А. Евстафьева вспоминала, что творческий настрой Софронову не покидал, она жила и творила, отключаясь от любых помех.

Более пятисот живописных, графических полотен и рисунков к литературным произведениям оставила после себя Антонина Федоровна Софронова. К ее живописи подходят слова, записанные когда-то в дневнике ее рано умершим мужем Блюменфельдом: *«Живопись должна быть скромная, простая и хорошая. Как настоящее красивое лицо. Чтобы сразу незаметно было»*.

Лучшие картины Антонины Федоровны Софроновой находятся в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина, в Государственном Русском музее, в Государственной Третьяковской галерее.

Есть ее картины и на родине – в Орловском музее изобразительных искусств, где художнице посвящён целый зал.

Закончить рассказ об Антонине Софроновой нам хочется ее стихами (она писала их всю жизнь, хотя никогда не пыталась опубликовать):

*Под голубыми парусами
Готова мысль игрою стать,
И мир обеими руками,
Как чашу пенную принять.*

Дополнение к очеркам о Ф.В Софронове и А.Ф.Софроновой

Ирина Евстафьева

Дросковские корни

Детские годы и годы ранней юности моей мамы, Антонины Фёдоровны Софроновой, прошли в деревне. Это было большое волостное село Дросково Орловской губернии, раскинувшееся среди необозримых полей. До железной дороги 30 верст. Ближайшие станции: в одном направлении – Ливны, в другом – Малоархангельск.

Глава семейства Фёдор Васильевич Софронов работал в Дросково земским врачом с 1888 по 1908 год. Семья Софронова состояла из его жены, Александры Николаевны Софроновой (в девичестве – Кулаковой), и их четырёх дочерей – Елены, Лидии, Антонины и Евгении, а также приёмной дочери – Вари Чирковой, осиротевшей племянницы Фёдора Васильевича. Большая семья жила в казённой квартире в доме для врачей напротив больницы.

По своим убеждениям и взглядам Фёдор Васильевич был типичным представителем той интеллигенции конца XIX века, которую волновали социальные и философские проблемы, литература и поэзия, стихи Некрасова и Надсона. Сам Фёдор Васильевич тоже писал стихи, и в Киеве, где он учился на медицинском факультете университета, вышел в свет сборник его ранней поэзии под псевдонимом «Ф. Орловский». Некоторые его философские статьи печатались в журнале «Вопросы философии и психологии», издававшемся в Москве. Приезжал он в Москву и с докладом о творчестве норвежского драматурга-символиста Г.Ибсена. Впоследствии он много лет посвятил разбору теории относительности Эйнштейна. Пытался обосновать эту теорию с философской стороны, без математики.

По своей натуре доктор Софронов был живой и деятельный человек. Стремясь улучшить жизнь крестьян, он развил большую общественную деятельность. Организовал строительство новой большой больницы. Затем, для предохранения села от пожаров, под его руководством, была построена плотина и вырыт пруд. Организована и обучена пожарная дружина, и куплено противопожарное оборудование.

Все эти приобретения делались на деньги, вырученные от любительских спектаклей. В эти спектакли Фёдор Васильевич вкладывал много энергии и любви. Он был инициатором создания Дросковского народного театра, в котором был и организатором, и постановщиком, и актёром. Он приобщал к театральным постановкам местную молодёжь. Старшие дочери Елена и Лидия Софроновы (она стала впоследствии актрисой) также играли в спектаклях. Ставили Островского, Чехова, водевили. Афиши печатали типографским способом в Малоархангельске.

А в школе, при участии друга семьи, учителя Александра Васильевича Руднева, проводили для местных жителей вечера художественного чтения, музыкальные вечера. Общественная деятельность Ф.В. Софронова дала свои плоды. В начале XX столетия о Дросково заговорили как о культурном земском центре.

Ко всему этому надо добавить, что Фёдор Васильевич пользовался большой известностью и авторитетом среди крестьян волости как хирург и глазной врач. Больные приезжали к нему издалека, а порой он сам выезжал к ним в одноколке. Крестьяне окрестных деревень за глаза называли его «чародеем».

Своим детям родители стремились дать хорошее воспитание. До поступления их в гимназию с ними занималась приглашённая из орла учительница, Ольга Михайловна Бонч-Осмоловская.

В доме были две библиотеки, для взрослых и для детей. Литературу выписывали из Орла и из Москвы, в том числе и журналы для детского чтения.

Нина – так маму звали близкие и друзья – была в семье третьим ребёнком. Она научилась читать в четыре года, во многом благодаря семейной традиции чтения вслух. Начинали читать с русских народных сказок, Майн Рида, Жюль Верна, затем переходили к Пушкину, Некрасову, Толстому. Родители читали старшим сёстрам, а те – младшим.

А ещё впечатлительную девушку воспитывала в раннем детстве природа родного края. Я хорошо помню наши родные места: просторную улицу, а в конце её двухэтажное здание волостного правления, больницу с аптекой. Под раскидистой липой посреди больничного двора обычно располагались в ожидании приёма крестьяне, приехавшие из дальних деревень. Тропинка вела через фруктовый сад к спуску к пруду. По другую сторону его – подъём на большой выгон, покрытый зеленью, окружённый домиками с церковкой на краю. На выгоне бывали базары и ярмарки с характерной симфонией звуков из скрипа телег, мычания коров, визга поросят, говора крестьян, перелива голосистых свистулек.

Фруктовые сады, небольшая роща да орешник – вот и вся зелень села. Запомнились характерные для наших мест бескрайние степные просторы, убегающие линии горизонта и дорог, разноцветные прямоугольники полей, неожиданные преобразования привычного пейзажа от освещения дня и вечерних закатов, утренние туманы, испарения влажной чёрной пахотной земли и нежные краски весенних цветов...

(Из книги «А.Софронова. Записки независимой. Дневники, письма, воспоминания», Москва, 2001, РА).

Примечание: Ирина Андреевна Евстафьева – дочь А.Ф.Софроновой и художника Г.(А). Блюменфельда, тоже художница, родилась 24 июля 1917 года в Орле, в детские годы жила в Дросково, умерла 22 апреля 2001 года в Москве)

Дмитрий Блынский, его родственники и однофамильцы

Деревня Васютино – родина Дмитрия Ивановича Блынского (20 февраля 1932 – 20 октября 1965). Мемориальной доской отмечен дом, построенный при жизни известного поэта: здесь он гостил подолгу, всегда с большой радостью встречаемый мамой Прасковьей Ивановной и юными сестрами – Валею и Ниной, писал стихи, склоняясь над столом, а однажды созвал друзей и близких на свадьбу: гремели песни, величая молодых – самого Дмитрия и миловидную светловолосую москвичку Таню...

«Родное наше Васютино, - вспоминает В.И. Блынская (в книге Д. Блынского «Я полон света...». Орел, 1997), - овражистая, разбросанная по отдельным плантам (планам) деревня. Козлов плант, Выгон, Карнюхин, Тичечкин. Тичечкин плант звали еще «проулком». В конце этого проулка и находилась наша хата...»

Торцовое окно нашей хаты смотрело на Чуев лес. Он тоже овражистый. Однажды мы с братом сидели на крутом косогоре под дубом и смотрели на свою деревню. Все было видно оттуда – и наша хата, и ручей, петлявший среди зарослей ивняка. Вся деревня была, как на ладони...»

Этот пейзаж, по словам Валентины Ивановны, воспроизведен был потом в одном из рассказов.

Прасковья Ивановна – мать поэта, родилась в соседней деревне Морозово, была четырнадцатым ребенком в семье Семеновых, прясть научилась, когда ее нога еще не доставала до подножки прялки. В 1931 году вышла за плотника Ивана Гавриловича Блынского.

«Дмитрий Иванович Блынский родился в семье крестьянина в деревне Васютино Покровского района Орловской области 23 февраля 1932 года» - эта цитата из статьи о поэте в биографическом словаре «Писатели Орловского края» (Орел, 1981).

«Дмитрий Блынский родился 23 февраля 1932 года в деревне Васютино на Орловщине в семье колхозного плотника», - это слова Льва Ошанина из его выступления к сборнику поэта «Солнечное слово» (М., «Советская Россия», 1980).

«И вот 23 февраля 1932 года у молодых Блынских родился сын Митя», - это из «Слова о брате» Валентины Ивановны Блынской. Все юбилеи поэта, его 50, 60 и 65-летие мы отмечали в соответствии с этим – 23 февраля 1982 года, 1992, 1997 годов. А между тем, замечательный орловский поэт Дмитрий Блынский успел прожить на три дня больше, чем мы до сих пор считали. Просто потому, что правильной датой его рождения является не 23, а 20 февраля 1932 года.

Нам удалось обнаружить в архиве ЗАГСа Покровской районной администрации книгу № 3 записи актов о рождении по Внуковскому сельсовету Дросковского района с 1930 по 1932 годы на 305 листах. Запись № 38 от 26 февраля 1932 года сообщала время рождения Дмитрия Блынского – 20 февраля 1932 года. Рядышком данные о родителях. Отец – Блынский

Иван Гаврилович, 25 лет, мать – Блынская Прасковья Ивановна, 20 лет. Родители названы работающими в сельском хозяйстве.

Сведения во Внуковском сельсовете (к нему в те годы относилась деревня Васютино, где жили Блынские) в акте о рождении внесены со слов отца – Ивана Гавриловича, чья подпись и подтверждается тут же.

На этой основательно потрепанной бумаге – акте о рождении – есть еще одна запись – «Повторное свидетельство о рождении выдано 24 июня 1947 года за № 306441» (это было как раз в момент отъезда Дмитрия Блынского на учебу в Федоскинское училище).

Исходя из метрической записи, трудно понять, откуда же взялась дата 23 февраля. Одно из предположений – при выдаче повторного свидетельства была допущена ошибка (или уже позже, когда будущий поэт получал паспорт). В таком случае сам Дмитрий Иванович наверняка не знал, что настоящая дата его рождения – 20 февраля, а не 23.

Конечно, три дня – это не три года, и все же... В своей короткой, яркой жизни поэт прожил на три дня больше, чем мы до сих пор думали. Может быть, именно в эти три дня Иван и Прасковья Блынские размышляли, как назвать своего первенца (запись-то в сельсовете появилась только 26 февраля) и решили – именно Дмитрий.

Митя рос, по словам сестры, «как и все деревенские мальчишки. Летом играл в лапту, купался в пруду, ловил рыбешку».

Война привела немцев.

«Трудности военного детства, - пишет сестра, - сделали брата не по годам взрослым. Мальчишка был очевидцем тяжелой расправы фашистов над своими односельчанами».

Он запомнил, а впоследствии описал в одном из стихотворений расстрел учителя.

Пришли наши. В хате Блынских разместилась школа. Ученье, начатое до войны, мальчик продолжал дома.

Писать стихи начал рано. В седьмой класс стал ходить в Дросково, за пять километров от родной деревни: там была районная библиотека. Много читал, многому учился у великих поэтов. Ему, ученику 7 класса, в голодные времена стали давать талоны на питание. «У нас в районе он один такой!», - сказал в магазине представитель местных властей.

Было Мите 14 лет, когда умер отец, получивший ранение и контузию на войне.

В поэме «Продолжение родословной» сын писал:

*Ходил по хате, пять раз контуженный,
Былое в памяти вороша:
«Разбитый плотник, - кому я нужен,
И что я стою? – одна душа...»
А ночью, темной весенней ночью,
Под шелест вязов и старых лип,*

*Сынишка слышал почти воочью -
Тяжелый вздох, осторожный всхлип...
Потом шептала в бреду глубоком
Слова, ей сказанные кумой:
«Твой помер что – у тебя под боком,
В постели помер – не то, что мой...»*

В 1947 году Дмитрий Блынский с рисунками и тетрадкой стихов поехал в Москву, а оттуда – в Федоскино, в художественную школу. Впервые увидел железную дорогу и сел в поезд – случилось это на станции Русский Брод.

Дома жили трудно. А тут еще перестали выдавать пособие за отца: мол, умер дома, а не на фронте. Прасковья Ивановна вынуждена была написать сыну. Тот поехал в Москву, добился восстановления пособия. Приезжая на каникулах, привозил подарки.

«На каникулах Митя, - вспоминает сестра, - всегда помогал матери: косил сено, чистил и поправлял погреб, строил сарай... Хатка наша была настолько ветхой, что зимой вода в ведре замерзала. Прорехи и щели в стенах мама еще с осени замазывала смесью глины и навоза, а по весне эти заплаты прорастали ожившими злаками. В школу бегали босиком до самых заморозков».

На последнем курсе училища Дмитрий явился домой остриженный под «нулевку».

Подлинную причину назвал потом, когда уехал и прислал письмо с Балтики.

На службе матросом Блынский написал поэму «Верный друг», посвятив ее Николаю Островскому.

Через два года по состоянию здоровья (язва желудка) был отпущен домой. Помогал матери, работал в колхозе. В 1954 году с отрывком из поэмы «Верный друг» выступил на Всероссийском смотре сельской художественной самодеятельности в Москве. Был направлен в Воронеж на межобластной семинар молодых писателей. Там получил рекомендацию в Литературный институт имени А.М. Горького.

В 1957 году в Орле вышел сборник стихов «Сердцу милый край». Верстку книги вычитывал в родной деревне. Напутствие поэту-студенту сделал Лев Ошанин, один из преподавателей, заметивший Диму Блынского еще на смотре самодеятельности в Москве.

«Уже первый сборник Блынского «Сердцу милый край», - писал орловский литературовед Владимир Громов, - не оставил сомнения в том, что молодой поэт обращался к неиссякаемому источнику вдохновения – полям и лугам Орловщины, ее людям, преобразующим своим трудом родную землю».

На родной земле остались о нем воспоминания самые добрые. Студентом записывал он редкие слова-диалекты, выполняя просьбу Л.И.

Ошанина. Внимательно вслушивался в разговоры односельчан у колодца с ключевой водой. Пойдет в Дросково – заглянет в редакцию районной газеты, в библиотеку:

В 1959 году с отличием окончил Литературный институт, а уже в 1957 году выпустил в Москве книгу «Иду с полей». И на этот раз эпитафия взята из Есенина. В первой было: «Россия, сердцу милый край». Теперь: «Ой, ты, Русь моя...»

На всю страну прозвучало, песней народной стало:

*Пойдем в мой край,
В поля, луга Орловщины,
Нигде я лучше края не встречал...*

Там же – «Легенда об Орле», «Русский Брод», «Сорок пятый...», «Россия», которой поэт обычно начинал свои выступления:

После института Д.И. Блынский работал в ЦК ВЛКСМ, в «Комсомольской правде», много ездил по стране.

Но более всего любил навещать родные места. Он спешил сюда в отпуск в пору цветения трав или шелеста белокрылых выюг. И тогда светился до позднего вечера огонек в окне бревенчатой хаты, склонялась над раскрытой тетрадью русоволосая голова поэта, бежали строки о давнем, незабываемом...

Вспоминал:

«Наверно, сто раз я проклинал эту проселочную дорогу. Еще подростком, в нелегкую пору послевоенных лет, в апрельскую распутицу, вместе со школьными сверстниками да с деревенскими бабами по этой дороге я носил со станции семена для весеннего сева.

В зимнюю лють, закутанный в полушубок, вышагивал за санями, доверху груженными углем или строительным лесом. Нередко возвращался в деревню в такой же летний горячий день, если на станции не оказывалось ни одной машины.

Сто раз я проклинал эту дорогу и в сто первый, словно впервые встретившись, открываю в ней что-то необыкновенно родное, не замеченное прежде.

Только одну деревню Стрелка да Стрелецкие Выселки с пятью хатами, из которых две с заколоченными окнами, встретил я на дороге от Русского Брода. Впереди километров пятнадцать до самого Дросково сплошные поля с зацветающей рожью, с бегущими волнами жаркого марева.

Дорога то убегает с косогора вниз, теряясь в духмяных зарослях конопляника, то медленно поднимается к далекому небосклону, упираясь в дрожащий край зубчатого окоема.

Ботинки мои поседели от пыли...

Я сворачиваю на цветущую обочину.

Еще минута – и я лежу на спине, раскинув руки, среди густого разнотравья у ракитова куста. «Медленно в голубом океане плывут причудливые паруса облаков».

В 1960 году Дмитрий Блынский приехал на Орловщину вместе с литовскими поэтами. Выступал в Орле, поехал с гостями в Алексеевку Покровского района.

В начале 60-х годов при редакции объединенной ведомственной газеты «Строитель», где редактором в то время работал Владимир Афанасьевич Пирогов, по инициативе Дмитрия Блынского было создано литературное объединение. Впоследствии оно стало носить его имя, а почетным членом его являлся великий русский поэт Михаил Васильевич Исаковский.

Переехав на место жительства в Орел, Д. Блынский работал в «Орловской правде», выступал на собраниях Орловской писательской организации, получил двухкомнатную квартиру на улице Горького, близ городского сада, куда перевез свою мать и юных сестер.

Вечерами с крутого берега любовались Орлом. Именно здесь к нему пришли первые строки «Баллады об Орле»:

*Пой, ветер, с низовья дунувший,
Я песню твою пойму.
Стоит над Окою юноша,
Четыреста лет ему.*

В фондах Тургеневского музея в Орле бережно хранятся рукописи поэта, его письма друзьям и знакомым. Он очень любил поэзию С.А. Есенина. В одном из последних писем (В.М. Катанову) писал:

«Поздравляю тебя с 70-летием Сергея Есенина. От бюро пропаганды художественной литературы четыре раза предстоит выступить в эти юбилейные дни. Два раза с сестрой Есенина А.А. Есениной».

Тогда же (23 сентября 1965 г.): *«После 1 октября лечу в двухнедельную командировку от «Правды» к мурманским рыбакам. Заманчиво и тревожно».*

«Почему тревожно?!» Будто предчувствовал... Был он полон жизни и творческих замыслов.

Писал о ней в том же письме: *«Пришлю тебе новый свой сборник «Лада», который выходит в издательстве «Московский рабочий».* Прислать не успел.

Сердце поэта остановилось в Мурманске, в гостинице... Похоронили в Москве, на Пятницком кладбище.

На родине, в колхозе «Заветная мечта» был установлен мраморный бюст поэта работы Б.Д. Бологова, в Орле назвали именем Блынского одну из новых улиц, есть улицы Блынского в посёлке Покровское и селе Дросково.

«Для него всегда высшим критерием была человеческая достоверность и поэтическая простота», - отмечал Лев Ошанин.

«Дмитрий Блынский, - писал в известном романе «Память» Владимир Чивилихин, - деликатный, скромный, внешне очень красивый парень, немного похожий на Сергея Есенина. Сельский паренек с Орловщины, будучи еще студентом Литературного института, выпустил интересный, полный первозданных лирических стихов сборник «Иду с полей», о котором похвальное слово сказал сам Александр Трифонович Твардовский».

В одном из своих стихотворений поэт писал:

*Зайдешь к нам в деревню и скажешь:
Все близкие,
Далеких по крови в ней нет никого:
Какая бы хата ни встретилась –
Блынские,
Да что это – дети отца одного?*

Занимаясь историей заселения Покровского края, мы выяснили, что в числе первых поселенцев Дросковской зоны (деревни Внуково, Васютино) были Блынсковы (Близкие). И, по-видимому, позже эта фамилия чуть изменила свое написание, трансформировалась в «Блынские».

Кроме того, высказанное в стихотворении «Моя родословная» предположение Дмитрий Блынский сделал, будучи уверенным, что васютинцы были в XVIII-XIX веках крепостными крестьянами. Между тем, деревня Васютино, как и большинство селений Дросковской зоны, была все годы государственной («казенной»), а ее жители никогда не знали помещиков и потому не работали на барщине и не платили оброк.

Наверняка, Дмитрий Иванович гордился бы своей родословной еще больше – ведь его предки были в числе первых поселенцев Покровского края, с оружием в руках защищавших его от литовцев и татар, частенько вторгавшихся в наши села и деревни в XVII веке.

Многие из Блынских в XIX-начале XX века сумели наладить крепкое крестьянское хозяйство, занимались выращиванием ржи, гречихи, конопли, разводили коров и овец.

Большинство Блынских участвовали в гражданской войне – воевали в рядах Красной Армии, а после вновь вернулись к мирному крестьянскому труду. НЭП многим Блынским позволил крепко стать на ноги и, привыкшие трудиться на себя еще с XVII века, они создали зажиточные хозяйства, которые кормили и многих горожан.

В числе невинно пострадавших от репрессий в 30-е годы XX века – многие из Блынских, особенно из числа тех, кто не рванулся сразу вступать в колхоз. В первом томе «Реквиема» - книги памяти жертв политических репрессий на Орловщине, названо пятеро Блынских.

В Великой Отечественной войне принимали участие многие Блынские. Причем, младший сержант Николай Степанович Блынский (согласно данным военкомата) стал первым покровчанином, погибшим в Великой Отечественной войне. Это произошло на западной границе 26 июня 1941 года.

Освобождая родную Орловщину, 27 июля 1943 года погиб красноармеец Леонид Егорович Блынский. Под Сталинградом был тяжело ранен и скончался от ран военфельдшер Василий Лукьянович Блынский. В Ростовской области в январе 1943 года погибли гвардии лейтенант Павел Семенович Блынский и красноармеец 31-го гвардейского стрелкового полка Федор Иванович Блынский.

Красноармеец Константин Семенович Блынский, будучи на фронте, тяжело заболел и умер в результате заболевания 31 августа 1943 года, а красноармеец Матвей Петрович Блынский пропал без вести в октябре 1943 года. Освобождая Гомельскую область Белоруссии, летом 1944 года был тяжело ранен и вскоре умер младший сержант Дмитрий Арсентьевич Блынский. Старшина же Иван Гаврилович Блынский погиб всего за две недели до победы – 21 апреля 1945 года под Бранденбургом, на территории Германии. Причем это, конечно, далеко не все Блынские, погибшие на фронте Великой Отечественной, а только те, чьи «похоронки» хранятся в архивах Покровского райвоенкомата.

Некоторым фронтовикам Блынским посчастливилось, выдержав бои и испытания, голод, холод, вернуться живыми на родину.

Двадцать пять лет – с 1954 по 1979 – проработал председателем колхоза «Заветная мечта» (бывший колхоз имени Кагановича) Иван Арсентьевич Блынский, тоже фронтовик. Родная деревня поэта – Васютино, тогда входила в состав этого колхоза. В 1973 году за успехи в производстве сельхозпродукции Иван Арсентьевич награжден был орденом Трудового Красного Знамени. К сожалению, вот уже несколько лет Ивана Арсентьевича нет в живых.

Умер и еще один фронтовик Блынский, мастер – «золотые руки» Данил Кириллович, живший в Покровском. Все жители Покровского знали, к кому можно обратиться, если требовалось починить холодильник, телевизор, любую другую бытовую технику.

Но продолжают жить Блынские в родном Васютине, в соседних деревнях и селах, в Орле и Москве.

Блынский Дмитрий Иванович

***(Документы из личного дела Д.И. Блынского,
хранящегося в редакции газеты «Орловская правда»)***

Личный листок по учету кадров

Блынский Дмитрий Иванович, 1932 г.р., 23 февраля
Орловская обл., Дросковский р-н, Внуковский с/с, д. Васютино
Русский, из крестьян, колхозник (соц. положение)
Член КПСС, вступил в мае 1958 г., № партбилета 08215215
Был членом ВЛКСМ с 1946 г.

Образование высшее, окончил Литературный институт им. А.М. Горького, факультет «Поэзия» (1954 – 1959 г.г.), получил специальность литератора.

Читал и переводил со словарем с немецкого и болгарского языков.

Выполняемая работа

Июль 1948 – 1951, ноябрь – студент Федоскинской художественной школы – Московская обл., Краснопольский р-н, Федоскино

Ноябрь 1951 – ноябрь 1953 – военно-морские силы, старший матрос – Балтика

Ноябрь 1953 – август 1954 – колхозник к-за «Путь Ленина» - Дросковский р-н, Внуковский с/с

Август 1954 – ноябрь 1959 – литературный институт им. Горького – г. Москва

Февраль 1959 – март 1960 – инструктор отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ – г. Москва

Март 1960 - октябрь 1960 – литсотрудник отдела литературы и искусства газеты «Комсомольская правда» - г. Москва

Семейное положение в момент заполнения листка – мать – 1912 г., сестра – 1942, сестра – 1945 г.

Домашний адрес: г. Орел, «Орловская правда»

Автобиография

Блынский Дмитрий Иванович родился в 1932 году в деревне Васютино Дросковского района Орловской области в семье крестьянина-колхозника.

С 1939 года - начало учебы в начальной школе.

В 1941 году территория района была оккупирована, пятнадцать месяцев находилась в оккупации.

С 1946 года – член ВЛКСМ.

После семилетки учился в художественной школе в Федоскино.

Служил на Балтийском флоте матросом.

Работал в колхозе.

Окончил Литературный институт им. Горького при Союзе писателей СССР.

Работал инструктором ЦК ВЛКСМ, литсотрудником «Комсомольской правды».

Выпустил две книжки стихов в Орле и в Москве.

Член Союза Советских писателей.

4.02.61 г. Личная подпись

Из воспоминаний И.А. Блынского, председателя колхоза «Заветная мечта»

Дмитрий Блынский был не только моим земляком, но и моим соседом, детство и юношеские годы его хорошо отложились в моей памяти. Этот человек в детские годы испытывал большие трудности.

Когда ему было 9 лет, началась Великая Отечественная война, ему пришлось увидеть все ужасы, которые принесли фашисты в родной дом, в родную деревню. Семья состояла из пяти человек, он был самым старшим, отец его, Иван Гаврилович, был со слабым здоровьем, от невыносимых условий оккупации умер, долго болела сестренка Нина.

Он у матери, Прасковьи Ивановны, был первым помощником. Уже в 7-ом классе (1947 г.) он стал писать в районную газету «Путь к коммунизму» свои стихи. Трудности жизни помогли сформироваться его талантам, и он стал поэтом, о котором без большого волнения, теплоты и радости говорить невозможно. Невозможно потому, что его страстный, зовущий к жизни, справедливости поэтический голос звучит так сильно, так проникновенно, что сильнее бьется сердце, что легче дышится, думается, живется.

К поэтам, воспевшим Родину, землю Орловщины, родные места колхоза «Заветная мечта», мы с гордостью относим нашего замечательного любимого земляка, человека, товарища, друга Д.И. Блынского, чье имя, талант особенно звучен, славен и близок нам.

Дмитрий Блынский наш колхозник, васютинский парень, худощавый, высокого роста, скромно одетый, с крестьянской котомкой за плечами, с песенным напевом своих сложенных где-то в поле стихов, вошел честно и навсегда в мир поэзии. Не было ничего возвышеннее и дороже для него, как люди, земля, его родные места. И все, что создано им за свою жизнь, проникнуто горячей любовью к человеку, к жизни, которая во всей сложности и красоте прошла через все стихи Дмитрия Блынского.

Как много оставил значительного в жизни, в душе каждого, кто имел счастье общаться с ним, и как до боли тяжело говорить о нем - «был», как трудно верить, что нет и не будет с нами такого красивого, светлого таланта и душой человека.

Но его книги, его память живут и будут жить, давая людям большую радость, счастье.

Благодарны ему земляки, в знак признательности и увековечивания памяти на центральной усадьбе колхоза «Заветная мечта» д. Внуково, перед клубом, поставлен памятник, который будет вечным олицетворением памяти духа, души человека, чья жизнь, чьи дела будут примером любви, гордости за свой край, свою землю. И дети, чья жизнь только начинается, с помощью экспонатов создаваемого музея, расскажут о том, как высокий юноша, зрелый поэт, отец семейства, еще не успевший растратить свои отцовские чувства жил, творил для людей, их настоящего и будущего.

Безгранична любовь колхозников к своему поэту. Идут колхозники, чтобы увидеть дорогие черты поэта, чтобы посмотреть представленные на выставке в школе и колхозе его пожелтевшие от времени рукописи, чтобы зримо побывать вместе с поэтом, чтобы отдать ему дань глубокого уважения.

В 1956 году, будучи студентом 3 курса Литературного института, Дмитрий Блынский приехал на зимние каникулы. Я рано утром объезжал фермы и часов в 8 утра заехал к нему, он лежал на конике, под ним сено, подушка и матросским бушлатом одет. Окна в хате были запорошены снегом, мать – Прасковья Ивановна подкладывала в печь свеженарубленные дрова из хвороста ивы. Войдя в дом, я по обыкновению остановился, негромко сказал: «Здравствуйте». Он поднял голову и быстро встал. На мой вопрос, не пробрал тебя наш мороз, он ответил, что морозец русский, на него нельзя обижаться, он нас в трудные минуты выручал.

Когда он приезжал к матери в деревню, всегда заходил в правление колхоза, интересовался делами колхоза, делил с нами свои успехи и временные неудачи в поэзии. И даже, когда далеко находился от своих мест, находил время письменно поговорить с нами о своих делах.

Так, на наше сообщение, что дела идут в колхозе хорошо, он сообщал о своих успехах в литературной деятельности и в личной жизни.

Дмитрий Блынский с нами всегда. Это его стихи искренние, звонкие, чистые зовут земляков, тружеников колхоза «Заветная мечта» на новые большие дела...

Воспоминания Василия Степановича Блынского о поэте Дмитрие Блынском

«Как братья родные»

Моё военное и послевоенное детство прошло вместе с Димой Блынским. Мы почти одногодки, жили и росли в одной деревне Васютино. Вместе ходили в школу. А в те сороковые годы она размещалась в хате Димы. Он учился в четвёртом, а я – в третьем классе. Уже в то время он отличался от нас, своих сверстников. Был более любознателен, очень любил книги. Читал их взахлёб и после нам, пацанам, рассказывал о прочитанном.

Конечно, многие эпизоды нашего детства уже стёрлись в памяти. А вот о более поздних встречах с Дмитрием у меня остались самые тёплые воспоминания.

Став известным поэтом, Д.Блынский не зазнавался. Всегда, когда приезжал в Васютино к своей маме, обязательно приходил ко мне или приглашал к себе в гости. Мы подолгу беседовали, вспоминали детские и юношеские годы. Он дарил мне сборники своих стихов с автографами. Часто говорил мне: «Вот, Василий, грамотёнки у тебя маловато, а то бы превзошёл меня». Почему он это говорил? Да потому, что я тоже баловался частушками. Они в те годы на каждой вечеринке были популярны.

Кстати, о вечеринках. Дмитрий считался душой сельской молодёжи. Ни одно гулянье, посиделки без него не обходились. Будучи жителем Орла, он приезжал в гости или просто проведать мать и обязательно ходил на «пяточок», где собиралась молодёжь. Любил петь, танцевал хорошо. Помню, было это на святки. Вышел и спел им же сочинённую частушку:

Мясоедом я жениться
От души, друзья, хочу.
Если поп венчать не станет,
Я его поколочу.

Жили мы с Дмитрием как братья родные. Одно время он дружил с моей сестрой Тамарой. Но что-то у них не получилось.

Дмитрий женился на горожанке. И вместе со своей супругой Татьяной часто приезжал в Васютино. Дружба наша продолжалась. Однажды зимой он вместе с женой решил навестить тётю, которая жила в д.Бухтиярово Колпнянского района. Я в то время работал бригадиром. Запряг лошадку, и мы вместе отправились в путь. Всю дорогу вели разговор о жизни, людях, родной земле.

Тепло, душевно относился Дмитрий не только к родственникам, но и к односельчанам. Приезжая, привозил подарки, был щедр на угощения. А случалось, что при встрече выпивали по стопке-другой. Тогда разговор лился рекой. Для хорошего человека он готов был отдать последнюю рубашку. Такая у него душа, русская натура.

Известие о смерти Дмитрия я воспринял как самую тяжёлую утрату. Сейчас, спустя годы, он остался в моей памяти красавцем-мужчиной, человеком доброй души и открытого сердца.

(Эти воспоминания известного в Покровском районе ветерана труда Василия Степановича Блынского были опубликованы в районной газете «Сельская правда» 21 февраля 1997 года, когда отмечалось 65-летие поэта. Прошло полтора десятка лет, нет уже, к сожалению, в живых и самого Василия Степановича – он ушёл в мир иной вслед за своим односельчанином и другом, но его тёплые, живые слова остались теперь в истории края навсегда – как письменный памятник нашему замечательному земляку – А.П.)

Герой нашего времени **(рассказ о фермере Александре Блынском и его семье)**

Если наши потомки попытаются составить обобщенный портрет россиянина начала XXI века исключительно по произведениям современной литературы, то картина им предстанет безрадостная — объевшиеся грибов наркоманы, опустившиеся рефлексирующие пьяницы, путаны... Образа человека труда — крепкого крестьянина, квалифицированного рабочего — они там не найдут. По-другому было в достославный и (увы!) приснопамятный «период застоя» — тогда в поэзии, прозе, драматургии культивировался тип современника с мозолистыми руками.

Так, наш земляк знаменитый поэт Дмитрий Блынский на всю Россию прославился своими удивительно лиричными, проникновенными стихами о простом деревенском работяге.

*... Иду тропой, лицо в мазуте, копоти,
Не остывал мой трактор до утра.
Звените, колокольчики, и хлопайте
В зеленые ладоши клевера!
Горите, мои руки огрубелые,
Заря моя рассветная, гори,
Да так, чтоб не понять —
такая спелая! —
Где края ржи коснулся край зари!*

Эти стихи 12 лет назад я цитировала в своей статье, нет, не о поэте, о фермере Блынском — о том, с кого писал поэт образ современника-труженика. Василий Стефанович родился в той самой деревне Васютино, откуда родом и его однофамилец-поэт, они были одногодки и более того — закадычные друзья. И вот через дюжину годочков я еду вновь в Васютино, уже к сыну Василия Стефановича — фермеру Александру Блынскому, чтобы убедиться, что не перевелась в здешних краях настоящая «крестьянская кость» и что, будь жив поэт Блынский, он и в наше время нашел бы здесь свой любимый прототип — трудягу, пахаря, который всегда был и есть подлинный герой нашего времени, «хозяин на Руси».

Фермера Блынского мы встретили, естественно, в поле: недалеко от Васютино, в районе деревни Зарницы, где расположены его пахотные земли (крестьянско-фермерское хозяйство Блынского, кстати, называется по имени этой деревни), заканчивал он сев гречихи. Через дорогу шумела на ветру подросшая озимая пшеница.

*А вокруг волнуется пшеница,
Созревая, сиясь разгореться.
Это в ней волнуется частица
Моего пылающего сердца...*

Эти строки поэта Блынского я вспомнила при виде неспешно подходившего к нам фермера Блынского. То, что сердце у него «пылающее» — неравнодушное, горячее на отклик, — мне уже к тому времени рассказали его односельчане, земляки, которые, к слову, уже второй раз выбрали его своим депутатом в районный совет. Как депутат он выхлопотал, чтобы провели газ в Васютино, как преуспевающий фермер отремонтировал дорогу от деревни до колпнянской трассы, эту же дорогу зимой он регулярно чистит своей техникой. Тем селянам, что отдали ему в аренду свои земельные доли, он пашет огороды, снабжает их зерном (дает целую тонну!), соломой, помогает с транспортом при надобности. На свои депутатские средства (15

тысяч в год) он приобрел телевизор и DVD-проигрыватель в школу села Внукова, сделал ремонт в клубе села Никольского (эти населенные пункты также входят в его депутатский округ). Как гражданин он присматривает за воинским захоронением, что находится рядом с его усадьбой, а еще — за домиком матери поэта Блынского.

Земли у фермера Блынского помимо семейных паев, что в собственности, больше 800 гектаров в аренде. На ней он выращивает озимую пшеницу с урожайностью за 40 центнеров на круг, ячмень, гречиху. Техника старенькая, есть и такая, что досталась от отца, т.е. почти 20-летней давности — «Камаз», «Беларус»... — но, удивительное дело, вполне исправная. Помнится, еще Василий Стефанович (Блынский-старший умер в 2000 году) мне рассказывал: «В моем хозяйстве машина, трактор берегутся так, как я в свое время сапоги хромовые берег» (а носил он их с армии, надо сказать, 30 лет!). Так ведь и сын такой же рачительный, в отца. В этом году планируют новый комбайн зерновой купить, уверена, он ему послужит не меньше, чем отцовская техника.

— Отец был пчеловодом, — говорит Александр, и я пасеку не бросил. Ульев, правда, поменьше, но семейную марку и здесь держу.

Что касается «семейной марки», то держат ее Блынские с незапамятных времен. Так, дед Александра Стефан был мастером на все руки: мог построить дом, мельницу, повозку, сани сладить... Этому и сынов своих выучил, те — своих сынов. Тем и стоят. Сейчас в Васютино живут два сына Василия Стефановича — наш Александр и Геннадий, который работает в хозяйстве брата. Племянник Сергей Блынский заканчивает инженерный факультет ОрелГАУ и обязательно придет в фермерское хозяйство «Зарница». А сын Александра, названный, кстати, в честь деда Василием, еще мал, ему всего восемь лет, но старинный семейный завет «С родительской земли умри, не сойди» знает и определенно будет соблюдать.

Показал мне фермер Блынский и ангар, и крытый ток, и дом свой новый, построенный им рядом с отцовским, на родной усадьбе, и дом брата, что достраивают они всем семейным миром тоже неподалеку. Две старшие дочери — такие же белоголовые одуванчики, как и младший Василек, и так же похожи на отца: «нашего корню, Блынских» — говорил про них дед. Жена Александра Наталья своему трудолюбивому мужу под стать: дом держит, приусадебное хозяйство ведет, детей соблюдает. Так что, как говорится в русской пословице, доброму роду нет переводу.

И слава Богу! Пусть будет их побольше — талантливых Блынских: и поэтов, и землеробов. «Поэтом я не стал, — говорил мне под старой яблоней 12 лет назад старший Блынский, — а вот свое взял другим талантом — земледельческим. Этот талант не ниже таланта поэта, голубка!». Вот так, читатель. И давай будем искать героев нашего времени не в современных вымороченных книжках (их там не найдешь!), а вокруг себя, среди своих земляков-тружеников, как умел это делать наш великий земляк из деревни Васютино.

(27 Мая 2011 года, «Орловская правда»)

Шатохины

Одна из распространённых фамилий Дросковского сельского поселения – Шатохины, которые проживают в здешних местах, начиная с XVII века. В Писцовой дозорной книге Ливенского уезда за 1615-1616 год назван помещик Иван Исаев сын Шатохин, владевший землёй «*в деревне в Погоневой, под Меньшим под Дросковым лесом, по правую сторону Полевого Дроскова Колодезя*». У помещика в деревне имелся дом и ему принадлежал живший здесь же крестьянин Софонко Зеновов.

Большинство Шатохиных в течение 300 с лишним лет после этого первого упоминания о них продолжали населять деревню Погоневу, но несколько семей проживали также в селе Дросково и в соседних деревнях Сетенёвой и Внуковой. Об одном из представителей данной фамилии, Георгиевском кавалере Афанасии Демьяновиче Шатохине, уроженце деревни Погоневой, я рассказал отдельно (*смотри страницу 54*).

В третьем томе «Реквиема» («*Книги памяти жертв политических репрессий на Орловщине*») названы трое погоневских Шатохиных, пострадавших безвинно в 30-ые годы от культа личности. Единоличница Агриппина Дмитриевна, арестованная в 1931 году, была приговорена к ссылке на три года в Северный край. 53-летнего Федосея Филимоновича и 65-летнего Николая Климентьевича арестовали в 1937-ом. Единоличник Федосей Филимонович Шатохин был осуждён на пять лет лишения свободы и два года поражения в правах. А вот рабочего конторы «Заготскот», самого старшего из арестованных, Николая Климентьевича, расстреляли в том же году.

Сколько родственников и однофамильцев Шатохиных ушли на фронты Великой Отечественной войны, я точно не знаю, но одних только погибших и пропавших без вести с 1941 по 1945 год их оказалось 22 человека.

А теперь чуть подробнее я хочу рассказать о представителях одного большого семейства Шатохиных, которые жили в ближней к селу Дросково деревне Харчиковой, рядом с так называемой «Зуёвской рощей».

Глава рода, Шатохин Василий Яковлевич (1870-1929), до революции был писарем Дросковского волостного правления, его жена, Наталья Кузьминична (1883-1951), домохозяйка, воспитывала десятерых детей: Агафью (домашние звали её Феней, она умерла в 15 лет), Павла (1903-1942), Агриппину (1911-1956), Дмитрия (1912-1981), Александру (1913-1982), Алексея, Николая, Фёдора (1917-1985), Ивана (1921-1989) и Егора (1926-2000).

Это большое семейство можно назвать уникальным по многим параметрам, но самое существенное – то, что все семеро сыновей, от старшего, Павла Васильевича (1903 года рождения), - до младшего, Егора Васильевича (1926 года), - воевали. И не вернулся в родной дом только один из них. Младший лейтенант, командир взвода 473 стрелкового полка Павел

Шатохин погиб смертью храбрых 17 марта 1942 года в бою у деревни Можино Смоленской области, где и был похоронен.

Из шести возвратившихся на родину братьев самым пострадавшим оказался младший, Егор Шатохин, который получил тяжелейшие ранения и остался инвалидом без ног. Призванный Дросковским военкоматом в марте 1943 года, Егор начал воевать 17-летним пацаном в составе моторизованного батальона автоматчиков 16-ой отдельной танковой Краснознамённой Дновской бригады. В июле 1944 года, во время наступления в Псковской области, он лично уничтожил 6 гитлеровцев, а потом ещё и спас наш танк, к которому на расстояние броска гранаты приблизились немцы во время контратаки. Егор Шатохин первым их заметил, открыл огонь из автомата и убил двоих фашистов, а остальные сбежали. Тогда красноармеец Шатохин был удостоен первой своей награды – медали «За отвагу».

А вскоре, при переправе через реку Синяя в той же Псковской области, он получил тяжелейшее ранение, но из боя не ушёл. За мужество боец был удостоен второй медали «За отвагу».

Несколько раз был ранен и Фёдор Васильевич. Одно из ранений способствовало решению его личной судьбы, поскольку в госпитале Фёдор Шатохин познакомился со своей будущей женой Натальей, тогда – медсестрой, а позже – врачом-терапевтом.

Кроме братьев, принимала участие в Великой Отечественной войне и одна из сестёр, Александра, которая была разведчицей в составе специального подразделения 13 Армии и несколько раз переходила линию фронта.

В Зуёвке Шатохины жили долго, правда, отдельные члены семьи стали уезжать в поисках лучшей доли ещё в довоенный период. Перебрались в Дросково на постоянное место жительства Иван Васильевич и Фёдор Васильевич, в Орле жил Дмитрий, в Москве закрепились Александра, Алексей и Николай.

Иван и Фёдор Васильевичи Шатохины, в середине 50-ых годов, построив дома в селе Дросково, поселились друг напротив друга на улице Заводской, неподалёку от Дросковского маслозавода. Когда в 1989 году Иван Васильевич умер, то спустя три года в его опустевший дом переехал из деревни Харчиковой младший брат, Егор Васильевич. Он стал последним из Шатохиных, покинувшим родовое гнездо.

Иван, Фёдор, а чуть позже – Егор Васильевичи Шатохины жили в Дросково по соседству с семьёй Михаила Семёновича Гаврина. Один из последних участников войны на территории Дросковского сельского поселения, он недавно скончался. Его сын, Александр Михайлович, живущий сейчас в посёлке Покровское, с детских лет был знаком с представителями большого шатохинского семейства, дружил с детьми старших Шатохиных, знал и приезжавших в гости в Дросково Дмитрия и Николая Шатохиных.

Вот со слов Александра Михайловича я и нарисую коллективный портрет Шатохиных.

Сначала о внешнем облике. Большинство из них были смуглолицы и черноволосы, с густыми тёмными бровями (в отца, Василия Яковлевича, о происхождении которого целые легенды ходили). Самой колоритной внешностью обладал Дмитрий Васильевич – с тёмным, кучерявым волосом, очень выразительными глазами, озорной улыбкой, чем-то напоминавший Александра Пушкина.

Почти все Шатохины были властными, бескомпромиссными в общении людьми, с которыми считались все окружающие. Впрочем, не только по этой причине, а ещё и потому, что они, прежде всего, были специалистами, Мастерами – «золотые руки», что бы ни брались делать. Иван, Фёдор и Егор были замечательными садоводами, выращивавшими разнообразные плодовые культуры, главными из которых являлись, конечно, яблоки. Егор ещё был классным специалистом по прививкам новых сортов, а Иван лучше всех в Дросково квасил капусту и мочил яблоки. Бочки для этих продуктов он тщательно готовил сам: пропаривал, парафинил. Вообще Иван Васильевич любил вкусно поесть, поэтому предпочитал любимые блюда готовить так, как нравилось лично ему. Наверное, по этой причине, он набрал в зрелые годы приличный вес и получил в Дросково прозвище – «Иван-гора».

Егор Васильевич Шатохин, несмотря на то, что ног не имел, а ходил на протезах, ущербности никогда не чувствовал. Прежде всего, потому, что всегда был чем-то занят. Если не садом, то часами (он был единственным в те годы часовым мастером в Дросково) или фотографией.

Дмитрий Васильевич замечательно играл на гармошке и любил охоту (кстати, в те годы он, в числе немногих, увлекался этим занятием, владел настоящим зарегистрированным ружьём).

В спорте, в лёгкой атлетике, больших успехов добился Николай Васильевич, о котором ходил слух, что он легко догоняет зайца. Во время службы в армии, за победу на одном из соревнований Николай Шатохин получил в качестве награды именной баян.

Фёдор Васильевич, закончивший войну капитаном, работал в Дросковской средней школе, вёл уроки трудового обучения и физкультуры. У него первого в селе появились телевизор (с высоченной антенной у дома) и «Москвич».

Любовь в автомобиле была у Шатохиных, что называется, в крови. Все братья имели водительские права. Дмитрий Васильевич профессионально работал шофёром большегрузного МАЗа, на котором частенько приезжал в родную деревню или к родственникам жены в Енино, буквально пролетая на огромном грузовике над рытвинами и колдобинами.

Иван Васильевич Шатохин некоторое время возил первого секретаря Дросковского РК КПСС К. Бурлакова, а когда ушёл на новое место работы, в течение нескольких лет собирал и, в конце концов, собрал из запчастей и утиля легковой самодельный ГАЗик. Эту машину долго не регистрировали в ГАИ, но Иван Васильевич добился своего и стал обладателем первого частного автомобиля такого рода в наших краях.

Егору Васильевичу, как инвалиду войны, выделили специальное транспортное средство – «инвалидку», которую он сменил потом на ЛУАЗ, и на обеих машинах он никогда не знал проблем.

Кстати, с протезами его произошёл однажды трагикомический случай. Соседский пёс, сорвавшийся с привязи, пытался укусить проходившего мимо Егора Васильевича, вцепился ему в штанину ниже колена – и сломал себе зубы о каркас протеза. С воем от боли, несчастная и недоумевающая собака бросилась бежать.

На Дросковском сельском кладбище лежат сейчас многие из тех Шатохиных, о ком я рассказывал, рядом с ними упокоились их жёны, а неподалёку – уже и дети некоторых. Что ж, такова жизнь.

Но живёт в Орле один из продолжателей славной фамилии Шатохиных – Александр Фёдорович. Вместе с двумя своими сёстрами - Любовью Фёдоровной Шатохиной и Ниной Фёдоровной Бодатченковой, он работает в известном в Орле образовательном учреждении – школе «Веда». Вот уже 20 лет эта самая «старая» по возрасту в областном центре организация предлагает услуги по обучению иностранным языкам как взрослым, так и детям.

Любовь Фёдоровна и Нина Фёдоровна – основательницы этой школы, которая успешно выдержала испытание временем и стала известна не только в Орле, но и далеко за его пределами.

Помогать сёстрам, уже выйдя на заслуженный отдых, стал и брат. Сейчас Александр Фёдорович Шатохин, сын дросковского учителя трудового обучения и физкультуры Фёдора Васильевича, - тоже занят благородным трудом на ниве образования

Однако в последнее время занялся он ещё и не менее важным делом – составлением родословной семьи Шатохиных. Ведь эта старинная фамилия достойна того, чтобы о ней знали, прежде всего, сами носители её, внуки и правнуки тех, о ком я рассказывал. Но не только они, потому что история отдельной семьи Шатохиных – это ещё и частичка нашей общей истории.

Творчество земляков

«Тень крыла» Александра Харчикова

Ранним утром 26 октября 2010 года не стало Александра Тихоновича Харчикова, известного российского писателя, поэта и публициста. Он скончался от сердечного приступа на своей квартире в городе Туле, где жил и работал последние 50 лет.

А родился Александр Харчиков 29 февраля 1936 года в деревне Харчиково (тогда – Дросковского, а ныне – Покровского района) Орловской области, в обыкновенной крестьянской семье. В 1953 году закончил Дросковскую среднюю школу, в 1958-ом – Новомосковский химико-механический техникум. Работал на Косогорском металлургическом заводе в

Туле – бригадиром дежурных электриков доменного цеха (бригада одной из первых на заводе получила звание коммунистической), освобождённым секретарём комитета ВЛКСМ. В 1965 году издал книгу о доменщиках – «Лицом к огню». За ней последовали другие повести и романы: «Среди людей», «Заводские повести», «Время моей любви», «Хранители огня», «Перед дальней дорогой», «Кричу и бегу» и другие.

Издавался в московских издательствах и в Туле, публиковал свои произведения в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Подъём». В тульских областных газетах работал редактором отделов общественно-политической жизни.

Заочно закончил Литературный институт имени М.Горького, в 1971 году стал членом Союза писателей СССР и России. Стихи писал всю жизнь, но первую книгу стихотворений «Под стон людской» издал лишь в 1998 году, вторая, «Тень крыла», вышла в свет в 2004-ом. Следом за стихами пришла очередь и харчиковской публицистики (сборник «Чёрт-те что сбоку демократии»).

Произведения Александра Тихоновича всегда охватывали самые жгучие проблемы общества на современном этапе, рассказывали о судьбе народа и каждого из нас. Писатель, поэт и публицист, Харчиков никогда не приспособливался – ни к чиновникам, ни к обстоятельствам. И потому часто он был неуютен, всегда оставаясь самим собой.

За месяц до смерти за постоянную и активную гражданскую позицию желавшие жить спокойно руководители тульской писательской организации исключили Александра Тихоновича из её рядов. Он виду не подавал, но переживал сильно. Сердце, в конце концов, и не выдержало.

Писатель и поэт, творческая личность, Харчиков очень любил свою малую родину, земляков, всегда отзываясь на их просьбы и пожелания.

В предпоследнем своём электронном письме, присланном мне 20 октября 2010 года, он спрашивал: *«Как там родина? Не сгорела ли в огне? Не утонула ли в дождевой воде? Что слышно о наших общих знакомых? Что там о Дроскове слышать? Ещё не собираются его сделать столицей татарского ханства?»*

С приветом! Как-нибудь соберусь с силами, дойду до почты, пришлю «Бегство из рая» (последняя книга, изданная на средства спонсоров, одним из которых стал Александр Коржаков – А.П.).

И заканчивая, пошутил: *«Привет! ЖМУР Харчиков (ЖМУР – не в смысле покеда-покойник, а просто – «Жму руку»)*. Такой вот «чёрный» юмор нашего земляка оказался пророческим.

Пусть эта, уже посмертная, публикация стихов Александра Тихоновича станет нашей данью ему, человеку, который почти совсем не публиковался в родных орловских изданиях. Он это заслужил. А то, что Харчиков – поэт большого гражданского звучания (впрочем, и лирического тоже – А.П.), читатель сейчас убедится сам, читая стихи, присланные Александром Тихоновичем своим землякам, членам районного клуба творческих личностей «Мастера».

Стихи

Моя вина

Я виноват - меня не расстреляли.
Меня никто не вызвал на дуэль.
Допросами меня не истязали.
Не одевали в серую шинель.
Я не еврей, не сын казненной мамы,
Не диссидент, не князь, не дворянин...
Мой дед не пережил кулацкой драмы.
Аз есмь простой российский гражданин.
И Родина меня не наградила.
И не был у властей в большой чести...
Но женщина одна меня любила.
О, Господи, прости ее, прости...

Покаяние

Мне говорят: " Пожил - и хватит,
Творец "литературных пут"! "
Меня повсюду виноватят
И к покаянию зовут.
Я каюсь ! В том, что честно прожил
И в том, что честно жить учил,
Что лишь словами бил по роже,
А в рожу кулаком не бил.
Я каюсь, что начальством не был,
Что взятки никогда не брал,
Что не хватал я звезды с неба,
Что звезд на грудь не нахватал.
Я каюсь, что всегда наградой
Свобода Родины была,
Что не лизал начальству зада,
Не жрал объедки со стола.
Я каюсь в том, что нищий с детства,
Писал стихи и лил металл,
Что детям не скопил наследства
И, что друзей не предавал.
Что не был там, где бьются лбами,
Где сатанинская игра...
Я не скриплю теперь зубами.
Пришла раскаянья пора!

Милая

Милая... У нас пока не осень:
Порох есть и помыслы чисты.
В волосах серебряная проседь
Только прибавляет красоты.
Ты меня без грусти и печали
На пороге всякий раз встречай...
Вот приду я, в драках измочален...
Головой с упреком не качай.
И не задавай пока вопросов.
Принеси – какое есть - вино.
Посидим... покурим папиросы...
Что дано, то нам пока дано.
Есть у нас с тобой вот это небо.
Есть друзья, и добрые дела...
А враги... Кто в схватке с ними не был,
Мать того напрасно родила.
Милая! У нас с тобой не осень.
Порох есть, и помыслы чисты...
В волосах серебряная проседь
Только прибавляет красоты.

Вера

Когда туман сгустится над душою,
Когда готов ты уступить тоске,
Стучись к друзьям. Они тебе откроют
И не заметят седину в виске.

Придет весна зеленою грядюю.
Удачи песня для тебя слышна.
Зови друзей. Они с тобой откроют
Бутылку золотистого вина.

А если жизнь к тебе жестока будет -
Твои друзья оставят мир в борьбе...
Ты шел всегда с открытым сердцем к людям.
Они друзья. Они придут к тебе!

Работа

Моё оружие – работа.
Когда враги осадят дом,
Я с нею выйду за ворота,
Прикроюсь ею, как щитом.

От дружбы подлостью повеет.
Любовь измену принесёт.
Работа крепостью своею
Меня поднимет и спасёт.

Когда за дальними холмами
Я удалюсь в небытиё,
Моя работа будет с вами.
Она – бессмертие моё.

Дмитрий Блынский *Стихи*

Моя родословная

Зайдёшь к нам в деревню и скажешь:
Все близкие,
Далёких по крови в ней нет ни кого:
Какая бы хата ни встретилась –
Блынские.
Да что это –
Дети отца одного?

Сквозь годы карабкаясь
Тропкою узкою,
Я путь родословной своей узнаю.
Опять же, фамилия наша нерусская,
Откуда взялась она в нашем краю?
Здесь деды и прадеды жали и сеяли,
Без выезда жили в срединной Руси.
Имея ли хлеба кусок, не имея ли,
Тянулись к Христу:
«Сохрани и спаси».

А он им – то зной вместо дождика спорого,
А он им – то град вместо солнца пришлёт,
А он им – помещика,
После которого
В сусеках сметали мышинный помёт.

И снова с извечным:
«О господи, выручи,
Избавь от сумы в середине зимы». –
«А чьи ж вы, крестьяне?» -
«Адам Казимирыча,
Адам Казимирыча Блынского мы...»

И, хмурые, глухо роптали на барина,
Всё чаще в кругу толковали о том,
Что господом Богом
Земля им подарена,
Что сеют, а ходят
С пустым животом.

Горел в их глазах
Огонёк нетерпения.
Скрывал до поры его каждый с трудом,
Пока он не вспыхнул на праздник Успения
Пожаром,
Обнявшим адамовский дом...

С тех пор, хоть в указах о том не указано,
Прозвали фамилией барской крестьян.
И тот, кто носил её, с ним была связана
Презренная кличка –
Бунтарь и смутьян.

...Запоротых до смерти,
Вижу их, словно я
Стою у раскрытых в столетья дверей,
Стою и горжусь, что моя родословная
Идёт от орловских крестьян-бунтарей.

(К сожалению, во времена учёбы Блынского в школе дореволюционную историю изучали в очень сжатом, неполном виде, иначе бы Дмитрий Иванович знал, что в его родной деревне никогда не было помещиков, поскольку жили в ней казённые, государственные крестьяне, потомки бывших однодворцев. С гораздо большим основанием Блынский мог бы гордиться тем, что его предки были первопоселенцами нашего края, служилыми людьми, охранявшими его рубежи от постоянных набегов крымских татар – А.П.)

Сорок пятый

Прости меня, отец, что за семь лет
Я в первый раз к тебе явился в гости.
Ковром сухой травы
Твой холм одет –
Заботливая осень на погосте.

А где твой крест?
Какая-то вдова
Зимой, в метель (мне скажут: это слишком, -
Но так и есть) срубила на дрова,
Чтобы сварить похлёбку ребятишкам.

Торчит один пенёк.
Отцовский крест...
Его забыть бы, но тревожна дума:
Да что там крест, куда ни глянь –
Окрест
Пеньки, пеньки глядят на мир угрюмо.

Где раньше рос на крутогоре лес –
Сегодня куст маячит одиноко.
Как старый нищий,
Сгорбился, облез,
Войною искалеченный до срока.
Зайди в село –
Спокойная душа
Нетронутой останется едва ли:
В моём селе не встретишь малыша –
Четыре года
Бабы не рожали.

Но встань сейчас, отец, и посмотри,
Как на пригорках вырастают хаты
Из самана, из глины,
А внутри
Поют до слёз вчерашние солдаты.

Мы будем жить.
И снова малыши
Дома наполнят плачем или смехом.
И только ты, отец, от всей души
Нас не поздравись ни с каким успехом.

Прости меня, отец, что за семь лет
Я в первый раз к тебе явился в гости.
Ковром сухой травы
Твой холм одет –
Заботливая осень на погосте.

Землякам

Пусть от вас далеко я,
Но все думы мои
Там, за синей Окою,
Среди вашей семьи.

Край, где можно согреться
У озябшей ольхи,
Входит он в моё сердце,
А из сердца – в стихи.

Если что приукрашу,
Если что утаю,
Не вернуться мне в вашу
Дорогую семью.

.....

Где б мы ни были, мы издали торопимся
В несказанные отцовские места,
Где свои нам перелески, рощи, тропы все,
Где и сам ты свой для каждого куста.

Я уйду в поля с ребятами колхозными
Перепахивать ежастую стерню,
Чтобы завтра
Встали русыми колосьями
Капли пота, что в межу я оброню;

Чтобы завтра те колосья стали строками,
Чтоб в жар-птицу превратилось море ржи.
С яро-солнечными крыльями широкими
Да с глазами-васильками у межи.

Мать - Орловщина, земля моя, кормилица,
Как же мне такую не любить?
Ты родник, что вечно льётся
И не выльется,
Из которого мне долго песен пить.

Мать – Орловщина,
Всегда ты сыну верила,
Только к матери ведут его следы:
Без тебя я, как без корня жизни – дерево,
Как в селе моём колодец без воды.

.....
Я иду весёлым старожилом,
Своё счастье в поле карауля.
По моим пульсирующим жилам
Хлещет солнце русского июля.

Льются звуки, веселы и юны,
Так, что слухом наполняюсь весь я, -
Это тихо солнечные струны
Жаворонок тронул в поднебесье.

А вокруг волнуется пшеница,
Созревая, сиясь разогреться.
Это в ней волнуется частица
Моего пылающего сердца.

Распирают грудь густые ветры,
Так, что я иду, а под ногами
Пройденные мною километры
Кажутся немногими шагами...

Виталий Бабаев

Стихи

.....
Стесняемся легко мы,
Когда шумит листва,
Дарить своим знакомым
Горячие слова.

Хотя бывает кстати
Душевное тепло.
Глядишь – уже к закату
И лето подошло.

Земля в прохладе тонет.
Слетевшие едва
Не листья ветер гонит –
Остывшие слова.

.....
Горестно отзвучала
Музыка в вашу честь.
Больше не будет начала...
Но продолжение есть!

Доброй верны науке,
Скорби разжав тиски,
Праздно не сложат руки
Ваши ученики.

В жизненной круговерти
Не спасовал ни один.
Вашей, учитель, смерти
Торжествовать
Не дадим!

.....

Рассказ о жизни, творчестве
поэта

Закончил в клубе лектор
из Москвы.

- Вопросы есть?

И модно разодетый

Поднялся парень:

– Знаете ли Вы,

Что тот, кого сейчас
превозносили,

Безбожно пил. Не много ли
похвал?

– Да, пил Есенин, но любовь к России

Нигде и никогда

не пропивал!

Владимир Дубов

Стихи

.....

Как не любить село родное!

Оно навек в моей судьбе,

С его немеркнущей зарёю,

В его без усталости труде.

Село поможет и излечит,

И скажет «да», и скажет «нет!»

Простит твой грех, даст мудрость речи

И самый лучший даст совет.

В мозолях рваных утверждалось,

В кругу тревожных дней и лет.

Взросло оно и возмужало,
Взвалив на спину тяжесть бед...
Как не любить село родное,
С мечтой о тучной борозде –
Его дворы в лесах хозстроек
И в огородной городьбе...
Село поможет и излечит,
Развеет страх и сплетен бред,
Зажжёт предутренние свечи
И позовёт с собой в рассвет...
Село: поля и даль без края,
Родник и трели соловья.
Россия – мать, страна родная –
Всё это родина моя!

.....

Подолгу бабушка когда-то
Со мной любила вспоминать
О дяде Вите с дядей Сашей,
Ушедших с «немцем» воевать...

Ушли – пропали мои дяди,
Но твёрдо бабушка ждала
Своих сынов и Бога ради
В молитве каждой их звала...

Ждала состав на полустанке,
Чтоб только знать, что сын живой.
Ждала, когда, сгорая в танке,
Кричал ей «Мама!» сын второй...

Ждала в конце войны проклятой,
Ждала, ночами не спала,
Ждала, придут её ребята!
Иначе думать не могла...

Ждала, когда теряя силы,
Уже смотрела в мир иной,
Ждала до самой до могилы –
Пока сама была живой.

.....

Сапоги потёртые,
Весела душа.
Луговиной пёстрою
Тороплю свой шаг...
Не пытай, зачем, куда,
По полям, лесам...
Просто есть моя мечта,
Просто есть я сам...
За домами даль ясна
И приветлива.
С каждым днём весна
Всё заметнее.
Сладок сок берёзовый,
Соловей поёт,
За посадкой розовой
Солнца шар встаёт...
Обниму берёзку я,
Прислонюсь щекой.
Край любимый Дросково,
Уголок родной!...
Слышишь, там, за вёрстами,
Чей-то лёгкий шаг.
Сапоги потёртые.
Весела душа!

.....
За спиной рюкзак потёртый.
Полукеды на ногах.
Эй, хандра, смешная тётка,
Поищи меня в лугах!

До свиданья, домоседы!
Будь здоров, телеэкрэн!
Я сегодня на беседы
У костра собою зван.

Впереди походкой скорой
Друг мой верный – ветерок.
Полевым идём простором,
Самой лучшей из дорог!

И когда зарёй вечерней
Я присяду у огня.
Всё равно, хандра, поверь мне,
Не отыщешь ты меня.

Берёзка Блынского

Сельский дом, в тёплых думах согретый,
В чуткой дрёме у двери порог.
И тропинка к берёзке поэта
Ниже старой развилки дорог.

Припорошена снегом, седая,
Чуть колыхет ветвями она,
Будто дышит, как память живая,
Опечаленной грусти полна.

Вся в надежде на скорую встречу,
Не уставшая верить и ждать,
Словно мама из дома под вечер
Вышла сына с дороги встречать.

Смотрит вдаль с неуёмной тоскою,
В глубь засыпанных снегов лугов.
Снова слышится ей в непокое
Шум его долгожданных шагов.

Мнится ей: дым струится над крышей,
В доме жарко натоплена печь,
Дверь открылась, и вот кто-то вышел,
И его ей послышалась речь.

Антонина Гольшкина

Стихи

Белое платье – красная шаль

Лунные блики
Всюду окрест,
Светлые блики
Юных невест.
Белое платье –
Красная шаль,
Ты моё счастье,
Ты и печаль!
Шаль с бахромою
На белых плечах,
Что-то святое
В детских очах.
Белые розы –
Тайна мечты,
Юные грёзы
Навеяла ты!

Воронок

Снег копытами взрывает
Жеребец мой Воронок,
В мыле весь, огнём пылает,
Санний путь у нас далёк!
Я в санях лежу на сене,
Жеребец как ветром мчит,
Обгоняем бrenно время,
Ночь светла и всё молчит!
«Эге-ге», - кричу на взлёте, -
«Эге-ге», - в ответ летит,
Мы взлетаем, мы в полёте!
Под санями снег скрипит!

Владимир Харчиков

Полонез Огинского **(новелла)**

Памяти Р.Б.

Это была его восьмидесятая весна. В это время он садился на завалинке, прислонившись к стенке избы. Упёршись бородой в тело скрипки, начинал играть. Услышав музыку, собирался народ. Люди слушали его нехитрое исполнение. Ведь он не имел музыкального образования, не имел понятия о нотной грамоте. Играл о том, что чувствовал, видел, переживал в душе. Он часто останавливался и, положив на колени натруженные руки, выцветшими от времени глазами смотрел куда-то вдаль. Наверное, вспоминал прожитые годы и войну 1914 года, с которой пришёл с израненной, изуродованной ногой и Георгиевским крестом.

Однажды, в годы немецкой оккупации, он решил выйти во двор. Увидел его немецкий офицер. И на ломанном русском спросил, откуда у него эта награда?

– О, ты воевал против наших, убивал кайзеровских солдат,- и вытащил пистолет, но убивать старика не стал, а сильно толкнул его в грудь. Он долго поднимался из глубокого снега, потому что раненая нога не сгибалась в колене. Как-то раз пошутил, что, мол, не только за боевые заслуги, но и за искалеченную ногу прижилось к нему прозвище «Хромой»... Отдохнув немного, он снова начинал играть волнующие мелодии.

Вдруг музыка умолкла, и из рук старика выпали скрипка со смычком, и он упал следом за ними, раскинув руки.

– Лёша, сынок, подойди ко мне,- заговорил он.- Что ты так далеко от меня?

Когда он умолк, первой к нему подошла Савелиха. Пощупала пульс, его не было, заглянула в широко открытые, не моргающие глаза и почти закричала:

– Люди, умер, умер ведь наш Герасим!

Пришёл сын, долго смотрел на безжизненное тело отца.

– Ну вот, дорогой папочка, отработалось твоё доброе сердце.

Лёгким движением он поднял его на руки и, прижав к груди, понёс в избу... А люди ещё долго не расходились. Вспомнили, как он жил в маленькой хате с коническим окошком, длинной трубой над почерневшей крышей. А когда умерла его жена, и женился сын, он стал жить тут, в Зуевской роще, где дышалось легко и свободно. В маленьком сарайчике оборудовал столярную мастерскую, где не умолкало жужжание пил, шуршание рубанков и токарного станка. Тут всегда пахло лаками и краской. Он дарил людям кухонные и праздничные лакированные столы с точёными ножками, а также стулья, табуреты, разные скамеечки. Мог отремонтировать и изготовить прялку. Большим спросом пользовались рамочки для семейных фотографий, деревянные карнизы и стулья. Он и гроб себе изготовил заранее. Известно, что и скрипки он делал.

Жизнь продолжалась. Голосистые петухи возвещали о начале нового дня. Над почерневшими крышами родной деревни поднимались клубы дыма, где-то там, под Самолётовкой, шумел водяной поток, в чистом, голубом мартовском небе пели жаворонки. Слышались крики журавлей. На светлом могильном холмике лежали букетики светлых подснежников, под лёгким дуновением ветерка шевелились траурные ленты...

Прозрение (этюд)

Сегодня Марина с семилетней дочкой Ирой решила сходить к подруге, которая тоже в одиночестве воспитывала ребёнка. Их дорога проходила через парк, весь усыпанный осенними листьями. Иришка стала просить, чтобы ей позволили поиграть, побегать. Но Марина быстро шла по парку и крепко держала дочку за руку. Девочка стала капризничать, вырываться. Марина дёрнула её за руку, но посмотрев в заплаканные глаза, отпустила. Ира с радостью побежала по аллее парка, поддавая листочки, а затем собирая их в кучу. А Марина устало присела на скамью, решив отдохнуть от забот своей непростой жизни. Она смотрела на резвившуюся дочурку, на её сияющие от радости глаза, слышала её звонкий смех, и что-то ёкнуло в её сердце.

– Зачем я её дёрнула за руку? Ведь я же сделала ей больно.

И пошли мысли о детях – своих, чужих, живущих в полных семьях и неполных, о новорождённых, завернутых в хозяйственные сумки и выброшенных в мусорные баки.

Что же мы творим, милые женщины? Почему лишаем яркой жизни своих кровиночек? Почему часто не понимаем детских развлечений, говорим –

«Не бегай», «Не кричи». Мы навязываем своё «Я», хотя у каждого ребёнка своя голова и свои мысли.

В это время Иришка, набрав букетик из разноцветных листьев, подошла к маме и сказала: «Это тебе, мамочка!» Глаза Марины наполнились слезами, она прижала дочку к груди и стала целовать.

Придя домой, Ира без обычных капризов съела свой ужин, да и уснула раньше обычного. Марина долго смотрела на спящую дочку, на её сжатые у подбородка кулачки, на пелену пушистых волос на подушке и на букет осенних листьев, который стоял в стакане у изголовья кровати. Смахивая слёзы, она говорила себе: «Ну, а как дальше жить будем? Ты ведь никогда не произнесёшь слово «папа», и любовь мне нужно дарить тебе за двоих».

В эту ночь Марине не спалось.

Тишина на Зуёвке (новелла)

Зуёвка – это зелёный массив смешанного леса. Растут тут берёзы и клёны, осины и ясени. Но преобладает орешник и разные кустарники. Этот растительный уголок природы – гордость и украшение деревни Харчиково, в которой я родился и вырос.

Я пришёл сюда в очередной раз, чтобы поклониться тем, кого уже нет на свете. Этим деревьям, растущим и не знающим наших бед. Стою, думаю: с чего начать мой путь? Решаю: иду по высокой траве, по когда-то наезженной дороге, к домам Сеньки и Ваньки Воробьёвых. Останавливаюсь, смотрю: нет их домов и нет жильцов. Выхожу на проулок, что ведёт к пруду, поворачиваю вправо, и вот он, старенький подвал, в который после ухода немцев мы, мальчишки, прибегали, чтобы побольше притащить домой немецких патронов. Вот и усадьбы Гришки и Перфилия. Только сад напоминает, что тут жили люди. Иду через сад к дому Шатохиных. Он стоит ещё – добротный, под железной крышей. С восхищением вспоминаю, как жила в нём семья из десяти человек. У добрых, трудолюбивых Василия Яковлевича и Натальи Кузьминичны было восемь детей: Агриппина и Александра, Павел и Фёдор, Дмитрий и Николай, Иван и Егор. И были среди них партийные работники, офицеры, пастухи и трактористы, бухгалтер и часовых дел мастера, гармонисты. Все мужчины могли водить автомобиль. Позавидуйте им, нынешнее поколение!

А там, сразу за сараями, была зелёная поляна, на которой по воскресеньям и в праздничные дни собирались люди из близлежащих деревень, молодые и постарше. И гремело тут веселье. Балалайки, мандолины, гармошки и танцы с переплясами частушками разрывали тишину этого зелёного уголка природы. И не верится теперь, что было, как далеко мы ушли от этого, заменив всё рок-группами, не всему народу понятными.

По широкой поляне иду к местам, где стояли хатёнки Савелихи и Алёнки. Нет их, нет и хатёнок. Лишь сады, длиною метров по двести, ещё живут и дают плоды, которые теперь некому собирать. Печально и грустно! Выхожу на дорогу, ведущую к домикам, недавно оставленным последними

жильцами Зуёвки. Вот он, маленький картонный домик, приземистый, под крышей железной, с маленькими окошками. И не верится, что родился тут Александр Тихонович Харчиков – поэт и писатель, член Союза писателей СССР. Жив ещё израненный войной сад. В феврале 43-ого года стояла тут немецкая батарея. Чтобы не мешали пролёту снарядов, фашисты спилили макушки яблонь. Но выжили бедолаги, дают обильные плоды. Под одной из яблонь могильный холмик – вечная память об умершей в детстве сестре Саши.

И последний объект – домик Миши Брылёва, человека, всю жизнь пахавшего на забытом теперь тракторе ХТЗ. Домик стоит, притаившись в густой зелени, а хозяина нет. А как-то, года два назад, иду по аллее, переплетённой вверху ветвями орешника, навстречу мне – женщина. Миниатюрная старушка, красавица в прошлом, прищутив глаза, смотрит на меня.

- Ты что ль, Володь? проведать пришёл? Я вот одна живу, зрения и здоровья уже нет. Думаю вот к сыну в Покровское доживать свой век....

Вот такая вышла встреча. Да и Михаил вспомнился – ведь в одно время вместе трактористами работали. Окончен мой обход девяти усадеб, где жили сверстники и друзья моего детства и юности.

Удивительно, что Харчиковых жило тут 7 из 9 фамилий. Выхожу на пустошь, и ёкнуло сердце – тут по моей вине могла быть непредвиденная смерть. Случай этот не выходит из головы всю жизнь. А было так. Мы с братом принесли с поля немецкие гранаты, похожи на гусиные яйца. Решили бросать подряд. Считали, что взрывы будут, как у «Катюши». Бросаем первую – взрыв, бросаем вторую – взрыв, бросаем третью – молчание. И в этот момент появляется женщина. Вот она уже поравнялась с местом падения гранаты. Но взрыва нет. Мы в страхе спрятались за угол избы. До сих пор непонятно, почему граната не взорвалась. А может быть, Бог спас женщину, она ведь всю жизнь верила в него. Может быть...

Вечереет. Натруженное за день солнце клонится к горизонту. Но уходить не хочется. Я стою и думаю, что завтра начнётся новый день. Но не известят о нём своим пением петухи, не слышно будет рёва коров и блеяния овец, говора людей и звонких детских голосов, лая собак и звуков машин. Ничего не будет! Будут идти дожди, и шуметь ветра в этих зелёных верхушках деревьев. Зимой снежные бури занесут, забудут знакомые до боли в сердце многочисленные дорожки, просеки и тропы, по которым ходили, бегали жильцы этого замечательного уголка природы. Зацветут сады, и будут падать на землю никому не нужные плоды. О Боже! Неужто тобой им, нашим деревням, нашей малой родине уготована смерть?! За что? Почему? Скажите нам, история и люди, прожившие её...

Постояв ещё немного, смахнув слезу, иду по дороге, тысячи раз приводившей меня к родному дому, которого теперь нет. Боюсь, очень боюсь сказать себе, что приходил я сюда последний раз... Приходил туда, где будет стоять теперь вечная таинственная тишина.

(«Сельская правда», 29 июля 2003 года)

Приложение

Хроники села Дросково

1615 год – «Дозорная книга Ливенского уезда»

Сельцо Архангельское, что прежде было займище,- под Дросковым лесом, на Брусовом верху. Проживали поп Семён, пономарь Иван, служившие в церкви Михаила Архангела. Маленькую деревянную церковь поп Семён построил на свои средства.

Кроме них, в сельце проживали 6 помещиков и помещицья вдова. Вот их имена:

Иван Мальцов, Максим Легостаев, Логин Легостаев, Богдан Росляков, Василий Кудинов, Фёдор Легостаев, помещицья вдова Варвара Гревцева с сыном Ивашкой.

Крестьян и бобылей в сельце не было.

1678 год – «Ливенские писцовые книги»

Село Архангельское (Дросково) – поп Василий и 11 однодворцев

Село Нижнее Архангельское (Енино) – поп Василий и 3 однодворца.

Новосильская – деревня, 15 однодворцев

1866 год - «Список населённых мест Орловской губернии»

Село Дросково (Драсково)- село казённое

50 дворов, 468 жителей (больше 9 человек на один двор), церковь, три ярмарки, училище. Волостное правление, почтовая станция, маслобойня, крупорушка, три мельницы. (Новосильевка, деревня казённая – 52 двора, 457 жителей)

1880 год – «Важнейшие селения и волости Российской империи»

В селе Дросково - школа, больница (она – с 1871 года), почта, станция, 9 лавок, два постоянных двора, ярмарки в Вербное воскресенье, 23 апреля и 8 ноября.

1926 год.

В селе Дросково - 159 дворов и 681 житель, волисполком, сельсовет, почтово-телеграфное агентство, школа I ступени, школа II ступени, 14 торговых заведений разных разрядов, медпункт, ветпункт, агрономический пункт (Новосильевка – 493 жителя)

1929 год

На 1 октября 1929 года в Дросково проживали: 681 чел; Имелись ПТО, телефон, школа 1 и 2 ступени, библиотека, больница. Государственное торговое заведение – 1, кооперативное – 4, частное – 3. Заготовка хлеба. Камера народных судей, судоисполнителя, следователь.

1932 год.

Дросково - 455 жителей

Новосильевское – 528 жителей

1959 год

Дросковский район – 14125

Дросково – 776

1980 год

Дросково - 302 двора, 806 жителей;

Новосильевка – 83 двора, 231 житель

2000 год

Дросково - 345 дворов, 903 жителя.

Новосильевка – 117 дворов, 346 жителей

Дросковская волость
(по данным на 1.12.1926 года)

№ п/п	Название населенного пункта	Вид нас. пункта	Сельский совет	Число дворов	Число жителей	Что имелось в населенном пункте, где расположен
1	Александровка	Дер.	Никольский	66	381	Р. Фошня
2	Алексеевка	Дер.	Ивановский	29	137	
3	Алексевский (Комардино)	Пос.	Ивановский	36	180	Р. Плота
4	Башкатова 1	Дер.	Дросковский	61	144	
5	Башкатова 2	Дер.	Енинский	5	26	
6	Беженова 1 (Филино)	Дер.	Енинский	42	245	Шк. 1 ст
7	Беженова 2 (Грачевка, Казаковка, Неумоевка)	Дер.	Ивановский	41	210	
8	Беженовские 1	Выс.	Енинский	1	7	4,3 км от с/с
9	Беженовские 2	Выс.	Енинский	2	12	5,3км от с/с
10	Беженовские 3	Выс.	Енинский	5	30	6,4 от с/с
11	Березовец	Дер.	Беречковский	79	422	т-з 2 р
12	Березовские выселки	Пос.	Беречковский	13	56	
13	Березовый	Пос.	Внуковский	12	71	
14	Беречка	Дер.	Беречковский	161	885	С/с, шк 1 ст
15	Беречковские (пос. Филатов)	Выс.	Беречковский	25	144	
16	Блынский	Хут.	Сетеневский	3	19	Руч. Дросков
17	Васютина	Дер.	Енинский	99	526	
18	Васютинские	Выс.	Енинский	3	17	Р. Фошня
19	Веселый	Пос.	Дросковский	10	39	Р. Фошня, 3,2 км от с/с
20	Внукова	Дер.	Внуковский	145	806	С/с, шк 1 ст, 4 т-з 2 р.
21	Грачевка (Драчева)	Дер.	Ивановский	23	126	Р. Гремячий
22	Грачевка (Беженова)	Дер.	Ивановский	35	185	
23	Гремячий	Хут.	Сетеневский	1	6	Р. Фошня
24	Гремячий колодезь	Дер.	Внуковский	10	74	
25	Драчева	Дер.	Енинский	31	150	
26	Драчевские	Выс.	Енинский	8	44	
27	Дросково (волостной центр)	Село	Дросковский	159	681	ВИК, с/с, п-т-а, шк1ст, шк2ст, к-т-з 2, 5ктз 3 р, 2тз-1р, 3 т-з 2р, т-з 3р, 2 т-з 4р мед. п. вет. п. агр. п. 14 т.п.

28	Дубовый	Пос.	Внуковский	26	150	Р. Фошня, шк.1 ст
29	Енино 1	Село	Енинский	112	657	С/с, шк 1 ст б-ка. Изб/чит
30	Енино 2 (Клушино)	Дер.	Енинский	35	196	
31	Ефремово	Дер.	Никольский	84	443	Руч. Коробец
32	Ефремовские Выселки	Дер.	Маркинский	18	106	Р. Каменка
33	Жегочевский (Смирновские выселки)	Пос.	Смирновский	11	49	
34	За-Рига (Степанищевский)	Пос.	Ивановский	17	95	
35	Зенкин	Хут.	Сетеневский	5	36	
36	Ивановка (Фураевка)	Дер.	Ивановский	27	123	
37	Ивановский (Маховой)	Пос.	Ивановский	38	180	
38	Извекова	Дер.	Беречковский	41	226	
39	Извековские	Выс.	Беречковский	3	26	
40	Казначеевка	Дер.	Ивановский	36	187	
41	Кочки	Пос.	Никольский	14	83	Р. Фошня
42	Кромская	Дер.	Никольский	27	142	Руч. Большой
43	Кромские	Выс.	Никольский	3	14	
44	Лазаревка	Дер.	Дросковский	94	488	
45	Лаушкин	Хут.	Сетеневский	1	7	
46	Малороссов	Хут.	Никольский	15	78	
47	Манина	Дер.	Внуковский	14	94	Р. Фошня
48	Марьина-Драчева	Дер.	Енинский	3	21	
49	Маховские	Выс.	Никольский	8	44	
50	Михайловка	Пос.	Сетеневский	10	53	
51	Морозово	Дер.	Внуковский	101	572	
52	Морозовские	Выс.	Внуковский	22	114	Р. Фошня
53	Надежда	Пос.	Дросковский	11	60	5,3 км от с/с
54	Невада	Пос.	Смирновский	7	37	Руч. Невада
55	Непочатая	Дер.	Смирновский	85	493	2,1 км от с/с
56	Никольское	Село	Никольский	115	623	С/с, шк 1 ст, 2 к-т-з 3 р
57	Новая Слободка	Дер.	Смирновский	77	338	
58	Ново-Ивановка	Дер.	Ивановский	33	165	
59	Новосильская	Дер.	Дросковский		493	
60	Орлы	Пос.	Сетеневский	8	67	
61	Погонево	Дер.	Сетеневский	116	610	Руч Полевой
62	Погоневские	Выс.	Внуковский	27	162	
63	Прилепы	Дер.	Никольский	28	186	
64	Ракитина	Дер.		57	310	Р. Фошня, шк 1 ст.
65	Саламатовка	Дер.	Смирновский	95	469	Шк 1 ст.
66	Саламатовские	Выс.	Смирновский	8	39	
67	Святой колодезь	Пос.	Смирновский	8	44	
68	Сетенева	Дер.	Сетеневский	238	1327	Руч Полевой с/с, шк 1 ст., т-з 1 р.

69	Смирные	Село	Смирновский	140	625	Руч. Невада, с/с, п/а, шк 1 ст, 2 ктз 3р.
70	Стегновка	Дер.	Никольский	15	68	
71	Степанищево	Дер.	Ивановский	68	354	
72	Трусовка	Пос.	Сетеневский	9	62	
73	Ушаковские (Дегтярские)	Выс.	Смирновский	9	57	
74	Харчикова (Харичкова)	Дер.	Енинский	54	274	
75	Харчик (Харичевские)	Выс.	Енинский	11	74	
76	Язвенный	Пос.	Сетеневский	2	11	Руч. Язвенный
77	Ясная Поляна	Дер.	Ивановский	10	54	
77 нас. пунк	Итого по Дросковской волости В среднем в одном дворе			3226	16839 5,2	

**Список населенных пунктов и число жителей в них
по Беречковскому, Внуковскому и Дросковскому сельсоветам
(на 1 января 1932 года)**

Беречковский с/совет

Березовец – 472
Беречка – 997
Вепринец – 198
Верх – Лески – 244
Волчьи Дворы – 208
Гревцево – 243
Громово – 128
Зиновьевский 2-ой – 33
Извеково – 287
Муратово 1-ое – 299
Муратово 2-ое – 433
Поповы Дворы – 106
Разлапки – 67
Усть – Лески – 351
Филатовка – 122
(4188)

Внуковский с/с

Березовый – 103
Васютино – 527
Васютинские Выселки – 19
Внуково 1ое – 400
Внуково 2ое – 525
Гремячий Колодезь – 85
Доброе начало – 65
Дубовый – 185
Енино 1ое – 500

Енино 2ое – 214
 Зарница – 148
 Красный – 196
 Манино – 106
 Ново - Морозово – 163
 Ракитино – 371
 Харчиково – 320
 Морозово – 600
(4527)

Дросковский с/с
 1. Башкатово - 3397
 2. Беженова 1я - 277
 3. Драчева - 208
 4. Дросково - 455
 5. Заикин - 45
 6. Лазаревка - 536
 7. Марьино-Драчева - 22
 8. Начало - 75
 9. Новосильевское - 528
 10. Объединенные Выселки - 175
 11. Пламя - 65
 12. Погонево - 675
 13. Сетенева 1я - 535
 14. Сетенева 2я - 439
 15. Сетенева 3я - 405
 16. Черниковский поселок - 51
(4780)

**Число дворов и жителей по Дросковскому сельскому поселению
 в 2005 и 2011 году (в сравнении)**

<i>Всего по Дросковскому с/с</i>	922 (823)	2483 (1979)
1. с. Дросково-центр	317 (323)	813 (751)
2.д. Башкатово	46 (23)	96 (59)
3.д. Беречка	26 (18)	57 (45)
4. д. Березовец	29 (17)	78 (59)
5. д. Внуково	64 (61)	192 (147)
6. д. Васютино	21 (19)	59 (37)
7. д. Дружба	14 (13)	43 (20)
8.д.Дубинкино	11 (4)	23 (8)
9.д. Енино Второе	11 (4)	20 (13)
10. д. Енино Первое	5 (1)	12 (1)
11.д. Извекова	13 (7)	25 (12)
12. д. Кадинка	5 (0)	10 (0)
13.п. Красный	15 (7)	33 (12)
14.д. Морозова	15 (12)	27 (30)
15. п. Малиновка	1 (1)	2 (2)
16. д. Манино	2 (1)	9 (3)
17. д. Новосильевка	115 (104)	348 (275)
18. д. Новоморозово	1 (1)	8 (7)

19 п. Орлы	4 (5)	8 (7)
20.д. Погонево	38 (31)	109 (80)
21. д. Ракитина	11 (8)	21 (13)
22. п. Ситкин	2 (1)	2 (1)
23.д.Сетенево	155 (158)	479 (393)
24.п. Трусы	1 (0)	1 (0)
25.п. Филатовка	-	-
26.д. Харчиково	5 (3)	8 (3)

Колхозы Беречковского сельсовета Дросковского района (на 1935 год)

Беречка, – «Свой труд»
 Извекова, Извековские Выселки, 2-ой Зиновьевский – «Победа»
 Березовец – «Политотделец»
 Громова, Поповы Дворы – им.Молотова
 Вепринец, Гревцева – «Красный Октябрь»
 1-ая Муратова, 2-ая Муратова – «3-ий Решающий»
 Усть-Лески, Верх-Лески, Нахаловка – «Прогресс»
 Волчьи Дворы, Разпали (Разлапки), Филатовка – имени Сталина
 Всего 8 колхозов с общей площадью 6539,47 га

Колхозы Внуковского сельсовета Дросковского района (на 1944 год)

Васютина – «Искра»
 Внукова – имени Кагановича
 Енино 1-ое – «Путь Ленина»
 Енино 2-ое – «Большевик»
 Зарница – имени Чкалова
 Манино – «Первое Мая»
 Морозова – имени Димитрова
 Новоморозова – «Вперёд к коммунизму»
 Ракитина – «Пятилетка»
 Харчикова – «Красный борец»

Труженики Дросковского сельского поселения, награждённые орденами и медалями

Жарков Николай Фадеевич – Герой Социалистического Труда (1974)

Орден Ленина

Алимочкин Василий Васильевич, скотник колхоза «Заветная мечта», - за работу на одном из оборонных предприятий в годы войны (1942)

Евсеев Тихон Дмитриевич - в связи с 50-летием Советской власти, как одному из активных строителей (1967)

Жарков Николай Фадеевич - председатель колхоза им. Дзержинского (1971)

Леонов Иван Прокофьевич, - звеньевой колхоза им. Дзержинского (1965)

Ретинский Анатолий Иванович – комбайнёр колхоза им. Ильича (1974)

Суханов Виталий Яковлевич - начальник производственного участка колхоза им. Дзержинского (1972)

Широпятов Константин Ионович – звеньевой колхоза им. Дзержинского (1971)

Орден Октябрьской революции

Башкатов Николай Петрович бригадир колхоза им. Ильича (1971)

Васютин Иван Евдокимович – тракторист колхоза им. Дзержинского (1977)

Орден Трудового Красного Знамени

Белевкин Алексей Васильевич – тракторист колхоза им. Дзержинского (1976)

Блынская Александра Васильевна - доярка колхоза «Заветная мечта»(1966)

Блынский Иван Арсентьевич - председатель колхоза «Заветная мечта» (1973)

Блынский Николай Иванович - тракторист колхоза «Заветная мечта» (1966)

Внуков Иван Васильевич – тракторист колхоза «Заветная мечта»

Енин Иван Стефанович – тракторист колхоза «Заветная мечта»

Еськов Вячеслав Тимофеевич – звеньевой колхоза им. Дзержинского (1972)

Жарков Николай Фадеевич - председатель колхоза им. Дзержинского (1966)

Лубянников Иван Григорьевич - председатель исполкома Дросковского с/совета (1971, 1974)

Лунин Василий Егорович - звеньевой колхоза им. Дзержинского (1974)

Лунина Надежда Прокофьевна – доярка колхоза имени Дзержинского (1986)

Михайлов Алексей Максимович – тракторист колхоза им. Ильича (1974)

Петрухин Александр Афанасьевич - колхозник колхоза им. Дзержинского (1971)

Пятин Иван Иванович - главный агроном колхоза им. Дзержинского (1977)

Самойлов Никита Тимофеевич – бригадир колхоза им. Дзержинского (1973)

Семенихин Михаил Федорович – бригадир колхоза им. Ильича (1974)

Черников Иван Андреевич – комбайнёр колхоза им. Дзержинского (1972)

Шалимова Надежда Яковлевна – свиновод колхоза им. Дзержинского (1977)

Шатохина Мария Тихоновна - старшая доярка колхоза им. Дзержинского (1966)

Языкова Александра Яковлевна – доярка колхоза «Заветная Мечта» (1973)

Орден Красной Звезды

Красов Иван Иванович (1967)

Орден Трудовой Славы III ст.

Семенихина Нина Ивановна - доярка колхоза им. Ильича (1977)

Суханов Сергей Алексеевич – тракторист колхоза имени Ильича (1986)

Шатохин Григорий Макарович – тракторист колхоза им. Дзержинского (1977)

Широпятов Иван Яковлевич - свиновод колхоза им. Дзержинского (1977)

Орденом «Знак Почета»

Гаврина Варвара Терентьевна - колхозница колхоза «Заветная мечта» (1966)

Гревцев Сергей Кириллович - заведующий фермой колхоза им. Ильича (1973)

Дрогайцева Вера Владимировна - агроном колхоза им. Дзержинского (1966)

Егорычева Таисия Егоровна - зоотехник колхоза им. Дзержинского (1971)

Енина Надежда Ивановна - зоотехник колхоза им. Дзержинского (1971)

Заугольников Юрий Федорович – председатель колхоза им. Ильича (1974)

Легостаева Евдокия Григорьевна – доярка колхоза им. Ильича (1971)

Леонов Павел Михайлович – бригадир колхоза им. Дзержинского (1974)

Михайлов Константин Стефанович – тракторист колхоза им. Ильича (1966)

Павлова Валентина Дмитриевна – доярка колхоза «Заветная мечта» (1966)

Ретинский Анатолий Иванович – тракторист колхоза «им. Ильича» (1972)
Сапелкин Анатолий Стефанович – бригадир колхоза «Заветная мечта» (1971)
Харчиков Василий Спиридонович - звеньевой колхоза «Заветная мечта» (1974)
Харчиков Иван Григорьевич - звеньевой колхоза «Заветная мечта» (1976)
Цуканова Валентина Владимировна - колхозница колхоза им. Дзержинского (1974)

Орден Дружбы народов

Леонов Павел Михайлович – заведующий фермой колхоза имени Дзержинского (1986)

Медаль «За трудовую доблесть»

Гревцев Владимир Дмитриевич - скотник колхоза им. Ильича (1966)
Гревцева Любовь Александровна – колхозница колхоза им. Дзержинского (1966)
Драчёв Юрий Петрович - водитель автомобиля колхоза имени Ильича (1977)
Леонов Алексей Захарович – тракторист колхоза им. Дзержинского (1966)
Ратникова Нина Фёдоровна – доярка колхоза «Заветная мечта» (1986)
Семенов Михаил Иванович - бригадир колхоза «Заветная мечта» (1966)
Степанова Ольга Ивановна – главный зоотехник колхоза имени Дзержинского (1986)
Черникова Аксинья Никитична – птичница колхоза им. Ильича (1966)

Медаль «За трудовое отличие»

Гревцев Иван Иванович - тракторист колхоза имени Ильича (1977)
Пивочкин Алексей Егорович - тракторист колхоза им. Дзержинского (1966)
Семёнов Николай Фёдорович – водитель автомобиля колхоза «Заветная мечта» (1977)
Шалимов Алексей Григорьевич – пастух колхоза им. Ильича (1966)

Председатели Дросковского сельского Совета и главы Дросковского сельского поселения

Селютин Тихон Егорович (январь 1948 – ноябрь 1950)
Шабанников Иван Фёдорович (декабрь 1950 – февраль 1955)
Конорев Иван Иванович (март 1955 – май 1960)
Дубов Бенъямин Аронович (июнь 1960 – февраль 1962)
Драгайцев Анатолий Алексеевич (март 1962 – январь 1963)
Заикин Василий Дмитриевич (январь 1963 – декабрь 1964)
Лубянных Иван Григорьевич (январь 1965 – декабрь 1984)
Илюшкин Владимир Александрович (январь 1985 – май 1989)
Сапрыкина Валентина Ивановна (июнь 1989 – 15 мая 1995)
Масловский Вячеслав Фёдорович (16 мая 1995 – март 1999)
Леонова Галина Александровна (апрель 1999 – март 2001)
Перелыгин Николай Алексеевич (апрель 2001 – 2004)
Мясников Сергей Иванович (2004 – март 2006)
Перелыгин Николай Алексеевич (март 2006 – март 2011)

Словарь известных уроженцев и жителей Дросковского сельского поселения

Бабаев Виталий Андреевич – Заслуженный работник культуры РФ.

Родился 4 апреля 1941 года в деревне Лазаревка. Закончил в 1958 году Дросковскую школу, работал на стройке, заведующим избой-читальней. Служил на советско-турецкой границе. До службы и после её завершения сотрудничал в редакциях Дросковского, Колпнянского и Покровского районов.

В 1970 году закончил Литературный институт имени М.Горького. С этого же года по 2007-ой работал редактором районной газеты Свердловского района «Сельская новь». Печатался в журналах «Пограничник», «Советский воин», в коллективных сборниках «Взаимность», «И я этой силы частица», «Орловские дали». В 2000 году вышел поэтический сборник «Полевая дорога».

В настоящее время – пенсионер, проживает в пос. Змиёвка.

Блынский Александр Степанович (родился 15.08.1923 года в деревне Васютино). Закончил Краснохолмское военно-пехотное училище, участвовал в разных военных операциях, награжден двумя медалями «За отвагу», орденами Красной Звезды, Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I степени.

Демобилизовался в 1947 году. Работал секретарём партийной организации Топковской МТС, руководил партийными организациями пяти районов Орловской области, в том числе Ливенской парторганизацией. Свыше десяти лет занимал должность заместителя председателя исполкома областного Совета народных депутатов. Автор мемуаров «Далёкое и близкое». Живёт в Орле.

Блынский Дмитрий Иванович (20.02.1932, д.Васютино – 20.10.1965, г. Мурманск, похоронен на Пятницком кладбище в Москве) – известный русский поэт, журналист, член Союза писателей СССР (см. очерк о нём и о Блыньских).

Блынский Иван Арсентьевич (23.10.1921, д.Васютино – 07.06.1995, с. Дросково) – участник Великой Отечественной войны, председатель колхоза «Заветная мечта» с 1954 по 1979 годы, кавалер ордена Трудового Красного Знамени (1973 год).

Бондарев Юрий Иванович (1946, д.Башкатово) – краевед, автор книг «Бондарев Тихон Лаврентьевич» (2006 и 2011, второе издание), «Летопись города Ливны» (2007), «Взлёты и падения ливенского футбола и хоккея» (2008), «Школа в веках» (2009), «Ливны изначальные» (2009), «Крепость на Быстрой Сосне» (2010), «Древний город Ливна» (2011), «Установление Советской власти в Ливнах» (2012).

Первый класс закончил в Новослободской начальной школе, в 1954 году переехал с родителями в Ливны. В 1964 году с золотой медалью закончил ливенскую школу №3 (ныне – лицей). В 1973 году с отличием закончил МВТУ имени Баумана. Работал на «Ливгидромаше» (конструктором и

заместителем начальника цеха). В 1976 году перешёл работать на Ливенский завод жидкостных счётчиков (главным технологом).

С 1981 по 1990 год – на общественной работе, с ноября 1990 по 2003 год – заместитель директора Ливенского автоагрегатного завода по экономическим вопросам (ныне – ОАО «Автоагрегат»).

Краеведением стал заниматься с 1988 года, его работы публиковались в ливенских и орловских периодических изданиях. Живёт в Ливнах.

Бушевский Михаил Фёдорович (06.11.1936 – 25.02.2010) – кандидат в мастера спорта по шахматам, перворазрядник по русским шашкам, неоднократный победитель и призёр многих районных и областных соревнований по шахматам, шашкам, хоккею с шайбой, футболу, лапте. Самый известный фанат спорта в Покровском районе.

Родился в селе Дросково, закончил Дросковскую среднюю школу и Мичуринский плодоовощной институт, получил агрономическое образование. До ухода на пенсию работал трактористом в Дросковском торгово-розничном объединении Покровского райпо. Похоронен на Дросковском кладбище.

Васютин Юрий Сергеевич (родился 27 ноября 1938 г. в д. Погонево)

Закончил Дросковскую среднюю школу, в 1964 г. - Всесоюзный заочный юридический институт (ВЗЮИ, г. Москва) по специальности "Правоведение". В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме "Партийное руководство подготовкой молодежи к службе в Вооруженных силах СССР" в Военно-политической академии им. В.И.Ленина. Доктор исторических наук, профессор. В 1983 г. окончил докторантуру АОН при ЦК КПСС, в 1984 г. защитил докторскую диссертацию по теме "Развитие и творческое осуществление ленинских идей военно-патриотического воспитания трудящихся, защите завоеваний социализма" в АОН при ЦК КПСС.

С 1996 г. - первый проректор Орловской региональной академии государственной службы, заведующий кафедрой политологии, государственного и муниципального управления, председатель диссертационного совета академии, член докторского диссертационного совета в РАГС при Президенте РФ. Автор более 200 научных публикаций в виде монографий, учебно-методических пособий, статей, из них 14 опубликованы за рубежом. Награжден медалями "За отличие в охране государственной границы", "50 лет Вооруженных Сил СССР", "За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина", "60 лет Вооруженных Сил СССР", "За освоение Целины".

В 2007-2011 годах - уполномоченный по правам человека в Орловской области. В настоящее время – на пенсии, проживает в Орле.

Внуков Иван Иванович (д.Внуково - г.Москва) – генерал-майор, участник советско-финской и Великой Отечественной войн, начальник штаба 104 горно-стрелковой дивизией, начальник штаба 45 стрелкового Неманского корпуса (*смотри очерк о нём*)

Гольшикина Антонина Фроловна (родилась 16.06. 1930 года в д.Погонево) – поэтесса, автор сборников «Память сердца» (2001), «Золотое кольцо» (2003), «Лунные кони» (2005), «Русь» (2006).

Закончила Задонскую культурно-просветительную школу и Московский институт культуры. Работала директором Дросковского сельского клуба, библиотекарем Дросковской библиотеки. Потом переехала в Липецк, где трудилась методистом областной библиотеки. После ухода на заслуженный отдых возвратилась на родину. С 1985 года – внештатный автор районной газеты «Сельская правда», пишет о людях труда, о земляках – стихи и прозу. Живёт в Погонево.

Дубов Владимир Борисович (родился 29 октября 1948 года в д. Башкатово), закончил исторический факультет Орловского пединститута, работал учителем в Тимирязевской и Дросковской школах, инструктором Покровского РК КПСС). Долгое время активно занимался спортом (кандидат в мастера спорта по вольной борьбе), тренировал учащихся и выезжал с ними на соревнования.

Поэт, автор многочисленных поэтических подборок в районной газете «Сельская правда» и трёх книг стихов – «Торопит тропа полевая...» (2010 год), «И сбыться мечте случилось...» (2011 год), «Село моё» (2012 год).

В настоящее время – пенсионер, живёт в селе Дросково.

Ефремов Михаил Яковлевич (19.11.1923, с. Никольское – 19.01.1996, с. Дросково) – участник Великой Отечественной войны в составе 166 гвардейского штурмового авиационного Краснознамённого полка. 28 апреля 1945 года старший сержант, авиационный механик Михаил Ефремов был награждён медалью «За боевые заслуги» за то, что он, *«участвуя в боевых операциях полка на 1-ом, 2-ом и 3-ем Украинском фронтах, в период прорыва глубоко эшелонированной обороны противника на Львовско-Сандомирском, Яско-Кишинёвском направлениях и последующих боевых действиях на территории Румынии и Югославии с 25.7.1944 года по 15.4.1945 года, в установленные сроки и с отличным качеством подготовил 123 успешных боевых вылета самолётов ИЛ-2», кроме того, восстановил один самолёт, подбитый огнём зенитной артиллерии и произведший вынужденную посадку на фюзеляж».*

В 50-ые годы XX века М.Я.Ефремов работал заведующим Дросковским РОНО, в 70-80-ые годы – директором Дросковской средней школы. Похоронен Михаил Яковлевич на кладбище села Дросково.

Жарков Николай Фадеевич (20.03.1920, д.Пятино Должанского района Орловской области – 05.05.1992, г.Орёл) – участник Великой Отечественной войны, Герой Социалистического труда (1974 год), председатель колхоза имени Дзержинского с 1954 по 1987 год. Похоронен на кладбище села Дросково.

Зацепилин Николай Николаевич (родился 10.05.1969 в с.Дросково) – участник «второй чеченской войны» (1999 год), старший сержант, командир группы разведроты, в тридцатилетнем возрасте перенес ампутацию правой ноги. Произошло это 11 декабря 1999 года в Чечне, на высоте 338, в

предместьях сопки Гекаловская, что в Старопромысловском районе. Николай напоролся на мину, которая разворотила правую ногу и почти оторвала правую руку возле локтя. Но перед этим две разведгруппы (всего 25 человек) уничтожили более 30 боевиков и откорректировали огонь артиллерии, которая разгромила вражескую минометную батарею.

Николай - кавалер ордена Мужества, кандидат в мастера спорта по биатлону, закончил 8 классов Дросковской средней школы.

Злобин Владимир Константинович (родился 21.02.1938 в дер. Новосильевка) - доктор технических наук (1981), профессор (1982), заведующий кафедрой электронных вычислительных машин (1980), ректор (1983) Рязанского радиотехнического института (с 1993 г. – академии). Заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации (1994). Действительный член Российской инженерной академии (1996), Российской академии естественных наук (1996), Российской академии космонавтики им. К.Э.Циолковского (1998). Награжден: орденом "Знак Почета" (1986, 1998), знаком "Почетный работник высшего образования России" (1996), медалью Росавиакосмоса "Звезда Циолковского" (2002), Золотой медалью им. академика В.Ф.Уткина (2003), медалью Петра Великого "За трудовую доблесть" (2004). Окончил Рязанский радиотехнический институт в 1960 г., аспирантуру МВТУ им. Н.Э.Баумана в 1966 г.

Почётный гражданин города Рязани (2007 год, - *«за особые заслуги в развитии образования и большой вклад в общественную и научную деятельность»*). Живёт в Рязани.

Коломыцев Михаил Иванович (родился 17 ноября 1983 года в деревне Сетенёво). Закончил Сетенёвскую начальную школу, 9 классов Дросковской средней школы (1998 год), параллельно занимаясь в Дросковской школе искусств (класс гармошки и баяна). В 2003 году с отличием закончил Орловское музыкальное училище (класс композитора Е.П.Дербенко) и поступил в Московский Педагогический Государственный университет на музыкальный факультет. Закончил его в 2008 году.

Михаил - гармонист-виртуоз, лауреат Всероссийских и Международных конкурсов, рекордсмен русского клуба рекордов "Левша" в номинации «Рекорды музыкантов России», один из десяти лучших гармонистов России.

С 2008 года Михаил Коломыцев выступает как гармонист-солист ГУК "Москонцерт".

Легостаев Иван Тихонович (1918, с. Дросково — 22.XII.1983, Таллин). Окончил Ленинградское военно-политическое училище им. Ф. Энгельса. Участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Красного Знамени, воевал на Псковщине, где совершил свой подвиг Александр Матросов. Спустя годы Легостаев картину после боя в Чернушках восстановил в своей книге «Бросок в бессмертие» (1978, 1982 — на грузинском языке, 1983). Долгое время Иван Тихонович руководил народным музеем имени Александра Матросова в Таллинне. Он - заслуженный деятель культуры Эстонской ССР, автор альбома «Во имя жизни» (1965, 1967) и очерка об

Александре Матросове в сборнике «Правофланговые комсомола» (1982 год, серия ЖЗЛ).

Лубянников Иван Григорьевич (04.01.1924 – 25.08.2003, с.Дросково) – председатель исполкома Дросковского сельского Совета с 1965 по 1984 год, кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени (1971 и 1974 годы).

Марыченков Николай Иванович (родился 30.11.1962 года в п. Рига Ивановского сельского поселения), закончил 8 классов Ивановской 8-летней школы и Глазуновский сельскохозяйственный техникум. Проходил службу и воевал на территории Афганистана с 11.1982 по 13.04.1984 года, когда получил тяжёлое ранение в правое бедро. Инвалид войны, кавалер ордена Красной Звезды.

После демобилизации живёт в д.Новосильевка. Работал зоотехником в колхозе, в настоящее время занимается собственным хозяйством (*смотри очерк о нём – «Последний бой рядового Марыченкова»*).

Набатова Прасковья Тимофеевна (01.07.1908, д.Муратово Второе – 25.07.1988, д.Сетенёво) – единственная, чудом оставшаяся в живых, свидетельница массового расстрела фашистами 23 февраля 1942 года 65 жителей деревни Муратово Второе. Во время расстрела погибли трое её детей. После войны жила и умерла в деревне Сетенёво, похоронена в Дросково.

Павлова Валентина Георгиевна (родилась 27.02.1948, в д.Тетерье) – Заслуженный учитель Российской Федерации (2004 год).

С золотой медалью в 1965 году закончила Покровскую среднюю школу, а после окончания факультета иностранных языков Орловского пединститута стала работать в Дросковской средней школе. С 1986 по 2005 год – директор этой школы. В настоящее время – на пенсии. Живёт в селе Дросково.

Сиротин Виктор Павлович (родился в 1951 году в селе Дросково) – капитан I ранга, командир одной из подводных лодок, базировавшихся на Северном флоте, мастер спорта по гиревому спорту. Выпускник Дросковской школы 1968 года. В настоящее время – в отставке, проживает в городе Всеволожске Ленинградской области.

Софронов Фёдор Васильевич (01.09.1859, Орёл – 29.09.1936, Малоархангельск) – земский врач, просветитель, поэт, публицист, театральный режиссёр, в течение 20 лет (1888-1908) руководил Дросковской земской больницей (*смотри очерк о нём*)

Софронова Антонина Фёдоровна (14.03.1892, с.Дросково – 14.05.1966, Москва) – известная русская художница, авангардистка, чьи картины представлены во многих музеях, в том числе в Третьяковской галерее и в Орловском музее изобразительных искусств. Некоторое время работала в Дросковской школе учителем рисования. Дочь Ф.В.Софронова. Похоронена на Востряковском кладбище в Москве (*смотри очерк о ней*).

Софронова Лидия Фёдоровна (1888, с.Дросково – 1980, Москва) – театральная актриса, долгое время выступавшая в Московском театре антрепризы под сценической фамилией *Ирнина*, родная сестра А.Ф.Софроновой

Токмаков Леонид Петрович (родился 11 мая 1949 года в д.Токмаково Колпнянского района) - с 1972 года – директор Дросковской школы искусств (первое время она называлась музыкальной школой). Почётный работник общего образования Российской Федерации (2002 год).

Закончил в 1970 году Орловское культпросветучилище, а в 1975 году – Орловское музыкальное училище («преподаватель по классу баяна» и «руководитель оркестра народных инструментов»).

При руководстве Леонида Петровича школа и её учащиеся неоднократно становились победителями и лауреатами районных и областных конкурсов в различных номинациях.

В августе 2011 года Л.П.Токмаков стал лауреатом Международного конкурса «Играла гармонь в День Победы». С 1972 года живёт в Дросково.

Харчиков Александр Тихонович (01.03.1936, д.Харчиково – 26.10.2010, г.Тула) – русский писатель, поэт, публицист, член Союза писателей СССР и России (*смотри очерк «Тень крыла» Александра Харчикова*).

Харчиков Владимир Семёнович (05.12.1928 года, д.Харчиково – 17.10.2012г., с.Дросково) – отличник просвещения РФ, учитель физкультуры Дросковской средней школы с 1961 по 1998 год. Создатель спортивного клуба «Олимпия» и первого на Орловщине Музея спортивной славы Дросковской школы. Многолетний внештатный корреспондент Покровской районной газеты «Сельская правда», автор публикаций на спортивные темы и о людях Дросковской зоны Покровского района, автор книг «Старая изба» (2004 год), «По дорогам жизни и творчества» (2010 год), «Сердце, отданное детям» (2012 год). Похоронен в селе Дросково.

Харчиков Михаил Борисович (21.11.1903, с.Енино – 11.03.1977, Омск) – Герой Советского Союза, единственный из уроженцев Дросковского сельского поселения (*смотри очерк о нём*).

Черкасов Иван Максимович (04.10.1924, с.Трубицино) – полный кавалер орденов Славы, участник Великой Отечественной войны, сапёр. Учился в Дросковской школе. После демобилизации несколько лет жил и работал в селе Дросково (*смотри очерк о нём «Слава и её Кавалер»*).

Шалимов Александр Павлович (родился 12.05.1963 года в д.Башкатово) – проходил службу и участвовал в боевых действиях на территории Афганистана с 12.06.1982 по 25.05.1984, механик-водитель БТР, награждён медалью «За боевые заслуги». Проживает в д. Башкатово.

Шатохин Афанасий Демьянович (1880г, д.Погонева – 24.05.1940г, д.Погонева) – кавалер Георгиевского креста 4-ой степени, участник Первой Мировой войны, воевал в составе 94 Енисейского пехотного полка. Жил в 20-30-ые годы XX века в д. Погоневой, похоронен на кладбище села Дросково (*смотри очерк о нем «Георгиевский кавалер Афанасий Шатохин»*).

Дросковские достопримечательности

Храм Михаила Архангела в селе Дросково

Дросковский Святой источник

Братская могила в д. Васютино

Братская могила в д. Внуково

Памятник Бурану Нсанбаеву в селе Дросково

Дом-музей Дмитрия Блынского
в деревне Васютино

Мемориальная доска на доме

Природа Дросковского поселения

Окрестности деревни Васютино

Выходы камня-песчаника у деревни Башкатово

Старинный пруд села Дросково

Плотина и пруд у деревни Башкатово

Старинный колодец под храмом Михаила Архангела в селе Дросково

Ручей Лесной Дросков

Берёзовая роща (картина Дмитрия Блынского)

Улицы и здания села Дросково

Центр села Дросково

Магазины села Дросково

Минимаркет в Дросково

Контора газовых служб села Дросково

Новый посёлок в Новосильевке.

Переулок Школьный в Дросково.

Дросковская врачебная амбулатория.

Дросковская хлебопекарня.

Дросковская школа до реконструкции.

Интернат Дросковской школы.

Дросковская школа после реконструкции.

Мемориальная доска на здании Дросковской школы.

Знатные уроженцы Дросковского поселения

Георгиевский кавалер
Шатохин Афанасий Демьянович.

Герой Советского Союза
Харчиков Михаил Борисович

Полный кавалер ордена Славы
Черкасов Иван Максимович.

Почётный гражданин Орла,
полковник
Еськов Дмитрий Павлович.

Шалимов Илья Иванович.

Васютин Василий Алексеевич.

Герой Социалистического труда
Жарков Николай Фадеевич.

Подводник
Сиротин Виктор Павлович.

Марыченков Николай Иванович

Зацепилин Николай Николаевич

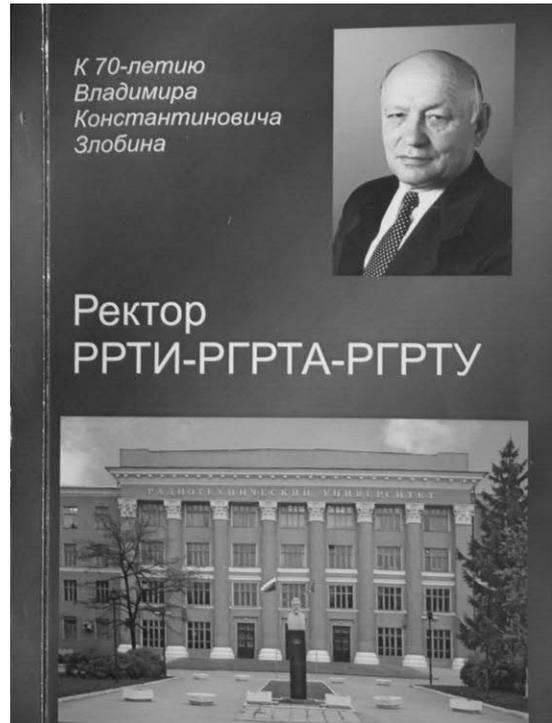
Шатохина Мария Афанасьевна

Набатова Прасковья Тимофеевна

Злобин Владимир Константинович

Книга о нём.

Васютин Юрий Сергеевич

Коломыцев Михаил Иванович

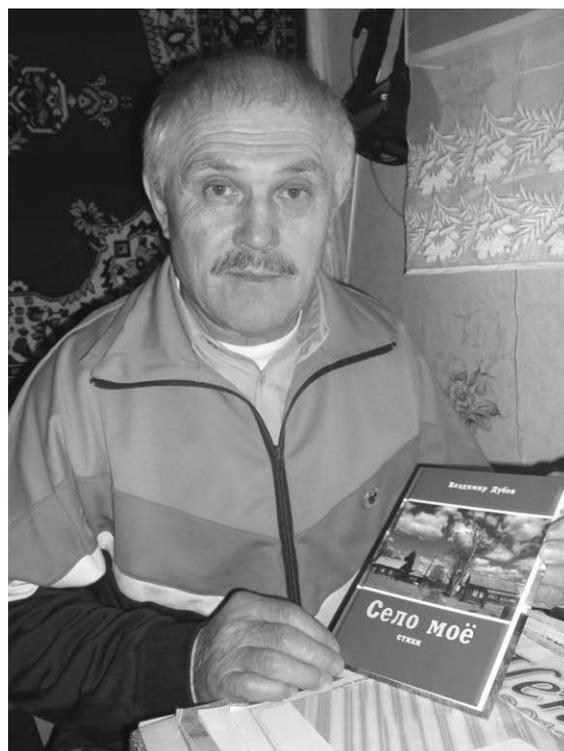
Харчиков Владимир Семёнович

Харчиков Александр Тихонович с автором книги

Гольшкіна Антоніна Фроловна

Дубов Владимир Борисович

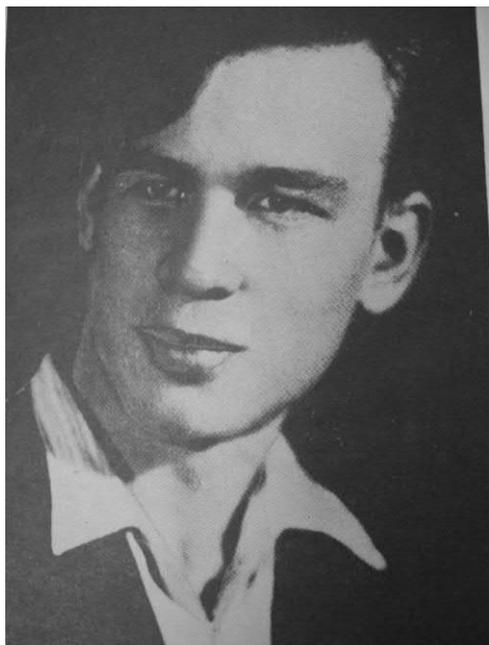

Токмаковы Леонид Иванович и
Римма Ивановна

Бушевский Михаил Фёдорович

Блынские

Поэт Дмитрий Блынский

Председатель колхоза
Иван Блынский

Портрет Дмитрия Енина
работы Дмитрия Блынского

Мемориальная доска
на доме по улице Гьёго в Орле

Могила Дмитрия Блынскогo на Пятницком кладбище в Москве.

Семья фермера Александра Блынскогo.

Софроновы

Дом врачей в селе Дросково (начало XX века)

Семья Софроновых

Земский врач
Фёдор Васильевич Софронов

Афиша сельского спектакля
в селе Дросково

Художница Антонина Софронова

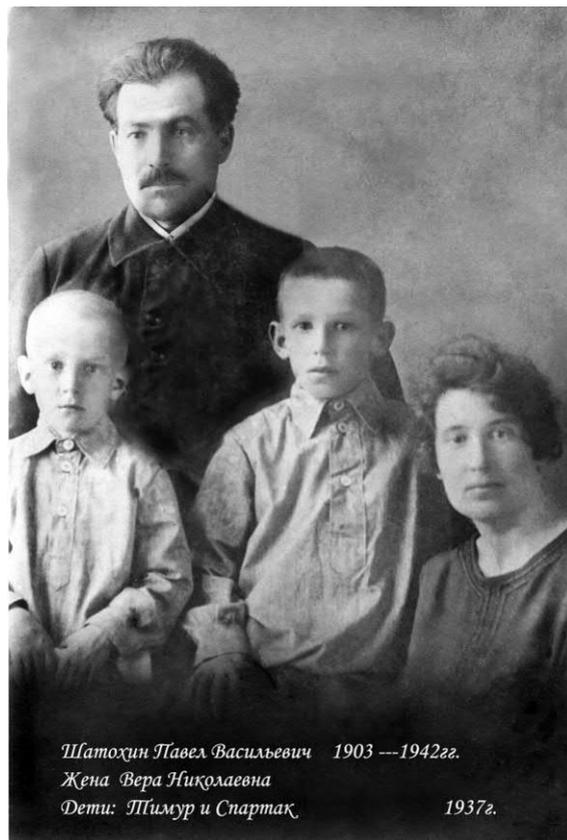

Портрет сестры
работы Антонины Софроновой

Шатохины

Семья Шатохиных (фото 1915 года)

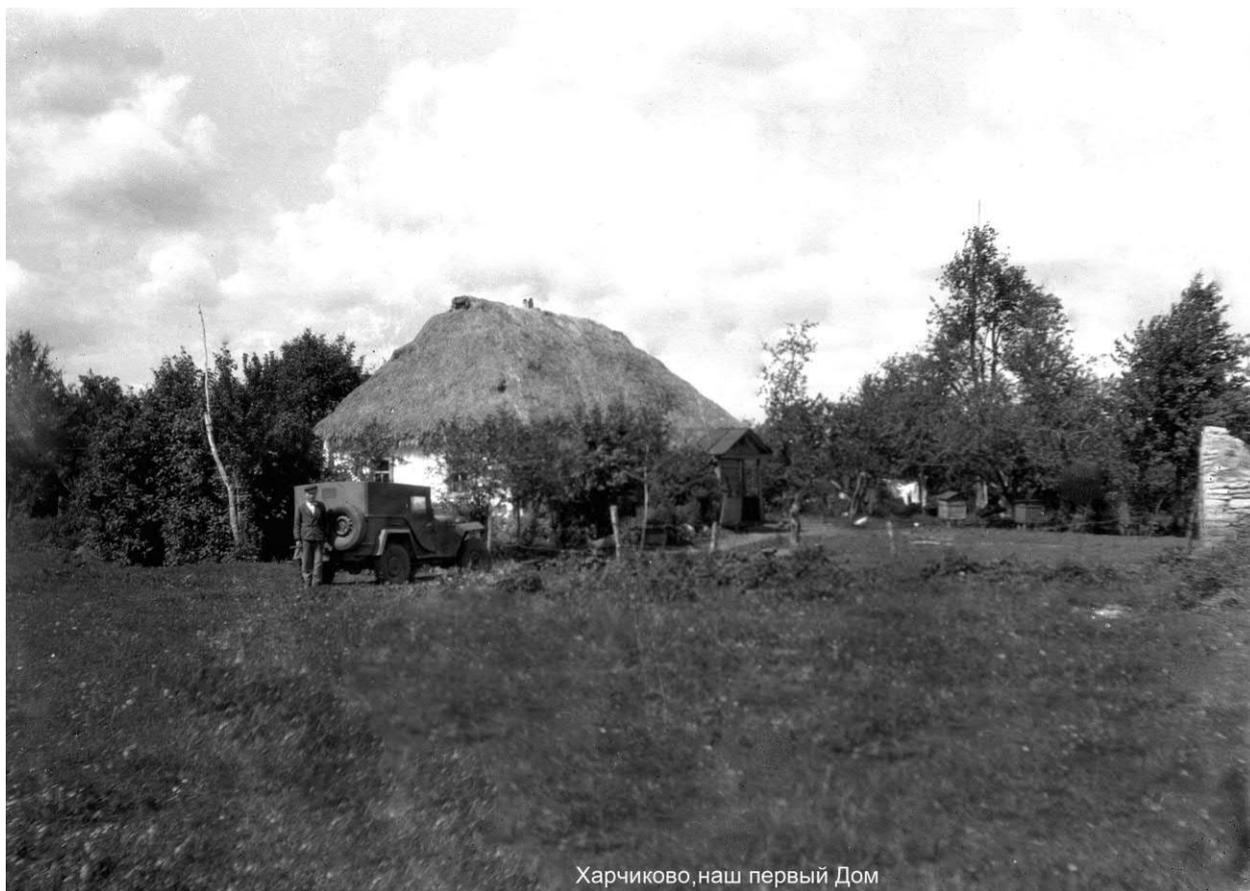
Семья Павла Шатохина

Шатохин Дмитрий Васильевич

Шатохин Николай Васильевич

Харчиково, наш первый Дом
Деревня Харчиково, дом Шатохиных.

Шатохины Александр Фёдорович, Любовь Фёдоровна
и Нина Фёдоровна.

Содержание

Первые жители нашего края	3
О дворянах Извековых и деревне Извековой	7
О селе Дросково, о Дросковской церкви и её служителях	9
Дросковская история	13
Как однодворцы села Енино сто лет с соседями-помещиками за землю и рощу спорили	15
Два Енино	17
О Дросковском народном училище	23
Об истории территориально-административного деления	24
Несколько слов о Дросковском районе	25
Дросковский сельсовет в 1935 году	27

События Великой Отечественной войны на территории

<i>Дросковского сельсовета</i>	29
О периоде фашистской оккупации	29
Бои местного значения	30
Бой у деревни Дубинкиной	31
Освобождение села Дросково и населённых пунктов Дросковского сельсовета	36
Последствия фашистской оккупации	38
Герой Советского Союза М.Б.Харчиков	39
Опередивший Матросова (Герой Советского Союза Буран Нсанбаев)	40
Иван Внуков – наш земляк-генерал	43
Почётный гражданин Орла (рассказ о Д.П. Еськове)	44
Слава и её кавалер	46
Колхоз имени Кагановича в 50-ые годы XX века	50
О Дросковской школе	53
О Дросковском детском саде	54
Рассказы о дросковчанах	
Георгиевский кавалер Афанасий Шатохин	54
«Пока я жив, обо мне не пиши» (Памяти В.А.Васютина)	58
Артиллерист Илья Шалимов	62
Последний бой рядового Марыченкова	64

Деятели культуры

Земский врач и просветитель Фёдор Софронов	69
Художница Антонина Софронова	71
Ирина Евстафьева «Дросковские корни»	74
Дмитрий Блынский, его родственники и однофамильцы	76
Блынский Дмитрий Иванович – документы из личного дела	82
Автобиография Д. Блынского	83

Из воспоминаний председателя колхоза «Заветная мечта»	
И.А.Блынского о поэте Дмитрие Блынском	84
Воспоминания В.С. Блынского о Д.И. Блынском	85
Герой нашего времени (о фермере А. Блынском и его семье)	86
Шатохины	89

Творчество земляков

«Тень крыла Александра Харчикова»	92
Дмитрий Блынский. Стихи	94
Виталий Бабаев. Стихи	100
Владимир Дубов. Стихи	101
Антонина Голышкина. Стихи	104
Владимир Харчиков. Новеллы	105

Приложение

Хроники села Дросково	109
Дросковская волость	110
Список населённых пунктов Дросковского сельского поселения	112
Число дворов и жителей по Дросковскому сельскому поселению в 2005-2011 гг. .	113
Председатели Дросковского сельсовета и главы Дросковского поселения .	
Колхозы Беречковского сельсовета	114
Колхозы Внуковского сельсовета	114
Трудовые подвиги дросковчан (награждённые орденами и медалями) ..	114
Председатели Дросковского сельсовета и главы Дросковского сельского поселения	116
Словарь известных уроженцев и жителей Дросковского сельского поселения	117
Фотоприложение	123

[70-00]

**История сельских поселений
Покровского района Орловской области
Выпуск IV**

Александр Полынкин

***Дросковское сельское поселение.
История и люди***

Автор-составитель и редактор – А.М. Полынкин

Фотографии – А. Полынкин

Технический редактор С. Ветчинников

Подписано в печать 21.01.2013 г. Формат 60X80 1/16

Печать ризограф. Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Объём 7,125 усл. печ. л. Тираж 150 экз. Заказ № 002

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.

Отпечатано в ООО ПФ «Картуш»

г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862)44-51-46

